

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8 **ИСТОРИЯ**

№ 3 • Том 64 • 2023 • МАЙ–ИЮНЬ

Издательство Московского университета
LOMONOSOV HISTORY JOURNAL

Выходит один раз в два месяца
Published once in two months

СОДЕРЖАНИЕ

М а н о х и н А.А. Протоустав Иосифа Волоцкого.....	3
К а л и н и н М.В. Устойчивость трасс дорог Московского уезда в XVII — первой трети XVIII в.....	30
Л а б у т и н а Т.Л. Русско-шведская война 1741–1743 гг. в оцен- ках британских послов в России.....	41
Д о л г и х Е.В. К истории повседневности: складывание русской трактирной кухни.....	58
К а м а е в а (Б у р е е в а) Е.В. Финансирование международной деятельности ВЛКСМ в 1960-е — 1970-е годы.....	85
К а з ь м и н а О.Е., С о л о в е й Т.Д. Генеалогия университет- ской этнографии: кафедра, личности, трансляция традиции (К 100-летию со дня рождения профессора Г.Е. Маркова).....	97
М у х а н о в В.М. Об университетском пути и научном насле- дии В.А. Георгиева (1944–2022).....	122
К и р ч а н о в М.В. Национальные академические ассоциации американских историков как участники исторической по- литики в США.....	142
С т о л я р о в а Е.К. Витражные стекла XIII века из Ярославля: состав стекла и вопросы происхождения.....	159
Л о п у х о в а М.А. «Аллегория Музыки» Филиппино Липпи. Генеалогия образа.....	174

CONTENTS

М а н о к х и н А.А. Proto-rule of Joseph Volotsky	3
К а л и н и н М.В. Stability of Road Routes in the Moscow Uyezd in the 17th — first third of the 18th Century	30
Л а б у т и н а Т.Л. The Russian-Swedish War of 1741–1743 in the As- sessments of the British Ambassadors in Russia	41
Д о л г и к х Е.В. On the History of Everyday Life: the Formation of Russian Tavern Cuisine	58
К а м а е в а (Б у р е е в а) Е.В. Financing of the International Activi- ties of the Komsomol in the 1960s–1970s	85
К а з м и н а О.Е., С о л о в е у Т.Д. Genealogy of University Ethno- graphy: Department, Personalities, Tradition Transmission (to the 100th Anniversary of the Birth of Professor G.E. Markov)	97
М у к х а н о в В.М. On the University Career and Scholarly Heri- tage of V.A. Georgiev (1944–2022)	122
К ы р ч а н о в М.В. National Academic Associations of American Historians as Participants of Historical Politics in the USA	142
С т о л я р о в а Е.К. 13th Century Stained Glasses from Yaroslavl': Chemical Composition of Glass and Issues Related to its Origin.	159
Л о п у к х о в а М.А. The “Allegory of Music” by Filippino Lippi. Genealogy of Image	174

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-3-3-29

А.А Манохин

ПРОТОУСТАВ ИОСИФА ВОЛОЦКОГО

A.A. Manokhin

PROTO-RULE OF JOSEPH VOLOTSKY

Аннотация. Устав Иосифа Волоцкого (1439–1515) был известен еще его первым биографам XIX в. П.С. Казанскому, Н.А. Булгакову и И. Хрущову. Все они работали с Уставом, помещенным в Великие Минеи Четии митрополита Московского и всея Руси Макария. Я.С. Лурье в 1950-е гг. обнаружил иную редакцию Устава, Краткую, состоящую из 11 Слов, и несколько сборников с неполным набором Слов и потенциальным 12 Словом Устава. Краткая редакция издана Я.С. Лурье вместе с предполагаемым 12 Словом в 1959 г. Рукописная традиция Устава им обозначена как весьма устойчивая, в отличие от другого произведения Иосифа Волоцкого — «Просветитель». Автор данной статьи, исследуя рукописную традицию 12 Слова «Просветителя», обнаружил рукопись: ОР ГИМ. Епархиальное собрание, № 248. В описании она обозначена как 12 Слово «Просветителя», но при знакомстве с рукописью обнаружилось, что это фрагменты Устава Иосифа Волоцкого, которые могут быть датированы концом XV в., т.е. это прижизненный список текстов Устава, ранее неизвестный в науке. На основании сверки текстов установлено, что первый фрагмент — это 11 Слово Пространной редакции. За ним следует неизвестное ранее 12 Слово, сильно текстуально совпадающее с 13 Словом Минейной редакции. За ним помещены 2 и 3 Слова Краткой редакции и существенно сокращенный текст 13 Слова. Сделан вывод, что изначально Краткая редакция Устава могла содержать 13, а не 11 Слов. В то же время Минейная редакция Устава состоит из двух «духовных грамот», во вторую выделены Слова 12–14. Как установлено Я.С. Лурье,

---

Манохин Александр Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра научного проектирования Управления по научной работе Российского государственного гуманитарного университета

Manokhin Alexandr Aleksandrovich, PhD Candidate in History, Research Fellow, Center for Scientific Design, Department of Scientific Research, Russian State University for the Humanities

mnoh@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-6407-4514

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00218)

The work was financially supported by the Russian Science Foundation (project N 20-18-00218). <https://rscf.ru/project/20-18-00218/>

их содержание в значительной степени дублирует первые 11 Слов. В «Московских церковных ведомостях» нами обнаружена заметка, где имелись указания на ныне утраченный список Волоколамского монастыря № 482, в котором могла быть только «вторая» духовная грамота, без первой. Сделан вывод, что и Минейная редакция могла изначально содержать 11 Слов, а не 14, а объединение двух грамот произошло после смерти Иосифа Волоцкого.

Ключевые слова: Устав Иосифа Волоцкого, Волоколамский монастырь, Епархиальное собрание, 12 Слово Устава, прижизненный список, колляция текста.

Abstract. The Rule of Joseph Volotsky (1439–1515) was known to his first biographers of the 19th century, P.S. Kazansky, N.A. Bulgakov and I. Khrushchov. All of them worked with the Rule incorporated in the Great Menaion Reader by Metropolitan Macarius of Moscow and All Russia. Ya.S. Lur'ë at 1950th discovered a different version of the Rule, the brief one, which consists of 11 Discourses, and several collections with an incomplete set of Discourses and potential Discourse 12. The brief version was published by Ya.S. Lur'ë together with potential Discourse 12 in 1959. He characterized the manuscript tradition of the Rule as very stable in contrast to another work, the *Enlightener*. The author of the article found the manuscript in OR GIM (Manuscript Department of the State Historical Museum), Diocesan Collection, N 248. It is indicated as Discourse 12 of the *Enlightener* in the description, but, after having examined the manuscript, the author identified this text as fragments of Joseph Volotsky's Rule, which can be dated to the late 15th century, and thus it is a lifetime fragments of the Rule. The verification of the versions helps to establish that the first fragment is Discourse 11 of the Extended Rule. It is followed by the previously unknown Discourse 12, which is very much alike with Discourse 13 of the Menaion version. It is followed by Discourses 2 and 3 of the Brief Rule, and by a substantially shortened text of Discourse 13. The author concludes that originally the Brief Rule may have contained 13 instead of 11 Discourses. At the same time the Brief Rule consists of two "wills", and the second one contains Discourses 12–14. Ya.S. Lur'ë established that much of their content duplicates the first 11 Discourses. In the *Moskovskiy tserkovnyye vedomosti* the author found a note with references to the lost manuscript N 482 from the Volokolamsk Monastery, which could contain only the "second" will without the first. He concludes that the Menaion redaction could originally contain 11 Discourses instead of 14, and the merging of the two wills occurred after the death of Joseph Volotsky.

Keywords: Joseph Volotsky's Rule, Volokolamsk Monastery, Diocesan Collection, Discourse 12 of the Rule, lifetime copy, text collation.

* * *

Устав Иосифа Волоцкого, или «Духовная грамота», был изведен еще первому его биографу П.С. Казанскому¹. Исследователь пользовался поздним списком (ныне НИОР РГБ, ф. 173/1 (основное

---

¹ *Казанский П.С.* Преподобный Иосиф Волоколамский // Прибавление к изданию Творений Святых Отцев в Русском переводе. Ч. V. М., 1847. С. 49–50.

собрание Фундаментальной библиотеки Московской духовной академии), № 171, XVII в. (далее — МДА. 171)². Филарет (Гумилёвский) указал еще несколько списков. Ему были известны списки из собрания М.А. Толстого II, № 68 (ныне ОР РНБ, ф. 550 (основное собрание рукописной книги), Q. XVII.64) (далее — Q. XVII.64) и список из собрания И.Н. Царского № 185 (ныне ОР ГИМ. Собрание А.С. Уварова, № 6 (далее — Увар. 6-8°)³. Эта краткая заметка архиепископа Филарета содержит примечательную мысль, в дальнейшем подтвердившуюся. В Уставе этой редакции первые 9 Слов отражают жизнь в монастыре в первые годы управления обителью.

Священник Н.А. Булгаков пользовался другим списком — ОР РНБ, ф. 728 (Библиотека Новгородского Софийского собора), № 1470 (далее — Соф. 1470)⁴. Н.А. Булгаков указал, что Иосиф Волоцкий опирался на Студийский устав. По содержанию Устав был разделен исследователем на три части — первые 11 Слов, касающихся всех монахов, 12–13 Слова — о начальстве и 14 Слово о пределах власти. Жизнь инока была регламентирована до мелких подробностей, и предписания подробно пересказаны исследователем. В слежке за поведением монашества Н.А. Булгаков видит коренное различие Устава Иосифа и Устава Нила Сорского. В Уставе Нила основной упор делается на внутреннем самосовершенствовании⁵.

И. Хрущов пользовался подлинником Успенского комплекта Великих Миней Четых митрополита Макария и рукописью Q. XVII.64⁶. Далее в тексте книги историк сделал указания и на принадлежавший Санкт-Петербургской духовной академии список из Новгородского Софийского собора (Соф.1490)⁷. Другой список из

---

² Леонид, *архимандрит*. Сведение о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой Лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии). Вып. второй. М., 1887. С. 214–218.

³ Филарет (Гумилёвский), *епископ Харьковский*. Обзор русской духовной литературы 862–1719. СПб., 1857. С. 125–126; *Калайдович К., Строев П.* Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке тайного советника, сенатора, двора Его Императорского Величества действительного камергера и кавалера графа Федора Андреевича Толстова. М., 1825. С. 257; *Леонид, архимандрит*. Систематическое описание собрания графа А. С. Уварова. В четырех частях с 13-ю снимками. Ч. первая. М., 1893. С. 208–209.

⁴ *Булгаков Н.А.* Преподобный Иосиф Волоколамский. Церковно-историческое исследование. СПб., 1865. С. 197–213; *Абрамович Д.И.* Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека. Вып. III: Сборники. СПб., 1910. С. 299.

⁵ *Булгаков Н.А.* Указ. соч. С. 211–213.

⁶ *Хрущов И.* Исследование о сочинениях Иосифа Санина преподобного игумена Волоцкого. СПб., 1868. С. XII, XIII.

⁷ Там же. С. 75, примеч. 90.

того же примечания — Увар. 6-8°. И. Хрущов коротко раскрыл содержание каждой главы Устава, и особенно — 10 Слова, «Отвещание любозагорным...»⁸.

Между тем в работе И. Хрущова имеется в наличии иная «Духовная грамота», которая и является собственно грамотой, — завещанием Иосифа Волоцкого, написанным в 1506–1507 г.⁹ Эта грамота издана в Древней Российской Вивлиофике¹⁰.

В 1868 г. начали издаваться Великие Минеи Четьи (ВМЧ) митрополита Макария, с тома за сентябрь. В ВМЧ под 9 сентября помещен и Устав-«Духовная грамота»¹¹. Таким образом, изданы три комплекта ВМЧ, и в науку вошли два новых списка Устава Иосифа Волоцкого — ОР ГИМ. Синодальное собрание, № 174 (из «Царского» комплекта) и ОР ГИМ. Синодальное собрание, № 986 (из «Успенского» комплекта)¹². Необходимо отметить, что в старейшем комплекте ВМЧ — ОР РНБ, ф. 728 (Библиотека Новгородского Софийского собора), № 1317 (из «Софийского» комплекта), трудов Иосифа Волоцкого за 9 сентября нет¹³. Именно это издание и служит основным источником текста Устава для дальнейших исследователей. В частности, им пользуется Митрополит Макарий (Булгаков)¹⁴.

Третье издание труда Филарета (Гумилёвского) вышло в 1884 г.¹⁵ В нем автор указывает еще на два списка. Под «№ 357 волоколамской библиотеки» разумеется список по описанию П.М. Строева. Описание было составлено в 1817 г., а опубликовано архимандритом Леонидом с предисловием Н. Барсукова лишь в 1891 г.¹⁶ Необходимо

⁸ Хрущов И. Исследование о сочинениях Иосифа Санина преподобного игумена Волоцкого. С. 75–84.

⁹ Там же. С. XIII, XXI, XXIX.

¹⁰ Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей Российских, до истории, географии и генеалогии Российския касающихся. Изд. 2-е. Ч. XIV. М., 1790. С. 147–148.

¹¹ Великие Минеи Четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. Дни 1–13. СПб., 1868. Стб. 499–615.

¹² При издании названия комплектов поменяли местами. См.: Протасьева Т.Н. Описание славянских рукописей Синодального собрания, не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева. Ч. 1. № 577–819. М., 1970. С. 171–172, 174–176, 191–192.

¹³ Абрамович Д.И. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека. Вып. II: Четьи Минеи. Прологи. Патерики. СПб., 1907. С. 1, 10.

¹⁴ Макарий (Булгаков), архиепископ Литовский и Виленский. История Русской Церкви. Т. VII. СПб., 1874. С. 64–69.

¹⁵ Филарет (Гумилёвский), епископ Харьковский. Обзор русской духовной литературы 862–1719. СПб., 1884. С. 132–133.

¹⁶ Строев П.М. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый-Иерусалим, Саввина-Сторожевского и Пафнутьева-Боровского. СПб., 1891. С. V–VI, 156–157.

отметить, что эта нумерация — раздела «в четверть», каждый раздел имеет собственную нумерацию. Как установил А.А. Зимин, ныне это ОР ГИМ. Епархиальное собрание, № 341 (далее — Епарх. 341)¹⁷. Под «неполным» списком синодального собрания № 190 снова имеется в виду рукопись по номеру из описания, теперь А.В. Горского и К.И. Невоструева¹⁸. Ныне это ОР ГИМ. Синодальное собрание, № 52 (далее — Син. 52). Примечательно, что в издании 1884 г. архиепископ Филарет указал, что Увар. 6-8° (тогда собрание Царского № 185) «с чужими прибавками».

Новое слово по вопросу об Уставах сказал только Б.А. Рыбаков в своей научно-популярной антирелигиозной статье о «презлых осифлянах»¹⁹. Исследователь отметил, что Иосиф проводит монастырскую общежительную реформу. Помимо известного уже в литературе упора на внешнюю сторону дел, Б.А. Рыбаков отмечает назначение реформы — сокращение классовой дифференциации монахов: лишь наиболее состоятельные, вложившие в общую копилку, могли становиться кадрами иерархии.

Первым опытом источниковедческого подхода к Уставу является работа Я.С. Лурье²⁰. В первую очередь, он указывает на иные списки Устава²¹. Помимо издания ВМЧ и Q. XVII.64, это ОР РНБ, ф. 728 (Библиотека Новгородского Софийского собора), № 1460²²; Соф. 1470; ОР РНБ, ф. 728 (Библиотека Новгородского Софийского собора), № 1226; ОР РНБ, ф. 717 (Библиотека Соловецкого монастыря), № 328/348; ОР РНБ, ф. 717 (Библиотека Соловецкого монастыря), № 329/349; ОР ГИМ. Собрание П.И. Щукина, № 363²³.

Однако главная заслуга исследователя — открытие Краткой редакции Устава в списке ОР РНБ, ф. 717 (Библиотека Соловецкого монастыря), № 326/346 (далее — Сол. 326/346) — в том самом,

---

¹⁷ Зимин А.А. Из истории собрания рукописных книг Иосифо-Волоколамского монастыря // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки имени В.И. Ленина. Вып. 38. М., 1977. С. 26.

¹⁸ Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. Отдел второй. Писания святых отцев. М., 1859. С. 517–520.

¹⁹ Рыбаков Б.А. Воинствующие церковники XVI века // Антирелигиозник. 1934. № 3. С. 28–29.

²⁰ Лурье Я.С. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлянства // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XII. М.; Л., 1956. С. 116–140.

²¹ Там же. С. 118, примеч. 6.

²² Абрамович Д.И. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека. Вып. III: Сборники. С. 249.

²³ Яцимирский А.И. Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина. Вып. 2. М., 1897. С. 63–64. В этом описании дана привязка к листам Увар. 6-8°, но номер 245 дан по описанию собрания А.С. Уварова за авторством архимандрита Леонида.

в котором помещен изданный «Просветитель» Иосифа Волоцкого. Я.С. Лурье полагал, что Краткая редакция была составлена ранее. Его аргументы таковы: «Духовная грамота», во-первых, названа так явно ближе к концу жизни Иосифа, во-вторых, непоследовательно называет составные части то «главами», то «словами». В-третьих, «Сказание» о поклонении предметам (ставшее 7 Словом «Просветителя») обильнее цитируется в 1 Слове Краткой редакции. И наконец, Краткая редакция часто дает более исправные чтения²⁴. Редакции отличны и содержанием: дифференциация монахов (три «устроения») в Краткой редакции отсутствует. Напротив, Краткая редакция подчеркивает полное нестяжание²⁵. Помимо этой темы, в ней прослеживаются темы строгой монашеской дисциплины и личного физического труда. Это заставило Я.С. Лурье в корне пересмотреть вопрос о противостоянии Иосифа Волоцкого и Нила Сорского, сблизив их позиции²⁶. Более того, по мысли исследователя, сама Краткая редакция составлялась как антиеретическое произведение. Я.С. Лурье отметил, что в этом Уставе Иосиф не допускает резких выпадов и грубости в адрес еретиков²⁷.

Соответственно, известная до тех пор редакция Устава стала Минейной. Исследователь отнес ее к самому концу жизни Иосифа Волоцкого (1515 г.)²⁸. Я.С. Лурье развил мысль Б.А. Рыбакова: введение градации монахов было сделано, в том числе, ради превращения монастыря в «кузницу кадров». Таким образом, минейная редакция — это и есть собственно монастырский устав, документ крупной феодальной корпорации с ее жесткой иерархической дисциплиной²⁹. В качестве приложения Я.С. Лурье опубликовал 5 Слово Краткой редакции³⁰.

В дальнейшем Я.С. Лурье повторил свои выводы при публикации Посланий Иосифа Волоцкого³¹. В тесной связи с Пространной (Минейной) редакцией находятся два поздних Послания Иосифа Волоцкого: «некому брату о соблюдении заповедей» и «старцам о хмельных напитках»³².

---

²⁴ Лурье Я.С. Краткая редакция «Устава»... С. 119–120; С. 120, примеч. 2.

²⁵ Там же. С. 120–122.

²⁶ Там же. С. 123–126.

²⁷ Там же. С. 126–129.

²⁸ Там же. С. 131–134.

²⁹ Там же. С. 135–138.

³⁰ Там же. С. 138–140.

³¹ Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А.А. Зимина и Я.С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 56–59, 86–87.

³² Там же. С. 284–285.

Исследователь отметил, что существуют рукописи, в которых представлены только части Краткой редакции Устава³³. Кроме того, он нашел еще один список Краткой редакции — ОР РНБ, ф. 588 (Собрание М.П. Погодина), № 1135 (далее — Погод. 1135), в котором есть некое 12 Слово, не характерное и для Минейной редакции, но имеющееся в списках с неполным набором Слов. Исследователь издал Краткую редакцию по списку Сол. 326/346 с разночтениями по Погод. 1135, отдельно опубликовав и 12 Слово³⁴. Сумма выводов вошла в его монографию 1960 г.³⁵

С этого момента выстроенная Я.С. Лурье концепция не пересматривалась, вставал только вопрос о времени создания редакций. Текст объемной Пространной редакции в различных списках, видимо, не подвергался столь радикальной редакции, как «Просветитель». Исследователи в первую очередь использовали содержание Устава, особенно — «Отвещание любозагорным...» (10 Слово Пространной редакции)³⁶.

В 2001 г. Т.В. Суздальцева издала VII том «Истории Российской иерархии» Амвросия (Орнатского), куда была включена Пространная редакция Устава Иосифа Волоцкого по одному из списков из новгородской Софийской библиотеки. В качестве приложения помещена и Краткая редакция Устава, видимо, перепечатка издания Я.С. Лурье без указания на прежнее издание³⁷.

А.И. Алексеев показал вторичность текстов Устава по отношению к 7 Слово «Просветителя»³⁸. Соответственно, 7 Слово существовало ранее Уставов. Примечательно, что А.И. Алексеев предполагает написание Устава в широкий промежуток времени после 1485 г. Исследователь отметил, что Краткая редакция Устава была создана на рубеже XV–XVI вв., примерно во второй половине 1490-х — до 1502 г.³⁹ Однако эта датировка вступает в конфликт с идеей о том, что Устав создавался тогда, когда Иосиф собирался «отойти от непосредственного управления обителью». Обе редакции Устава носят название «Духовной грамоты», т.е. завещания⁴⁰. Сомневается

³³ Там же. С. 285, 291.

³⁴ Там же. С. 296–319, 320–321.

³⁵ Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 219–221, 249–257.

³⁶ Кириллин В.М. «Отвещание любозагорным» преподобного Иосифа Волоцкого: размышление в лицах об иноческом подвиге как авторская самохарактеристика // Преподобные Иосиф Волоцкий и Нил Сорский. Сб. статей. М., 2011. С. 156–183.

³⁷ Древнерусские иноческие уставы. М., 2001. С. 29, 57–155, 187–215.

³⁸ Алексеев А.И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI века. М., 2012. С. 328–330.

³⁹ Алексеев А.И. Иосиф Волоцкий. М., 2014. С. 95.

⁴⁰ Там же. С. 93.

А.И. Алексеев и в принадлежности Иосифу Волоцкому 12 Слова, опубликованного Я.С. Лурье. Отверг А.И. Алексеев и трактовку трех «устроений». Как раз наиболее жесткое устройство было характерно для родственников и друзей Иосифа Волоцкого, а они почти все — знатные люди⁴¹.

А.Ю. Григоренко не согласился с идеей Я.С. Лурье об антиеретической направленности Краткой редакции Устава. Как раз текст из приложенного к «Посланию иконописцу» слова (аналог 7 Слова «Просветителя») имеет прямое полемическое обращение, в отличие от Устава. По мнению исследователя, Иосиф Волоцкий обращался к митрополиту Зосиме⁴². Иосиф и Зосима придерживаются противоположных тенденций. Как показал Я.С. Лурье, Иосиф делает упор на внешнее послушание и жесткую дисциплину (что ярко проявилось в Пространной редакции), в то время как выписки из рукописи, принадлежавшей Зосиме⁴³, напротив, осуждают «бессловесное послушание»⁴⁴. Касательно 10 Слова и его адресата А.Ю. Григоренко высказывает интересную, но противоречащую выводам Я.С. Лурье мысль: Вассиан (Патрикеев) не мог запрещать Иосифу писать Устав, это мог сделать митрополит — Зосима⁴⁵. Но исследователь, видя явные разногласия между позициями Иосифа и текстами ТСЛ. 122, забывает три обстоятельства. Первое: тексты ТСЛ. 122 могли быть написаны не специально для Зосимы (он мог быть читателем), второе: у нас нет свидетельств ответов Зосимы. И третье обстоятельство — чудовищные оскорбления и обвинения, включая содомию, которые были адресованы митрополиту. Вряд ли здесь возможна конструктивная полемика, выстраиваемая А.Ю. Григоренко на материалах Иосифа и Зосимы.

Наконец, А.Ю. Григоренко не соглашается с выводами А.И. Алексеева касательно вторичности Краткой редакции Устава по отношению к «Просветителю»⁴⁶. Исследователь остался на позиции Я.С. Лурье: Краткая редакция — «Просветитель» — Пространная редакция. А.Ю. Григоренко приводит фрагмент о смраде в иерусалимской церкви, отсутствующий в Краткой, но присутствующий в Пространной редакции Устава и 7 Слове «Просветителя». На этом основании он отвергает вывод А.И. Алексеева о невозможности не-

---

⁴¹ Алексеев А.И. Иосиф Волоцкий. С. 102–103.

⁴² Григоренко А.Ю. Религиозная мысль Московской Руси: иосифляне, нестяжатели, еретики. СПб., 2017. С. 103–107.

⁴³ НИОР РГБ. Ф. 304/1 (основное собрание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры). № 122.

⁴⁴ Григоренко А.Ю. Указ. соч. С. 107–112.

⁴⁵ Там же. С. 112–118.

⁴⁶ Там же. С. 118–121.

зависимого обращения Иосифа Волоцкого к 7 Слову при составлении Пространной редакции Устава. А.И. Алексеев выступил с ответом на возражения А.Ю. Григоренко⁴⁷. А.И. Алексеев поместил более пространную таблицу совпадений текста между 7 Словом «Просветителя» и 1 Словом Устава обеих редакций: всего 12 фрагментов⁴⁸. Исследователю еще лучше удалось подкрепить свой вывод о первичности 7 Слова по отношению к Краткой редакции Устава. Между тем с двумя мыслями А.Ю. Григоренко А.И. Алексеев согласился. Фрагмент о смраде в церкви служит аргументом в пользу обращения к 7 Слову при составлении Пространной редакции Устава, а Краткая редакция Устава не носила антиеретического характера⁴⁹. Все эти выводы вошли в новую монографию исследователя⁵⁰.

Некоторый свет на Епарх. 341 проливает работа А.А. Казакова. Когда-то это было второй частью рукописи, содержавшей «Анонимное Житие» Иосифа⁵¹. Исследователь также привлекает Устав в качестве вспомогательного источника⁵².

Между тем мне удалось получить свидетельства того, что Устав всё же был написан Иосифом Волоцким достаточно рано, и, возможно, ранее «Просветителя». Краткая редакция сохранилась в списке Сол. 326/346, хотя и прижизненном, но не волоколамского происхождения. Его писали Нил Полев совместно с Нилом Сорским⁵³. Пространная редакция дошла в поздних списках, наиболее ранний — Епарх. 341 середины XVI в.⁵⁴ Однако изначальный Устав не был ни в Краткой, ни в Пространной редакции.

Речь идет о волоколамской рукописи, ныне — ОР ГИМ. Епархиальное собрание, № 248 (далее — Епарх. 248). Описание книги сделано в 1991 г.⁵⁵ Это сборник-конволют смешанного содержания в 8°,

---

⁴⁷ Алексеев А.И. 7-е «Слово» «Просветителя» и монастырский устав Иосифа Волоцкого // Историк и источник: сборник статей к юбилею Сергея Николаевича Кистерёва. М., 2018. С. 92–109.

⁴⁸ Там же. С. 96–104.

⁴⁹ Там же. С. 108–109.

⁵⁰ Алексеев А.И. «Бодроопасный воин Христов». Иосиф Волоцкий и его сочинения. М.; СПб., 2019. С. 253–265.

⁵¹ Казаков А.А. Жития Иосифа Волоцкого XVI века как источник по истории раннего иосифлянства. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2019. С. 57, примеч. 177.

⁵² Там же. С. 109–110, 230–235, 244.

⁵³ Прохоров Г.М. Нил Сорский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. Л., 1989. С. 138.

⁵⁴ Алексеев А.И., Басова М.В., Шевченко Э.В. Иосиф (Санин), прп. // Православная энциклопедия. Т. XXV. М., 2010. С. 570–571 (раздел об Уставе написан А.И. Алексеевым); Алексеев А.И. Иосиф Волоцкий. С. 102.

⁵⁵ Дианова Т.В., Костюхина Л.М., Поздеева И.В. Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 298–299.

что затрудняет проверку филиграней. Мне удалось выявить такие изображения:

1. Единорог с двойным хвостом, вероятно, двух разновидностей (л. 1–64). Вторая разновидность отличается очень тонкой шеей. Однако найти ничего подобного не удастся именно из-за наличия двойного хвоста.

2. Фрагмент якоря в круге на л. 68.

3. Три фрагмента головы быка под крестом (л. 70–81).

4. Голова быка под 5-лепестковой розеткой, под головой — две черты и треугольник с точками (л. 85–86). Сходство: Piccard⁵⁶, Abt. XII, № 793 (1499–1519 гг.).

5. Единорог с рисунком на туловище, двух разновидностей (л. 896–112, 119–124). Разновидность на л. 896 и 90 — сходство: Лихачев⁵⁷, № 1524 (1527 г.). Разновидность на л. 102 и 106 — сходство: Лихачев, № 2947 (1529 г.).

6. Рука с фалангами (л. 113–118). Ничего сходного найти не удастся. Фаланги непропорциональны: центральная вдвое больше верхней и нижней. Большой палец тонкий и далеко отстоит от указательного. На ладони линий нет. Петли маленькие и симметричные.

7. Единорог с двойным хвостом, оба хвоста параллельны (л. 125–149). Подobie: Piccard-online, 124664⁵⁸ (1516 г.). Эта же филигрань в печатном альбоме — Piccard⁵⁹, № 1939.

8. Корона с аркой под крестом (папская тиара), двух разновидностей (л. 150–169). Сходство: Piccard-online, 53118⁶⁰ (1502 г.). За 1499–1501 гг. весьма много сходных филиграней. Примечательна очень высокими горками: они почти касаются центрального трилистника. Другая разновидность (л. 164 и 168, низ) имеет горки средней высоты. Сходство: Piccard-online, 53114⁶¹ (1501 г.).

9. Единорог (л. 170–175). Сходство: Piccard⁶², № 1957 (1534 г.). Это 7 тетрадь по счету, начавшемуся с л. 125. В ней свой почерк и всего 6 листов.

⁵⁶ Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Findbuch II. Die Ochsenkopfwasserzeichen. Т. 1–3 / Bearbeitet von G. Piccard. Stuttgart, 1966.

⁵⁷ Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. 3. СПб., 1899.

⁵⁸ Piccard-online. — URL: <https://www.piccard-online.de/detailansicht.php?klassi=101.003.002.003&ordnr=124664&sprache=en> (дата обращения 13.05.2021).

⁵⁹ Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Findbuch X. Wasserzeichen Fabeltiere: Drache, Grief, Einhorn / Bearbeitet von G. Piccard. Stuttgart, 1980.

⁶⁰ Piccard-online. — URL: <https://www.piccard-online.de/detailansicht.php?klassi=001.004.004.001.002&ordnr=53118&sprache=en> (дата обращения 13.05.2021).

⁶¹ Ibidem.

⁶² Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Findbuch X.

10. Литера Р под 4-листником, с шипом, с чертой на вертикали (л. 176–190). Сходство: Piccard⁶³, Abt. XIII, № 258–262 (1492–1494 гг.). В описании 1991 г. фигурировало изображение из альбома Брикe, № 8678, но там иная розетка.

11. Неясный фрагмент (ноги единорога?) на л. 192.

12. Низ от руки/перчатки (иной, чем на л. 113–118) — л. II.

13. Низ от литеры Р (другой) — л. III.

В описании указано, что конец с л. 176 занимают 11, 12 и 2 Слова «Просветителя» Иосифа Волоцкого⁶⁴. Это не так. На самом деле в Епарх. 248 помещены тексты Устава Иосифа. Однако сличение текстов дало неожиданный результат.

Листы 176–180 об. занимает 11 Слово. Оно достаточно точно совпадает с 11 Словом Пространной редакции Устава Иосифа. Для проверки был взят древнейший и наиболее исправный список Епарх. 341. Есть лишь пара разночтений, не влияющих на смысл, и только в публикации ВМЧ (разночтения выделены **полужирным**):

Епарх. 248, л. 178	Епарх. 341, л. 107	Публикация ВМЧ, стб. 564
И великий Апостол Павел глаголет, к Тимофеови пишет: запрети, рече, и обличи, и умоли, и согрешающаа пред всеми обличай, да и прочии страх имут. Сегод ради подобает настоятелю быти праведну, яко да возможет утешати здравым учением...	[В точности совпадает с Епарх. 248]	И великий Апостол Павел глаголет, к Тимофеови пишет: запрети, рече, и обличи, да и прочии страх имут. Сегод ради подобает настоятелю быти праведну, яко да возможет утешати правым учением...

После конца 11 Слова л. 181 остался незаполненным. С его оборота и до л. 187 идет 12 Слово:

Сказание от божественных писаний, яко подобает не единому настоятелю всем братем попечение имети о монастырском и иноческом устроении. Слово 12. Подобает ведати нам, яко не единому точию настоятелю попечение имети о церковнем благочинии и о манастырстем благостоянии, но и всем братиям единомудушно пеицися о сем. Не может бо един кормчий без корабничьскаго поспешения корабль ис пучины спасти...

⁶³ Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Findbuch IV. Wasserzeichen Buschtabe P. T. 1–3 / Bearbeitet von G. Piccard. Stuttgart, 1977.

⁶⁴ Дианова Т.В., Костюхина Л.М., Поздеева И.В. Указ. соч. С. 299.

Данный текст не имеет ничего общего ни с 12 Словом Пространной редакции, ни с 12 Словом, опубликованным Я.С. Лурье⁶⁵. Между тем он имеет явные пересечения цитат с 13 Словом Пространной редакции (в публикации ВМЧ первое 14-е):

Епарх. 248	Публикация ВМЧ
Епарх. 248, л. 181об.; Публикация ВМЧ, стб. 575 (цитата Апостола Павла): молю же вы, братие, наказуйте бесчинныя и утешайте малодушныя, укрепляйте немощныя. И пакы глаголет: аще впадет человек в неке съгрешение, вы духовнии съвершайте такового духом кротости.	
Епарх. 248, л. 182; Публикация ВМЧ, стб. 575: О непокоривых же сице глаголет: аще ли кто словеси вашего не послушает, с посланием сего знаменуйте, и не пришейтесь к нему, да посрамится	
В Епарх. 248 между ними есть текст. Конец второй цитаты иной: и не яко врага имеете его, но наказуйте яко брата	В 13 Слове Пространной редакции эти две цитаты идут одна за другой
Епарх. 248, л. 182; Публикация ВМЧ, стб. 579: Глаголет бо Великий Василие: всяко съгрешение братие подобает поведати настоятелю [Епарх. 248: настоящему]; злоба бо умлчена бывши, недуг бывает неуврачеван. Еже бо покрывати съгрешение, състроаяти недугующему смръть, да не вместо братолюбца братоубийица будет	
Епарх. 248, л. 182об.: И в законе глаголет: обличением обличиши искренняго своего и не приимиши о том греха. Аще ли же пребывает в непокорстве, да изгнан будет от братства.	Публикация ВМЧ, стб. 579: И в законе глаголет: обличением обличиши искренняго своего и не приимиши о том греха.
Епарх. 248, л. 182об.; Публикация ВМЧ, стб. 579: изъждени, рече, губителя из сънмица, и съизыдет с ним и мльва	
Епарх. 248, л. 182 об.; Публикация ВМЧ, стб. 579: занеже мал квас все вмешение квасит	
В Епарх. 248 две последних цитаты составляют одно предложение	В 13 Слове Пространной редакции между этими двумя фразами есть текст, включая цитату «И в законе глаголет...»

Таким образом, перед нами текст, посвященный той же теме, что и 13 Слово Пространной редакции, и имеющий с ним пересечения. Это заставляет предполагать, что перед нами **подлинное** 12 Слово **Краткой** редакции Устава Иосифа Волоцкого. Это Слово не взято в

⁶⁵ Великие Минеи Чети... Стб. 567–570; Послания Иосифа Волоцкого... С. 320–321.

книгу Нила Полева и Нила Сорского Сол. 326/346, потому что посвящено взаимоотношению настоятеля с достаточно многочисленной братией, чего не было в Сорском скиту.

Л. 187 снова не дописан до конца. Листы 187 об. — 190 занимает 2 Слово. И оно подтверждает предположение выше: это 2 Слово именно Краткой редакции Устава. С публикацией Я.С. Лурье есть несколько мелких разночтений. И одно из них дает понять, что это смешение — не первый список Устава. Это пропуск фразы между одинаковыми словами, подобно разночтению в 11 Слове Пространной редакции выше.

Епарх. 248	Публикация Я.С. Лурье
Л. 188: но или отлучившася или въздержателных укыватися покушающася	С. 303–304: но или отлучившася въздержателнаго житиа и в миру растлевшася или въздержателных укыватися покушающася
Л. 189 об. : аще кто о сем нре радит, но паче мучими суть зелне, и до конца погыбших, иже о сих небрегших	С. 304: аще кто о сем нре радит, наипаче мучими суть зелне, и до конца погыбших, иже о сей небрегших
Л. 190: Не нужное бо жизни окормление възбраняем, но сластолюбное корение...	С. 305: Не нужное бо жизни окормление възбраняем, но да сластолюбное корение...

После конца 2 Слова на л. 190 без разрывов и заголовка идет 3 Слово Краткой редакции, лишенное разночтений по сравнению с публикацией (кроме перестановки слов «никому же отнудь»).

Слово 3 обрывается на фразе «и ключимо есть не разгневати Бога, ни...». После л. 190 — утрата текста. Все эти Слова написаны на одной бумаге — литере Р 1492–1494 гг. Л. 191–198 пишет иной почерк на фрагментах филиграней.

Несмотря на отсутствие заголовка, это текст 13 Слова, с фразы «Аще ли же кто будет неразумен, рци ему: веруй, брате...»⁶⁶. Однако существенных разночтений очень много, что заставляет предполагать иную редакцию текста. Для проверки использован и древнейший список Пространной редакции Устава — Епарх. 341.

Епарх. 248	Публикация ВМЧ
Л. 191 (Епарх. 341, л. 123): яко наказанию повинен еси	Стб. 576: яко наказанию повинен сый

⁶⁶ Великие Минеи Четии... Стб. 576; Епарх. 341. Л. 123.

Л. 191 об.: или настоятелю да възвестит, и тако да почитет	Стб. 576 (Епарх. 341, л.123 об.): или настоятелю да възвестит, не сущю же настоятелю, съборной братии да възвестит, и тако да почитет
Л. 191 об.: еже судити отнюдь не възбраняеми есмы: о кых убо судити лепо есть и о кых ни.	Стб. 577 (Епарх. 341, л. 124): еже судити отнюдь не възбраняеми есмы, но различие суду быти кажеми есмы: о кых убо судити лепо есть и о кых ни.
Л. 192 (Епарх. 341, л. 124: Илию): Илии убо архиерею не умлчавшу	Стб. 577: Или убо архиерею не умлчавшу
Л. 192–192 об. (Епарх. 341, л. 125): Аще бо не подобает обличати всем	Стб. 577: Аще бо подобает обличати всем
Л. 192 об. — 193: Зриши ли яко не възбраняет	Стб. 578 (Епарх. 341, л. 125 об.): Зриши яко не възбраняет
Л. 192 об.: татьбы же и пианьства и блуда: господин раба, и госпожа рабыни	Стб. 577 (Епарх. 341, л. 125): татьбы же и пианьства и блуда: ибо господин раба, и госпожа рабыни
Л. 193 об.: аще ли же церковь преслушает, буди ти, яко язычник и мытарь. Глаголет бо Великий Василие: всяко согрешение братне	Стб. 578–579 (Епарх. 341, л. 126–126 об.): аще ли же церковь преслушает, буди ти, яко язычник и мытарь. Юнии ниже и новоначалнии ни обличают, ни запрещают, <...> божественая писания юнным мнихом, живущим в киновии. Глаголет бо Великий Василие: всяко согрешение братне
Л. 194: Тако бо повелевает божественый Апостол Павел: измете, рече, лукаваго от вас самех	Стб. 579 (Епарх. 341, л. 127): Тако бо повелевает божественый Апостол Павел и прочая божественая писания: измете, рече, лукаваго от вас самех
Л. 194 об. И Великий Василий глаголет: изъждение, рече, губителя из сънмища, и съзыдет с ним и мльва, ад не и прочим своя красты подасть. Еще ж и о сем речем яко не подобает игумену в себе место поставляти игумена же	Стб. 579–580 (Епарх. 341, л. 128–128 об.): И Великий Василий глаголет: изъждение, рече, губителя из сънмища, и съзыдет с ним и мльва, ад не и прочим своя красты подасть. Сим последующи божественым писанием преподобнии и богоноснии отци наши <...> в монастырех, иже в Рустей земле сущих. Еде убо о сих довольно в предварших речено; прочее же убо рцем и о сем, яко не подобает игумену в себе место поставляти игумена же

Л. 194 об.: Сего ради и аз, по свидетельству божественных писаний, настоятеля не поставляю	Стб. 580 (Епарх. 341, л. 129): Сего ради и аз, по свидетельству божественных писаний, настоятеля вам не поставляю
Л. 194 об. — 195: Тако бо глаголется в свяых правилех. Хотяи же о сем известно уведети, да прочтет правило святого Григория Акраганьскаго. Тако ж да прочтет грани Устиниана царя новых заповедей. Глаголет же святыи Мефодие Исповедник	Стб. 580–581 (Епарх. 341, л. 129): Тако бо глаголется в свяых правилех от правил святого Григория Акраганьскаго: повелеваем убо игумена или архимандрита <...> и правления достойна. Грани Устиниана царя новых заповедей, яко епископ игумена или архимандрита <...> устав мнишеский и манастырское строение. Глаголет же святыи Мефодие Исповедник
Л. 195: аще ли же где глаголется в божественном писании яко прежде скончаниа своего поставляше кто игумена в свое место, но егоже ни един он, но еже с ним братиа изберут, паче же преимуществи правления манастырская. Глаголет же и Великий Василие: се есть истиннаго пастыря дело	Стб. 581 (Епарх. 341, л. 129 об.): аще ли же где глаголется в житии святых отец, иже в общих житиях начальствующих, яко прежде скончаниа своего поставляше кто игумена в свое место, но егоже ни един он, но еже с ним братиа изберут, паче же приемши правления манастырская, яко же глаголют священная правила. А еже игумену быти в общем житии не по съвету братии, негдеже в божественных писаниях являет: се бо есть виновно нестроению и разбору и сънмицам. Сего ради Великий Василие глаголет: се есть истиннаго пастыря дело
Л. 195 об.: въспоминати ему старейшим и соборным братиаи	Стб. 581 (Епарх. 341, л. 130): въспоминати ему соборным и старейшим братиаи
Л. 195 об. — 196: иже неистинно помысливше, и еже о нем мнения изменятся. Зри, яко не точию братиаи, но и самому настоятелю подобает въспоминаему быти от преимущих съборных братий. Настоятелю же подобает запрещение давати по общежительному преданию; не сущу же настоятелю, старейшая братиа дают запрещение такоже по общежительному преданию.	Стб. 581–585 (Епарх. 341, л. 131 об. — 134 об.). иже неистинно помысливше, и еже о нем мнения изменятся. И многа убо божественная писания глаголют яко убо не подобает настоятелю <...> въспоминати ему сим подобает. Зри, яко не точию братиаи, но и самому настоятелю подобает въспоминаему быти от преимущих съборных братий. Святыи Феодор Студийский повелевает <...> Аще ли же кто вопреки глаголет и не повинуется, настоятель же таковому запрещение дает по по общежительному преданию; не сущу же настоятелю, съборная братиа дают запрещение такоже по общежительному преданию дают запрещение такоже по общежительному преданию, якоже речено есть в 14-м слове, иже zde напреди написано.

Л. 196: Аще ли же кто речет, яко священником подобает запрещение согрешающим давати, кающим же ся прощение, простым же человеком не подобает тако творити; к ним же сице речено да будет : аще будут неведома и тайная съгрешения, исповедаема бывають священнику	Стб. 585 (Епарх. 341, л. 134 об.): Аще ли же кто речет, како священником подобает давати запрещение согрешающим, кающим же ся прощение, простым же человеком не подобает тако творити; к ним же сице речет : аще будут неведома и тайная съгрешения, малая или великая , исповедаема бывають священнику
Л. 196 об.: а иже тяжкая и втайне бываема съгрешения	Стб. 585: а иже втайне бываема съгрешения [В Епарх. 341, л. 135 пропуск, почерк XIX в. вставлял предложение по ВМЧ]
Л. 196 об.: ему же повелят съборная братиа исповеди приимати, прочим же священником не исповедуют; аще ли же кто исповесть, они не приемлют. Аще ли кто речет: почто убо не от начала	Стб. 586 (Епарх. 341, л. 135–135 об.): ему же повелят братиа съборная исповеди приимати, прочим же священником не исповедуют; аще ли же кто исповесть, они не приемлют. Аще ли же кто въсхошет известно уведати, о которыхъ съгрешении съборнымъ братиамъ налагати запрещение иже под ними братиа кающимся и давати прощение, да прочтет слово 14, иже zde напреди писано. Аще ли кто речет: почто убо не от начала
Л. 197: егда семо приидохом, много тщание и мног подвиг имеехом, аз же и иже съ мною пришедшая братиа	Стб. 586 (Епарх. 341, л. 136): егда семо приидох, много тщание и мног подвиг имееху, аз же и иже съ мною пришедшая братиа
Л. 197: и кому убо запрещение давати	Стб. 586 (Епарх. 341, л. 136): и кому убо бяхе запрещение давати
Л. 197 об.: и схожахом немощем их по премногу; тако бо свидетельствует и божественое писание	Стб. 586 (Епарх. 341, л. 136): и схожахом к немощем их по премногу; тако бо посвед ельствует божественое писание
Л. 198: и всеми чювьствы попецемся о сих	Стб. 587 (Епарх. 341, л. 137): и всеми чювьствы вси попецемся о сих

«Преданий» из 13 Слова Пространной редакции в Епарх. 248 нет. Вместо них л. 198 об. занимает следующий текст:

Се убо въкратце речено есть, яко подобает съборным и старейшимъ братиямъ с настоятелем или не суцу настоятелю попецися о церковномъ благочинии и благоговействе, потом же и о прочих, яко да сами преж вечныхъ благ наслаждение от Господа Бога и Пречистыя Богородица въспришмут и в нынешнемъ веце и в будущемъ. А еже како подобает пецися ныне рцемъ. Преже всехъ подобает о церковнемъ благочинии и благоговействе сама съборнымъ братиамъ о себе попецися ся, яко да сами преж творятъ яже zde написанная. Потом же и прочих

учат и понужают творити сице. Первое о церковнем благочинии и сборнеи молитве. Еже попевати к началу всяког

После этого л. 198 об. заканчивается, и текст обрывается. Выделенный киноварью заголовок и обрывок относятся к 12 Слову Пространной редакции⁶⁷.

Как видно из сравнения текстов Епарх. 248 и 13 Слова Пространной редакции, в Епарх. 248 текст существенно короче, в то время как Епарх. 341 совпадает с публикацией Великих Миней Четиих. В нем нет упоминания о юной братии и о двух настоятелях, не раскрыты отсылки на правило Григория Акрагантского и новеллы Юстиниана. Полностью отсутствуют два объемных пассажа, в которых Иосиф Волоцкий говорит об устройстве монашеской жизни на Афоне и на Руси. Нет отсылок вперед, на 14 Слово, и назад, на 10 Слово «Отвещание любозазорным...». Причины такого движения текста прописаны самим Иосифом Волоцким в тексте того же 13 Слова (и в Краткой, и в Пространной версии): «Понеже убо тогда бяше еще начала, и ниже старейшая, ниже меньшая братиа беяху...»⁶⁸. Перед нами текст 13 Слова Устава до появления «юной» братии и до потребности в двух настоятелях.

Это заставляет предполагать, что перед нами 13 Слово **Краткой** редакции Устава. Краткая редакция также состояла именно из 13 Слов (раз отсылок на 14 планомерно нет), однако 12 и 13 Слова не покидали пределов Волоколамского монастыря. В дальнейшем они переработаны в Пространной редакции, списки которой и распространялись.

Теперь, возвращаясь ко всему набору Слов, необходимо заметить, что перед нами **смещение** редакций: 11 Слово Пространной, 12 Слово, видимо, Краткой, 2–3 Слова Краткой, 13 Слово, видимо, тоже Краткой редакции. Заключает это всё отдельный абзац, после которого сохранился обрывок 12 Слова Пространной редакции. При этом 11 Слово Пространной редакции написано на очень ранней бумаге.

Отсюда следует предположение, что перед нами часть **Протоустава** Иосифа Волоцкого, еще не разделенная на две редакции. Но встает вопрос: сколько именно Слов содержал этот «Протоулав». С высокой долей вероятности можно утверждать, что в «Протоулаве» не было 10 и 14 Слов Пространной редакции, раз ссылок на них нет в этой версии 13 Слова. А.И. Алексеевым показана вторичность именно 1 Слова Устава (и Краткой, и Пространной редакции) по

---

⁶⁷ Великие Миней Четии... Стб. 567.

⁶⁸ Епарх. 348. Л. 197; Епарх. 341. Л. 136; Великие Миней Четии... Стб. 586.

отношению к 7 Слову «Книги на еретиков»⁶⁹. Но 1 Слова в Епарх. 248 нет, и ничто не мешает полагать, что оно написано позже, и в «Протоустав» не входило. Кроме того, сопоставление, проделанное А.И. Алексеевым, позволяет поставить вопрос и о том, сколько авторского текста Иосифа Волоцкого содержится в самом 7 Слове его «Книги на еретиков». Первый фрагмент, про поспешение к службе «яко Пётр и Иоанн к Гробу Господню», имеет источником проповедь св. Иоанна Златоуста, что отражено только в Пространной редакции Устава. Разумеется, св. Иоанн создавал свои тексты гораздо раньше Уставов и «Книги на еретиков». Соответственно, Иосиф Волоцкий мог повторно обращаться к одному и тому же источнику, ведь его уточнение относится к самому позднему по времени памятнику — Пространной редакции Устава.

Однако есть и другие возможные варианты. Несомненно, что текст Епарх. 248 **не** является древнейшим списком текста Слов Устава — в 11, 2 и 13 Словах есть разночтения-пропуски фраз между одинаковыми словами. Епарх. 248 — сборник-конволют, созданный не ранее второй половины 1520-х гг. (точно определяемый фигурный единорог по альбому Н.П. Лихачёва). Предположение о «Протоуставе» базируется на датировке филигрании. Между тем весь сборник составлялся в то время, когда обе редакции Устава уже существовали.

Соответственно, есть вероятность, это перед нами выписки уставных текстов, сделанные **не** самим Иосифом Волоцким, и **после** его смерти. Однако против позднего написания этой подборки Слов Устава свидетельствует текст 13 Слова. Неясны мотивы его сокращения — удаления отсылок на монастырскую практику Афона и Руси, 10 и 14 Слова, сведений о юных монахах и двух настоятелях. Зато понятны мотивы расширения — написание этих Слов, появление в монастыре юных монахов и настоятелей с течением времени. Никакие расширения/сокращения не несут полемической нагрузки. Поэтому гораздо логичнее предполагать расширение текста 13 Слова, чем его сокращение.

В дальнейшем сам автор перерабатывает свой Устав, и 12 Слово Краткой редакции пропадает, так как его содержание сильно дублируется в 13 и 11 Словах Пространной редакции.

Таким образом, главный вывод Я.С. Лурье пока остается в силе: Краткая редакция первична, Минейная (Пространная) — вторична⁷⁰. Однако Краткая редакция могла содержать 13 Слов. Нил Сорский и Нил Полев не взяли последние два Слова — так же, как не

⁶⁹ Алексеев А.И. Религиозные движения... С. 328–330; Он же. 7-е «Слово» «Просветителя»... С. 96–104.

⁷⁰ Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 221.

взяли последние два Слова изначальной редакции «Просветителя»⁷¹. Кроме того, Иосиф Волоцкий изначально создавал объемные тексты, где расписывалась система управления и наказания монахов (11 Слово Пространной, 12 и 13 Слова Краткой редакции).

Уже в процессе работы над данной статьей мне удалось найти еще одно подтверждение существования иных редакций Устава Иосифа, помимо опубликованных Краткой и Пространной. Речь об утраченной ныне рукописи из Волоколамского монастыря за № 482 (далее — Вол. 482) по описи 1854 г.⁷² Корреспондент Московских церковных ведомостей (далее — МЦВ) по случаю дня памяти преподобного Иосифа (9 сентября) цитирует уставные тексты (в «кратком извлечении») из этой рукописи. Разночтения выделены **полужирным**.

МЦВ, с. 507	ВМЧ, стб. 567
Се яз, грешный и недостойный игумен Иосиф, пишу сию духовную грамоту своим целым умом, завещаваю и являю всем, яже о Христе, братиям моим, от первого даже до последнего, — первое: еже поспевати к началу всякаго пения...	Се яз, грешный и недостойный игумен Иосиф, пишу сию духовную грамоту своим целым умом, завещаваю и являю всем, яже о Христе, братиям моим, от первого даже до последнего, о еже како подобает имети попечение о манастырском и иночском благочинии, паче же всего о церковном благоговейнстве, еже суть сиа: 1. Первое, о церковном благочинии и о съборной молитве. Еже поспевати к началу пения всякого...
С. 507. Второе: поспевати в трапезу к благословению...	Стб. 567: 2. Второе, о трапезном благоговейнстве и пици и о питии. Поспевати в трапезу к благословению...
С. 507. В щегнушу не входит никому кроме служебников. В келлиах не ясти, ни пити, ни посылати по келлиам брашна, ни пития, кроме благословения настоятелева. Слугам и робятом монастырским во время обеда не стояти в трапезе.	Стб. 567–568. В щегнушу не входит никому кроме служебников; а в трапезу не входит до обеда, ни по обедех, ни по вечерни, ни по нефимоне, кроме нужна великия; в келлиах не ясти, ни пити, ни посылати по келлиам брашна, ни пития, кроме благословения настоятелева. Слугам и робятом во время обеда не стояти в трапезе.

⁷¹ Алексеев А.И. Религиозные движения... С. 305, 377; Он же. 7-е «Слово» «Просветителя»... С. 107.

⁷² П.С. Корреспонденция. Из Иосифова Волоколамского монастыря // Московские церковные ведомости. 1889. № 39. С. 507–509; Зимин А.А. Указ. соч. С. 18.

С. 507. 3. О одеждах и обуцах. Кому что дано из монастырския казны платно, или какова вещь...	3. Третье, о одеждах и обуцах. Одежа имети и обуца и прочая вещи колико числом и каковы ценою, якоже написано есть прежде сего в болшей духовной грамоте в третьем слове; а кому что дано из монастырские казны, платно, или какова вещь...
С. 507. 4. По навечернице же не подобает на монастыри стояти беседы ради, ниже в келлиах сходитися, точию игумену в нужных обительных проглаголати что	Стб. 568. 4. Яко не подобает беседовати по навечерници. По навечернице же не подобает на монастыри стояти беседы ради, ниже в келлиах сходитися, точию в нужных обительных проглаголати что...
С. 507. Надзиратель же церковный обходит монастырь...	Стб. 568. Назиратель же церковный по отпущении навечерница обходит монастырь...
С. 507. ...или за монастырь идуща, да возбранит.	Стб. 568. или за монастырь идуща, да возбранит; аще ли кто не послушает, настоятелю или старейшей братии скажет.
С. 507. 5. Не подобает (не подобно есть, паче же реци — бедно ⁷³) никому исходити вне обители , кроме благословения, ни в деревни, ни в лес , ни на дворцы, ни где инде	Стб. 568. 5. Яко не подобает иноком исходити вне монастыря без благословения. Не подобает же убо вне монастыря исходити, кроме благословения, ни в деревни, ни в села , ни на дворцы, и нигде инде
С. 507. ...ни смеяться, ни сваритися.	Стб. 569. ...ни смеяться, ни сваритися; а хто пойдет с дела преже братии, ино ему благословитися у настоятеля или у старца, которому приказано о сем пещися.
С. 507. 7. Не подобает во обители быти питию...	Стб. 569. 7. Яко не подобает во обители быти питию, от негоже пианство бывает. Не подобает во обители быти питию...
С. 507. 8. Не подобает в монастыри быти женскому входу ни какоже. <...> по молитве же паки отведут ю за монастырь.	Стб. 569: 8. Яко не подобает в монастырь женскому входу быти. Не подобает же в монастыри быти женскому входу ни какоже. <...> по молитве же паки отведут ю за монастырь; в трапезу же или по келиам или по службам никакоже не пустят ходити.

⁷³ Курсив издателя.

<p>С. 507. 9. Не подобает в монастыре жити отрочатам голоусым ниже по келлиам, ниже на дворцех монастырских. Ниже милостыню давати (им) на монастыре, ниже в келлию пущати. Не подобает в церкви диаком мирским ни пети, ни чести, ни канонархати, ни псалмов говорити.⁷⁴ сего ради не приимати в монастырь, ни на дворец, роят голоусых, ни слуг, ни диаков, ни рукодельных. В селе монастырских не жити чернецу...</p>	<p>Стб. 569. 9. Яко не подобает в манастыри, ниже дна дворцех манастырских отроятом жити юным. Не подобает в монастыре, ниже по келлиам, ниже на дворцех монастырских жити отрочатам голоусым, ниже милостыню давати на монастыре, ниже в келлию пущати. В селе монастырских не жити чернецу...</p>
<p>С. 507. На дворцех у келлия яблоней не садити, ни огурцов, ни дыней, ни иного овощу.</p>	<p>Стб. 569. А на дворцех у келей яблоней не садити, ни иного овощу.</p>

Как видно из этой таблицы, перед нами **иная** редакция 12 Слова Пространной редакции. В Вол. 482 часто отсутствуют заголовки отделов 12 Слова. В 4 отделе 12 Слова в Вол. 482 не было «старейшей братии» — так же, как и в Епарх. 248. На месте «сёл» из 5 отдела 12 Слова в Вол. 482 растет «лес». 6 отдел 12 Слова в Вол. 482 не предусматривал возможность ухода с общего дела, а в Пространной редакции из ВМЧ уход возможен с разрешения настоятеля или старца. В 8 отделе 12 Слова в ВМЧ пояснено, что женщины не должны попасть в трапезную, кельи и по службам.

Однако, исходя из публикации курсивом корреспондентом МЦВ фразы «яко же ныне во святей горе Афонстей»⁷⁵, 13 Слово в Вол. 482 было уже **не** таким, как в Епарх. 248, где как раз упоминание Афона отсутствует.

Наконец, корреспондент МЦВ публикует и конец Вол. 482, имеющий явные совпадения с 14 Словом Пространной редакции. Разночтения выделены **полужирным**.

<p>МЦВ. С. 508. ...аще ли же не единою се творит, да отлучится три дни. Аще кто н поспеет в трапезу к благословению...</p>	<p>ВМЧ. Стб. 611. ...аще ли же не единою се творит, да отлучится три дни. А кто почнет после пения в трапезе и во церкви оставатися беседы ради, или аще кто от крылошан начнет небрежливо на крилосе стояти, да поклонится 50 или сухо ясть день. Запрещение 2-е, о трапезном благоговействе и благочинии, и о пици и о питии. Аще кто н поспеет в трапезу к благословению...</p>
--	---

⁷⁴ Курсив издателя.

⁷⁵ П.С. Корреспонденция... С. 508.

<p>С. 508. ...да поклонится 50 раз, или сухо яст день. Аще кто яст и пиет в келлии, или вне келлии, без благословения, или кто посылает по келлиям брашно или питие, да не причатится Св. Дары, ни просфиры, ниже Пречистыя хлеба, дондеже примет прощение.</p>	<p>Стб. 611 — 612. ...да поклонится 50 раз, или сухо яст день. Аще кто возмет с трапезы сосуд или брашно без благословения, или свое брашно или питие или съсуд принесет на трапезу, или кто ходит за последнюю трапезу, и да поклонится 100, или сухо яст день. Аще кто остается после трапезы, или в щегнушу ходит, или кто ходит в трапезу до обеда или по обедах, или по вечерни, кроме мужа и благословения, да поклонится 50, или сухо яст день. Аще кто яст и пиет в келии, или вне келии, без благословения, или кто посылает по келиям брашно или питие, да не причатится Св. Дары, ни просфиры, ниже Пречистыя хлеба, дондеже примет прощение; и прием прощение да поклонится 100; аще ли же обличен будет, опитемии триста поклонов, или сухо ясти три дни; аще ли многожды се творит и не престае, из обители изъженуть.</p>
<p>С. 508. Аще кто что данное ему из монастырския казны продаст или отдаст без благословения, или что меняет, да поклонится 100 раз или сухо яст день. Аще кто что возьмет без благословения настоятелева или келарева, или кто что где найдет...</p>	<p>Стб. 612. Запрещение третье, о одеждах и о обуцах, и о иных вещех. Иже аще не възхощет имети одежда или обуца или прочая вещи, колико числом и каковы ценою, якоже написано естъ в духовной грамоте в третьем слове, и аще възхощет излише того дръжат, да не дадут ему из монастырские казны ничтоже, но своя одежда и обуца да имат: и аще кто что данная ему из монастырския казны продаст или отдаст без благословения, или что меняет, да поклонится 100 раз или сухо яст день; аще ли моногаци се творит, да отлучится т церкви и от трапезы неделю; Аще кто что возьмет без благословения настоятелева или келарева в трапезе, или на монастыри или за монастырем или в которой службе, или кто что где найдет...</p>
<p>С. 508. ...дондеже прощение примет у настоятеля. Аще кто беседует по повечерници...</p>	<p>Стб. 612. ...дондеже прощение примет у настоятеля; аще ли кто что възмет и не възвестит, но от инех обличен будет, сухо ясть 5 дний; аще ли же многожды се творить, от братства да отлучен будет, или в юзах железных связан будет. Запрещение 4-е, о еже не подобает беседовати по навечерници. Аще кто беседует по навечерници...</p>

С. 508. Аще кто пойдѣт на дворцы монастырские...	Стб. 613. Запрещение 5-е, яко не подобает иноком исходити вне монастыря без благословения. Аще кто поидет вне монастыря без благословения, да не причастится святыя дары, ни просфиры, ниже Пречистыя жлебца, дондеже прощение примет от настоятеля, опитемъи же сухо ясти день; аще ли кто поидет на дворцы монастырские...
С. 508. ...седети без позволения	Стб. 613. ...седети без повеления
С. 508. Аще кому повелит настоятель или келларь на которые дела ходити, а не почнет ходити кроме немощы или кому не мощно ити на соборное дело, а не возвестит настоятелю, ни зовущему на дело,	Стб. 613. Запрещение шестое, о съборных делех и о соборных службах. Аще кому повелит настоятель или келарь на которые дела ходити, а не почнет кто ходити кроме немощы и кроме великыя нужда , или кому не мощно ити на соборное дело, а не возвестит настоятелю, ни зовущему на дело, сего убо ради бывает смущение , да поклонится 100 , или сухо ясти день
С. 508. ...да поклонится 100, или сухо яст день. Аще ли у кого вымут в келии...	Стб. 613. ...да поклонится 100, или сухо ясть день; аще ли и се не единою , да отлучится от церкви и от трапезы на три дни. Запрещение 7-е, яко не подобает в обители быти питию, от негоже пианство бывает. Аще который брат обличен, яко пиан есть , да поклонится 100 , или сухо ясть день ; аще ли вымут у кого в келии...
С. 508. ...и келлиа своя лишен будет.	Стб. 614. ...и келиа своя лишен будет въпрок
С. 508. Аще придет жена нощию в церковь...	Стб. 614. Запрещение осмое, яко не подобает в монастыре женьскому входу быти. Аще кто восхощет братии женьскому входу быти в монастыри, сему да прочтется свидетельство от божественных писаний, слово осмое в духовной грамоте, и познает, какова погыбель от сего быает; аще ли не повинуется, от обители да изжденется; аще ли же придет жена нощию в церковь...
С. 508. Аще кто робят в келлию пуцает...	Стб. 614. Запрещение 9-е, яко не подобает в монастыре, ниже на дворцех монастырских жити юным отрочатом. Аще кто робят в келию пуцает...

С. 508. ...аще кто без себя келию топтит, три дни сухо ясти. Аще кто уведает брата...	Стб. 614. ...аще кто без собя келию топтит, 3 дни сухо ясти; аще кто доспеет задний воротца или велико окно, 3 дни сухо ясти ; аще кто уведает брата...
С. 508. ...дондеже прошение примет. Да блюдут и попечение имеют вси служебницы, паче же болшии, яко аще кто начнет глаголати...	С. 614–615. ...дондеже прошение примет: Великий убо Василе такового братоубийцу нарицает; аще единою сотворил есть, сухо ясть неделю; аще ли не единою, из обители изъгнати . Да блюдут и попечение имеют вси служебницы, иже по всем службам, иже в монастыри суть , паче же болшии, яко аще кто начнет глаголати...
С. 508. ...или мирянин любяй празднословие, они запретят и возбранят и настоялю или соборной братии возвестят. Вся, елика zde написах, от начала даже до конца, — по свидетельству божественных писаний, — точию мало что премених по обычаю земли сея: понеже каяждо страна от инья страны много и несочетанно разнство иматъ: ова убо студенейши, ова же теплейши, ова скудна, ина же многоплодна, — сего ради и во одеждах и во обуцах, и пици же и питии не согласуются.	Стб. 615. ...или мирянин любяй празднословие, они запретят и возбранят и настоялю или соборной братии возвестят. Аще кто запрещении примит и паки преступит <...> по свидетельству божественных писаний . И вся убо елика zde написах, от начала даже до конца, по свидетельству божественных писаний, точию мало что премених образ и глагол по обычаю земли сия: видехом бо в писаниих <...> не писан закон земьский и обычай , понеже каяждо страна от инья страны много и несочетанно разнство и растворение иматъ, си речъ ова убо страна студенейши, ова же теплейши, ова же скудна, ина же многоплодна; сего ради и во одеждах и во обуцах, и пици же и питии не согласуются. Подобно же тому и Великий Василе повелевает о сем...

В ВМЧ во 2-м запрещении предусматривается даже изгнание из монастыря за упорное пренебрежение общей трапезой, отсутствующее в Вол. 482. В Вол. 482 регулярно отсутствуют ситуации внешнего обличения и рецидива («многаци»), когда наказание жестче. Однако говорить о тенденции ужесточения наказаний в ВМЧ нельзя: «железные юзы» есть и в МЦВ, и даже выделены курсивом⁷⁶. Конечно, остается и возможность пропусков публикатора из МЦВ. В 3-м запрещении в Вол. 482 нет отсылки на 3 Слово. Ссылка на 3 Слово отсутствует и в 3-м отделе 12 Слова по Вол. 482. В 8-м запрещении отсутствует отсылка на 8 Слово.

Судя по отсутствию отсылок на 3 Слово как в 12, так и в 14 Словах по Вол. 482, этого 3 Слова там и не было. Нет и отсылки на 8 Слово. Видимо, Вол. 482 представлял собой **только** 12–14 Слова в редакции,

⁷⁶ П.С. Корреспонденция... С. 508.

предшествующей Пространной (Минеинной). Этому есть доказательство и в самой Минеинной редакции. Там эти слова названы «Духовной грамотой второй»⁷⁷. Но неизвестно, когда оформилась «первая» из 11 Слов в Пространной версии, когда к ней присоединена «вторая» и какое отношение к этим процессам имел сам Иосиф Волоцкий — списки Пространной Минеинной редакции не прижизненные.

В любом случае, Пространная Минеинная редакция — последняя по времени возникновения, и она имела сложную историю создания.

References

Abramovich D.I. *Opisaniye rukopisey S[ankt]-Peterburgskoy dukhovnoy akademii. Sofiyskaya biblioteka* [Description of the Manuscripts of the Saint Petersburg Theological Academy. Sofia Library]. Is. II. *Chet'i Minei. Prologi. Pateriki* [Reading Menaion. Prologs. Paterica]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1907. 330 p.

Abramovich D.I. *Opisaniye rukopisey S[ankt]-Peterburgskoy dukhovnoy akademii. Sofiyskaya biblioteka* [Description of the Manuscripts of the Saint Petersburg Theological Academy. Sofia Library]. Is. III. *Sborniki* [Collections]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1910. 408 p.

Alekseev A.I. 7-ye “Slovo” “Prosvetitelya” i monastyrskiy ustav Iosifa Volotskogo [The Seventh Discourse of the “Enlightener” and the Monastic Rule of Joseph Volotsky] // *Istoriik i istochnik: sbornik statey k yubileyu S.N. Kisterova* [Historian and Source: A Collection of Articles for the Anniversary of S.N. Kisterov] / Compiled by L.A. Timoshina. Saint Petersburg: Iskusstvo Rossii, 2018. P. 92–109.

Alekseev A.I. “*Bedroopasnyy voyn Khristov*”. *Iosif Volotskiy i yego sochineniya* [“The Vigorous and Dangerous Warrior of Christ”. Joseph Volotsky and His Writings]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2019. 374 p.

Alekseev A.I. *Iosif Volotskiy* [Joseph Volotsky]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2014. 334 p. (Series “Zhizn' zamechatel'nykh lyudey”)

Alekseev A.I. *Religioznyye dvizheniya na Rusi posledney treti XIV — nachala XVI veka* [Religious Movements in Russia from the Last Third of the 14th through the Beginning of the 16th Century]. Moscow: Indrik, 2012. 559 p.

Alekseev A.I., Basova M.V., Shevchenko E.V. *Iosif (Sanin), prp.* [Joseph (Sanin), saint] // *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia] / Ed. by Patriarch Kirill of Moscow and All Russia. Vol. XXV. Moscow: Tserkovno-nauchnyy tsentr “Pravoslavnaya entsiklopediya”, 2010. P. 559–585.

Bulgakov N.A. *Prepodobnyy Iosif Volokolamskiy. Tserkovno-istoricheskoye issledovaniye* [Saint Joseph Volotsky. A Study in Church History]. Saint Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i komp., 1865. 215 p.

Dianova T.V., Kostyukhina L.M., Pozdeyeva I.V. *Opisaniye rukopisey biblioteki Iosifo-Volokolamskogo monastyrya iz Eparkhial'nogo sobraniya GIM* [Description of Manuscripts from the Library of Saint Joseph-Volokolamsky Monastery from the Diocesan Collection of the State Historical Museum] // *Knizhnyye tsentry Drevney Rusi. Iosifo-Volokolamskiy monastyr' kak tsentr knizhnosti* [Book Centers of Old Rus'. Joseph-Volokolamsky Monastery as a Center of Book Learning] / Ed. by D.S. Likhachev. Leningrad: Nauka, 1991. P. 122–417.

⁷⁷ Великие Минеи Четии... Стб. 567.

Filaret (Gumilovskiy), Archbishop of Chernigov. *Obzor russkoy dukhovnoy literatury, 862–1719* [A Review of Russian Spiritual Literature, 862–1719]. 3rd ed., with corrections and additions by the author. Saint Petersburg: Izdatel'stvo knigoprodavtsa I.L. Tuzova, 1884. 511 p.

Filaret (Gumilovskiy), Bishop of Kharkov. *Obzor russkoy dukhovnoy literatury 862–1719* [A Review of Russian Spiritual Literature, 862–1719]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1857. 300 p.

Gorsky A., Nevostruev K. *Opisaniye slavyanskikh rukopisey moskovskoy Sinodal'noy biblioteki* [Description of the Slavonic Manuscripts of the Moscow Synod Library]. Is. 2. *Pisaniya svyatykh ottsev. Pisaniya dogmaticheskiye i dukhovno-nravstvennyye* [Writings of Holy Fathers. Dogmatic and Spiritual and Moral Writings]. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 1859. XII, 690 p.

Grigorenko A. Yu. *Religioznaya mysl' Moskovskoy Rusi: iosifyane, nestyazhateli, yeretiki* [Religious Thought in Moscow Rus': Josephians, Non-possessors, Heretics]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta, 2017. 154 p.

Kalaydovich K., Stroev P. *Obstoyatel'noye opisaniye slavyano-rossiyskikh rukopisey, khranyashchikhsya v Moskve v biblioteke taynogo sovetnika, senatora... grafa Fedora Andreevicha Tolstova* [Comprehensive Description of Slavic-Russian Manuscripts Held in Moscow in the Library of Privy Counselor, Senator... Count Feodor Andreevich Tolstoy]. Moscow: Tipografiya S. Selivanovskogo, 1825. LXVII, 811 p.

Kazakov A.A. *Zhitiya Iosifa Volotskogo XVI veka kak istochnik po istorii rannego iosifyanstva: diss. ... kanidata istoricheskikh nauk* [The 16th-Century Lives of Joseph Volotsky as a Source of the History of Early Josephianism: PhD Candidate Diss. in History]. Moscow: MGU, 2019. 273 p.

Kazanskiy P.S. *Prepodobnyy Iosif Volokolamskiy* [Saint Joseph of Volokolamsk] // *Pribavleniye k izdaniyu Tvoreniy Svyatykh Ottsev v russkom perevode* [Supplement to the Edition of the Works of the Holy Fathers in Russian Translation]. Part V. Moscow: Tipografiya Semena, 1847. 92 p.

Khrushchov I. *Issledovaniye o sochineniyakh Iosifa Sanina, prepodobnogo igumena Volotskogo* [A Study on the Works by Joseph Sanin, the Saint Hegumen of Volotsk]. Saint Petersburg, 1868. XLVI, 266 p.

Kirillin V.M. "Otveshchaniye lyubozornym" *prepodobnogo Iosifa Volotskogo: razmyshleniye v litsakh ob inocheskom podvige kak avtorskaya samokharakteristika* ["A Response to Censorious" by Saint Joseph Volotsky: A Reflection in Persons on the Monastic Deed as the Author's Self-Representation] // *Prepodobnyye Iosif Volotskiy i Nil Sorskiy: sbornik statey* [Saint Joseph Volotsky and Nil Sorskiy: Collection of Articles]. Moscow: Russkiy izdatel'skiy tsentr; Iosifo-Volotskiy stavropigial'nyy muzhskoy monastyr', 2011. P. 156–183.

Leonid, archimandrite. *Sistematicheskoye opisaniye slavyano-rossiyskikh rukopisey sobraniya grafa A.S. Uvarova* [A Systematic Description of Slavic-Russian Manuscripts from the Collection of Count A.S. Uvarov]. In 4 parts. Part 1 / Compiled by Archimandrite Leonid. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A.I. Mamontova, 1893. XVI, 695 p.

Leonid, archimandrite. *Svedeniye o slavyanskikh rukopisyakh, postupivshikh iz knigokhranilishcha sv. Troitskoy Sergiyevoy lavry v biblioteku Troitskoy dukhovnoy seminarii v 1747 godu (nyne nakhodyashchikhsya v biblioteke Moskovskoy dukhovnoy akademii)* [Information on Slavonic Manuscripts Received from the Book Depository

of the Holy Trinity Sergius Lavra to the Library of Trinity Theological Seminary in 1747 (Now Held in the Library of the Moscow Theological Academy)]. Is. 2. Moscow: Imperatorskoye Obshchestvo lyubiteley istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete, 1887. 375 p.

Lur'ye Ya.S. *Ideologicheskaya bor'ba v russkoy publitsistike kontsa XV — nachala XVI veka* [The Ideological Struggle in Russian Public Controversy in the End of the 15th and Beginning of the 16th Centuries]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960. 532 p.

Lur'ye Ya.S. *Kratkaya redaktsiya "Ustava" Iosifa Volotskogo — pamyatnik ideologii rannego iosiflyanstva* [The Brief Redaction of Joseph Volotsky's Rule. A Monument of Early Josephite Ideology] // *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Vol. XII. 1956. P. 116–140.

P.S. *Korrespondentsiya. Iz Iosifova Volokolamskogo monastyrya* [Correspondence. From Joseph of Volokolamsk's Monastery] // *Moskovskiy tserkovnyye vedomosti*. 1889. N 39. P. 507–509.

Prokhorov G.M. *Nil Sorskiy* [Nil Sorsky] // *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of Bibliognosts and Bookishness in Old Rus'] / Ed. by D.S. Likhachev. Is. 2. Part 2. Leningrad: Nauka, 1989. P. 133–141.

Protas'yeva T.N. *Opisaniye slavyanskikh rukopisey Sinodal'nogo sobraniya, ne voshedshikh v opisaniye A.V. Gorskogo i K.I. Nevostrueva* [Description of Slavonic Manuscripts of the Synodal Collection, Not Included in the Descriptions of A.V. Gorsky and K.I. Nevostruev]. Part 1. Moscow: [s. n.], 1970. IX, 211, XXV p.

Rybakov B.A. *Voinstvuyushchiye tserkovniki XVI veka* [Militant Churchmen of the 16th Century] // *Antireligioznik*. 1934. N 3. P. 21–31.

Stroev P.M. *Opisaniye rukopisey monastyrey Volokolamskogo, Novyy-Iyerusalim, Savvina-Storozhevskogo i Pafnut'yeva-Borovskogo* [Description of the Manuscripts of the Volokolamsk, New Jerusalem, Savvino-Storozhevsky and St. Paphnutius of Borovsk Monasteries] / Reported by Archimandrite Leonid; with a foreword and indexes by N. Barsukov. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1891. XVIII, 343 p.

Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Findbuch II. Die Ochsenkopfwasserzeichen. T. 1–3 / Bearbeitet von G. Piccard. Stuttgart: Kohlhammer, 1966. 818 S.

Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Findbuch IV. Wasserzeichen Buschtabe P. / Bearbeitet von G. Piccard. Stuttgart: Kohlhammer, 1977. T. 1. 130 S.; T. 2. 296 S.; T. 3. 331 S.

Die Wasserzeichenkartei Piccard im Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Findbuch X. Wasserzeichen Fabeltiere: Drache, Grief, Einhorn / Bearbeitet von G. Piccard. Stuttgart: Kohlhammer, 1980. 378 S.

Yatsimirskiy A.I. *Opis' starinnykh slavyanskikh i russkikh rukopisey sobraniya P.I. Shchukina* [An Inventory of Old Slavonic and Russian Manuscripts from the Collection of P.I. Shchukin]. Is. 2. Moscow: Pechatnya A.I. Snegirevoy, 1897. 277 p.

Zimin A.A. *Iz istorii sobraniya rukopisnykh knig Iosifo-Volokolamskogo monastyrya* [On the History of the Joseph-Volokolamsky Monastery Manuscript Collection] // *Zapiski Otdela rukopisey Gosudarstvennoy biblioteki imeni V.I. Lenina* [Proceedings of the Manuscripts Department at the Lenin State Library]. Issue 38. Moscow: Kniga, 1977. P. 15–29.

Поступила в редакцию
17 августа 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-3-30-40

М.В. Калинин

УСТОЙЧИВОСТЬ ТРАСС ДОРОГ МОСКОВСКОГО УЕЗДА В XVII — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.

M.V. Kalinin

STABILITY OF ROAD ROUTES IN THE MOSCOW UYEZD IN THE 17th — FIRST THIRD OF THE 18th CENTURY

Аннотация. Статья посвящена малоизученной проблеме периода формирования системы сухопутных дорог в центральной части российского государства. Цель исследования — установить, насколько устойчивыми были трассы дорог южной — Зарецкой — части Московского уезда в XVII — первой трети XVIII в. Этот выбор объясняется тем, что отделенные от северной — Замосковной — части уезда Москвой-рекой дороги его южной части составляли единый комплекс коммуникаций. Исследование было выполнено на материалах писцовых книг 1627–1629 гг., чертежей Московского уезда второй половины XVII в., а также планов геодезистов 1720-х гг. из коллекции карт Ж.Н. Делиля. Исследование включало: выявление населенных пунктов, отмеченных на картах начала XVIII в. и планах второй половины XVII в.; сопоставление выявленных поселений; поиск выявленных по итогам сравнений карт и планов поселений в писцовых книгах 1627–1629 гг. (вряде случаев возле отмеченных в писцовых книгах поселений есть указания на дороги, выступающие в роли ориентиров). В результате было установлено, что пять крупных дорог южного Подмосковья — Новая Можайская, Звенигородская, Боровская, Каширская и Каменская — сложились уже к середине XVII в. и сохраняли свое значение на протяжении

Калинин Михаил Владимирович, младший научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kalinin Mikhail Vladimirovich, PhD Candidate in History, Junior Research Fellow, Department of Russian History up to the Beginning of the Nineteenth Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

mikhail.k179@gmail.com

ORCID: 0009-0004-8451-3184

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-09-00303а «Московский уезд по материалам писцового описания 1620-х — начала 1630-х гг.: Исторический атлас»).

The article was completed with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project no. 20-09-00303a “The Moscow Uyezd according to the Cadasters of the 1620s and the Early 1630s: Historical Atlas”).

XVIII в. В данном случае речь идет о ямских трактах — «федеральных трассах» своего времени. Сделать же вывод об устойчивости трасс проселочных дорог на основании проанализированных источников невозможно. Данные писцовых книг 1627–1629 гг. позволяют утверждать, что, по меньшей мере, три из пяти названных дорог (Боровская, Каменская и Каширская) существовали не только во второй, но и в первой половине XVII в. Отсутствие находившейся в Зарецкой части уезда Звенигородской дороги в писцовых книгах не значит, что в первой трети XVII в. этой дороги не было. Скорее всего, переписчик просто не указывал ее в качестве ориентира.

Ключевые слова: дороги в России, ямские тракты, Московский уезд, писцовые книги, чертежи Московского уезда, Ж.Н. Делиль.

Abstract. The article examines a little-studied problem in the period of formation of the system of overland roads in the central part of the Russian state. The purpose of the study is to find out how stable were the road routes in the southern (*Zaretskaya*) part of the Moscow uyezd in the 17th and the first third of the 18th century. This choice is explained by the fact that the roads in the southern part of the uyezd, separated from its northern (*Zamoskovnaya*) part by the Moskva river, were a unified complex of communications. The research was based on the cadasters of 1627–1629, Moscow uyezd's maps of the second half of the 17th century, as well as land surveyor's plans in the 1720s from the map collection of J.-N. Delisle. The study included identification of settlements indicated on the early 18th-century maps and plans of the second half of the 17th century, a comparison of identified settlements, and search for settlements from the cadasters of 1627–1629 on the basis of comparisons of maps and plans (in some cases, the settlements in the cadasters have references to roads that serve as landmarks). The author concludes that five major roads in southern Moscow suburbs, New Mozhaisk, Zvenigorod, Borovsk, Kashira and Kamensk roads, were formed up to the mid-17th century and kept their importance throughout the 18th century. They were postal highways, “federal highways” of that time. It is impossible to draw a conclusion about the route stability of country roads on the basis of the analyzed sources. The data of cadasters of 1627–1629 allows to confirm that at least three out of five roads (Borovsk, Kamensk and Kashira) existed not only in the second, but also in the first half of the 17th century. The absence of the Zvenigorod road in the *Zaretskaya* part of the uyezd in the cadasters does not mean that it did not exist in the first third of the 17th century. Most likely the scribe simply did not indicate it as a landmark.

Keywords: roads in Russia, postal highways, Moscow uyezd, cadastres, maps and plans of Moscow uyezd, J.-N. Delisle.

* * *

Перефразируя известную поговорку, можно сказать, что все дороги России ведут в Москву. Этот факт, сыгравший немаловажную роль в ее возвышении, неоднократно отмечали еще дореволюционные историки. Так, В.О. Ключевский называл Москву «узловым

пунктом», отмечая две большие дороги — во Владимир, Переяславль-Залесский и Ростов из Киева и Чернигова, — на пересечении которых вырос город¹. Важным центром сухопутных дорог еще на этапе формирования централизованного российского государства называет Москву И.Я. Гурлянд. Для начала XVI в. он выделяет следующие сухопутные тракты: из Москвы в Новгород, из Москвы через Можайск к литовской границе, из Москвы через Муром к Казани².

Не отрицая того факта, что Москва исторически является пересечением сухопутных дорог Европейской части России, мы поставим вопрос, насколько устойчивы были трассы выходящих из столицы трактов. В качестве объекта исследования мы взяли дороги южной — Зарецкой — половины Московского уезда. Этот выбор можно объяснить тем, что отделенные от северной — Замосковной — части уезда Москвой-рекой дороги южной части уезда составляли единый комплекс коммуникаций.

В ходе изучения дорог XVII–XVIII вв. исследователь сталкивается с рядом источниковедческих проблем. Прежде всего, это связано с тем, что крупные карты Московского уезда, на которых были бы отмечены дороги, появляются только в первой трети XVIII в. На русских допетровских картах Московского уезда — чертежах — дороги отмечены, но эти чертежи не дают возможности рассмотреть всю картину расположения дорог в уезде, поскольку описывают только отдельные его части.

Несмотря на это, именно чертежи и карты второй половины XVII — первой трети XVIII в. служат основным источником для решения поставленной задачи. Наряду с ними в настоящем исследовании были использованы материалы географических справочников XVII–XVIII вв. (Книги Большому чертежу, Поверстной книги, Дорожника 1777 г.), а также материалы писцовых книг 1627–1629 гг.

Рассмотрим подробнее карты, которые были обработаны в ходе исследования. Первая — это карта Московского уезда 1724–1729 гг. из коллекции Ж.Н. Делиля, оригинал которой хранится сейчас в Национальной библиотеке Франции³. Жозеф Никола Делиль — французский астроном и картограф, приглашенный Петром Великим для организации астрономических наблюдений и совершенствования

---

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 2. Лекция XXI. М., 1912.

² Гурлянд И.Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. Ярославль, 1900. С. 53–54.

³ Territoire de Moscou. Appartient à : [Cartes manuscrites de la collection Joseph Nicolas Delisle des territoires de la Russie entre 1724 et 1729]. — URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b550031272.r=Cartes%20manuscrites%20de%20la%20collection%20Joseph%20Nicolas%20Delisle?rk=729617;2> (дата обращения 8.11.2022).

картографических работ⁴. Делиль руководил необходимыми для совершенствования картографии астрономическими работами, а также собирал и обрабатывал карты петровских геодезистов для составления Генеральной карты России⁵. Систематические работы геодезистов по описанию центральной части России начались в 1720 г., когда Петр I распорядился составить карты губерний Российской империи⁶. Карта Московского уезда Московской провинции Московской губернии была составлена в 1721–1722 гг. Степаном Игнатьевым и Тихоном Ладыженским⁷. Работы петровских геодезистов можно назвать первыми российскими картами «нового типа», т.е. ориентированными, в отличие от прежних чертежей, на север с указанием масштаба. Так, карта Московского уезда, составленная Ладыженским и Игнатьевым, дана в масштабе 1:76 214 — в 1 сантиметре 762 метра⁸. Отметим, что в ходе составления карт геодезисты петровской эпохи двигались по рекам и дорогам, нанося на карту остальные объекты «по скаскам обывателей»⁹. Этим фактом можно объяснить различия в отражении поселений уезда на обработанной Ж.Н. Делилем карте петровских геодезистов и чертежах второй половины XVII в. Материалы Лодыженского и Игнатьева вошли в коллекцию карт России Ж.Н. Делиля, среди которых есть карта Московского уезда, датированная 1724–1729 гг.

Чертежи Московского уезда XVII в., к которым мы обратились в ходе данного исследования, отложились главным образом в фондах Поместного приказа и XXVII Разряда Госархива. Их электронная версия была опубликована в составе корпуса русских чертежей XVI–XVII вв. А.А. Фроловым, А.А. Голубинским и С.С. Кутаковым¹⁰.

⁴ Постников А.В. Развитие картографии и вопросы использования старых карт. М., 1985. С. 145.

⁵ Гнучева В.Ф. Географический департамент Академии Наук в XVIII веке. Л., 1946. С. 30.

⁶ ПСЗ. Т. VI. № 3682.

⁷ Багров Л. История русской картографии. М., 2005. С. 360.

⁸ Масштаб карты приведен в ее описании: Territoire de Moscou. Appartient à : [Cartes manuscrites de la collection Joseph Nicolas Delisle des territoires de la Russie entre 1724 et 1729]. — URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b550031272/f1.item.r=Cartes%20manuscrites%20de%20la%20collection%20Joseph%20Nicolas%20Delisle> (дата обращения: 30.10.2022).

⁹ Постников А.В. Указ. соч. С. 143.

¹⁰ Геоинформационная система «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.». — URL: <http://rgada.info/index.php?page=14> (дата обращения 30.10.2022); Фролов А.А., Голубинский А.А., Кутаков С.С. Веб-ГИС «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.» (/geos2) // Историческая информатика. 2017. № 1. С.75–84; Фролов А.А., Голубинский А.А., Кутаков С.С. Опыт картографирования корпуса географических чертежей Русского государства XVI–XVII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2015. С. 379–385.

Русские географические чертежи XVI–XVII вв., как отмечает В.А. Кусов, лишены современных картографических характеристик — единого масштаба, координатной сетки, геометрических соотношений¹¹. Тем не менее, их значение для ответа на поставленный вопрос велико: они содержат надписи, на которых представлена информация о поселениях и дорогах. Чертежи земель Московского уезда не составляют единого комплекса — это разрозненные документы, которые описывают только его отдельные земли. Опираясь на эти данные, мы попытались соотнести дороги, отмеченные на карте Делиля 1724–1729 гг. и на чертежах Московского уезда XVII в.

Вопрос о локализации трасс подмосковных трактов мы начнем с обзора ямских дорог. В Зарецкой части Московского уезда лежали четыре такие дороги — Серпуховская, Калужская, Волоколамская и Звенигородская¹². В Повёрстной книге они пронумерованы — IV, V, VI и VII (отсчет в ней ведется от Троицкой дороги (I) по часовой стрелке)¹³. Их трассы, сложившиеся к началу XVII в., функционировали и в XVIII в. Об этом свидетельствует тот факт, что один из списков Повёрстной книги, в котором названы все четыре указанные выше дороги, был в 1777 г. напечатан в официальном справочнике Петербургского почтамта¹⁴ (этот факт отмечает В.А. Петров).

Наряду с крупными ямскими дорогами, которые можно было бы назвать «федеральными трассами» своего времени, в Московском уезде неизбежно существовала густая сеть местных и проселочных дорог. К сожалению, в известных географических справочниках XVII в. (Повёрстной книге и книге Большому чертежу) местные и проселочные дороги уезда не показаны. В связи с этим особое значение приобретает уже рассмотренная карта Московского уезда из коллекции Ж.Н. Делиля¹⁵. Анализируя карту Делиля, мы видим следующие дороги в Зарецкой части Московского уезда¹⁶:

¹¹ Кусов В.С. Чертежи Земли Русской. М., 1993. С. 3.

¹² Названия дорог даны по первым ямам, перечисленным в Повёрстных книгах 30-х — 80-х гг. XVII в. Публ.: Географические справочники XVII века // Исторический архив. Т. V. М; Л., 1950. С. 103–148.

¹³ Там же. С. 104.

¹⁴ Петров В.А. Географические справочники XVII века. «Поверстная книга» и «Описание расстоянию столиц, нарочитых градов славных государств и земель ... от града Москвы» // Географические справочники XVII века. Исторический архив. Т. V. М; Л., 1950. С. 88.

¹⁵ Карта Московского уезда из коллекции И.Е. Делиля. — URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b550031272/f1.item.r=Cartes%20manuscrites%20de%20la%20collection%20Joseph%20Nicolas%20Delisle> (дата обращения 30.10.2022).

¹⁶ Там же. Названия дорог даны по-французски, так они названы на карте Делиля.

1. Chemin de Volokolam
2. Chemin de Piatnitsk
3. Chemin de Svenigorodts
4. Chemin de Mojaisk
5. Chemin de Borovsk
6. Chemin de Kamenka
7. Chemin de Kaloust
8. Chemin de Serpoukhov
9. Chemin de Kachir

Вместе с этими девятью дорогам на карте Делиля выделена еще одна, неподписанная дорога, которая проходит по южной и юго-восточной части уезда, южнее Бронниц. Возможно, это часть известного в краеведческой литературе Бронницкого тракта¹⁷.

Отметим, что на карте Делиля дороги обрываются у границ уезда: так, Серпуховская дорога заканчивается у Чепелево (на карте отмечено как Tchepelevrag); в реальности дорога шла дальше, в сторону Серпухова.

Итак, благодаря карте Делиля мы можем доказать, что к началу XVIII в. в Московском уезде было значительно больше дорог, чем те, которые отмечают географические справочники XVII столетия. В одной только Зарецкой части уезда их было, по меньшей мере, девять. Но существовали ли эти дороги раньше, в XVII в.?

За ответом на этот вопрос мы обратились к опубликованному А.А. Фроловым, А.А. Голубинским и С.С. Кутаковым корпусу русских чертежей XVI–XVII вв.¹⁸ Опираясь на него, мы соотнесли дороги, отмеченные на карте Делиля 1724–1729 гг. и чертежах Московского уезда XVII в.

В ГИС «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.» представлено 38 чертежей, описывающих земли Зарецкой части Московского уезда. Среди них 13 чертежей, на которых дороги не изображены вообще, и четыре чертежа, где показаны безымянные проселочные дороги. На остальных чертежах изображены более или менее крупные дороги — этот вывод можно сделать исходя уже из того факта, что дороги названы по именам: Боровская, дорога в Каменку, Калужская,

¹⁷ *Симонов А.* Древний Бронницкий тракт и благовещенские предания. — URL: <https://www.bogorodsk-noginsk.ru/atlas/drevnie-dorogi-vostochnogo.html> (дата обращения 05.11.2022).

¹⁸ Геоинформационная система «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.». — URL: <http://tgada.info/index.php?page=14> (дата обращения 30.10.2022); *Фролов А.А., Голубинский А.А., Кутаков С.С.* Веб-ГИС «Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.» (*geos2*) // Историческая информатика. 2017. № 1. С. 75–84. — URL: http://e-notabene.ru/istinf/article_22025.html; *Фролов А.А., Голубинский А.А., Кутаков С.С.* Опыт картографирования корпуса географических чертежей Русского государства XVI–XVII вв. С. 379–385.

Зюзинская, Шаболовская, Серпуховская, Растовка, дорога из Мячково в Москву¹⁹. Наконец, среди 21 чертежа, где показаны важные дороги Московского уезда, 8 чертежей содержат данные, которые можно соотнести с данными карты Московского уезда Делиля.

И хотя такая репрезентация не выглядит, на первый взгляд, убедительной, она, тем не менее, позволяет проследить нам **устойчивость пяти из десяти** дорог Зарецкой части уезда, которые показаны на карте Делиля. Перечислим их. Это Новая Можайская, Звенигородская, Боровская, Каширская дороги, а также дорога в Каменку. Так, вблизи **Новой Можайской дороги** (у Делиля она названа *chemin de Mojaïsk*) мы находим деревню Марфину и на чертеже земли по реке Сетунь в окрестностях села Сколково 1678–1682 гг.²⁰, и на карте Московского уезда Делиля. На плане села Денисовского у Москвы-реки и ее окрестностей (1663–1670 гг.)²¹ мы находим вблизи **Звенигородской дороги** село Денисовское и сельцо Сареево — их же мы видим и на карте Делиля (отметим только, что там Сареево называется Сарпевым).

Два плана — чертеж земель по Боровской дороге у сельца Собакина 1669–1670 гг.²² и план местностей по реке Лекове по обеим сторонам Боровской дороги 1663–1670 гг.²³ — позволяют проследить устойчивость **Боровской дороги**. Поселения, через которые они проходят — Посниково (Постниково), Собакино (у Делиля — Собикино), Федосьино, Толстые пальцы, Мешково, Окатово, Переделец — изображены вблизи Боровской дороги и на карте Делиля.

Выявить устойчивость дороги из Москвы в Каменку помогают, также, два плана: чертеж спорных земель села Рождественного на реке Пахре 1689 г.²⁴ и план местности по реке Десне (Малой Пехорке) с надписью: «Московского уезду отписана после Василия Нечаева и

---

¹⁹ Названия дорог даны так, как они представлены на чертежах XVII в.

²⁰ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Стлб. Москва, 32725. Ч. 1. Л. 1. Чертеж земель по реке Сетунь в окрестностях села Сколково. — URL: <http://rgada.info/geos2/zapros.php?nomer=93> (дата обращения 05.11.2022).

²¹ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484. Ч. 3. № 123. План села Денисовского у Москвы-реки и его окрестностей. — URL: <http://rgada.info/geos2/zapros.php?nomer=325> (дата обращения 05.11.2022).

²² РГАДА. Ф. 1209. Стлб. Москва, 32727. Ч. 1. Последний л., если это л. 1. Чертеж земель по Боровской дороге у сельца Собакина. — URL: <http://rgada.info/geos2/zapros.php?nomer=297> (дата обращения 05.11.2022).

²³ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484. Ч. 3. № 121. План местности по реке Лекове по обеим сторонам Боровской дороги. — URL: <http://rgada.info/geos2/zapros.php?nomer=322> (дата обращения 05.11.2022).

²⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 77. Стлб. Москва, 32883. Л. 236–237. Чертеж спорных земель села Рождественного на реке Пахре 1689 года. — URL: <http://rgada.info/geos2/zapros.php?nomer=248> (дата обращения 05.11.2022).

отдана в Симонов монастырь вместо Анкудинова» 1664–1668 гг.²⁵. На них показана **дорога в Каменку**, проходящая через деревни Лисинцево, Лужки, Акишино, Конюшково (у Делиля — Конкошово) и село Клоково. Отметим, что эти поселения отображены на карте Делиля.

Наконец, на чертеже местности по Большой Коширской и Фроловской дорогам (ок. 1669 г.) мы отмечаем **Каширскую дорогу**, которая проходит через сёла Таболово, Ермолино и деревню Тимохово. Через них же проходит и та Каширская дорога, которую фиксирует на своей карте Делиль.

Следует отметить расхождения в описании поселений на карте 1724–1729 гг. и в чертежах второй половины XVII в. Ряд крупных поселений, которые находятся вблизи «совпавших» в обоих источниках сел и деревень, не попали на карту Делиля. Причины этого кажутся понятными: петровские геодезисты выполняли генеральную карту уезда, в то время как чертежники предшествовавшего петровскому веку составляли отдельные планы, не ставя задачу создания общей карты. Назовем наиболее крупные поселения, не попавшие на карту Делиля. Это село Сколково у Новой Можайской дороги; село Петровское, деревни Грибаново и Дубец у Звенигородской дороги; сёла Изварино, Валуево, сельцо Орлово, деревни Пыхтино и Лапшинка у Боровской дороги, село Троицкое (Троецкое), деревни Бутаково, Жуковка, Губцово, Верховье, Тетеренки, Ширяево, Шарاپово, Сандырево у дороги в Каменку, деревня Жуково у Каширской дороги.

Итак, проведенные разыскания показали, что пять из девяти крупных дорог, показанных на карте Делиля, существовали и в более ранний период — по меньшей мере, начиная со второй половины XVII в. При этом на чертежах, сведения которых не удалось соотнести с данными карты Московского уезда Делиля, упоминаются дороги, названные Делилем, например, Серпуховская. Следовательно, мы можем утверждать, что большая часть дорог, изображенных на карте 1724–1729 гг. Делилем, существовала и во второй половине XVII в. Но можем ли проследить существование этих дорог в более ранний период?

Для решения этой задачи мы обратились к материалам писцовых книг Московского уезда за 1627–1629 гг.²⁶. Нужно отметить,

²⁵ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484. Ч. 3. № 104. План местности по реке Десне (Малой Пехорке) с надписью: «Московского уезду отписана после Василия Нечаева и отдана в Симонов монастырь вместо Анкудинова» 1664–1668 гг. — URL: <http://rgada.info/geos2/zapros.php?номер=321> (дата обращения: 05.11.2022).

²⁶ Список с писцовой книги поместных и вотчинных земель в станах Ратуеве, Жданском, Черменеве, Молоцком, Торокманове, Лукомском, Гоголеве, Шахове, Терехове, Вяземском, Медвенском, Сетунском, Сосенском, Лужецком и волостях Коно-

что дороги в писцовых книгах практически не упоминаются — так, в ходе обработки данных мы обнаружили только два указания на них. В первом случае упомянута Серпуховская дорога, возле которой лежит пустошь Дединова Замыцкой волости²⁷, во втором названа Большая Каширская дорога, возле которой на Фроловском погосте Ратуева стана находится церковь Флора и Лавра²⁸. Поэтому мы попытались найти в писцовых книгах те поселения, по которым фиксировали устойчивость дорог в Зарецкой части Московского уезда. Разыскания показали существование в Торокмановом стане в 1620-х гг. деревень Собакино²⁹, Толстые пальцы³⁰, Переделец³¹, пустоши Посниково³², а также пустоши Окатово³³ в Лукомском стане (через них во второй половине XVII в. проходила **Боровская дорога**). В Гоголевом стане удалось обнаружить село Клоково³⁴ и деревню Конюшково³⁵ (через них во второй половине XVII в. проходила **дорога в Каменку**), а в Шаховом стане — деревню Лужки³⁶ и деревню Лисинцеву³⁷ (через них во второй половине XVII в. проходила **Каширская дорога**). Материалы писцовых книг не позволяют утверждать, что три отмеченные выше дороги существовали в 1620-х гг. Тем не менее, устойчивость расположенных вблизи дорог поселений позволяет предположить, что эти дороги могли существовать не только во второй, но и в первой половине XVII в.

Подводя итог настоящего исследования, мы можем сделать вывод об устойчивости не только ямских, но и других крупных дорог Московского уезда (на примере его Зарецкой части). Ключевые ямские дороги — Серпуховская, Калужская, Волоколамская и Звенигородская — существовали и в начале XVII, и в конце XVIII в. Соотнесение данных карты Московского уезда из коллекции И.Н. Делиля (1724–1729 гг.) и русских чертежей XVII в. позволило сделать вывод об устойчивости трасс пяти крупных дорог Подмосковья — Новой

пенской, Ростовской, Тухачевской, Перемышльской, Хотунской и Замыцкой письма и меры Федора Пушкина и дьяка Андрея Строева 7135–7137 гг. (1627–1629 гг.). РГАДА. Ф.1209. Оп. 1. Кн. 9807, 9808.

²⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 9808. Л. 450.

²⁸ Там же. Кн. 9807. Л. 88–89.

²⁹ Там же. Л. 332 об.

³⁰ Там же. Л. 338.

³¹ Там же. Л. 364 об.

³² Там же. Л. 387 об.

³³ Там же. Л. 417 об.

³⁴ Там же. Л. 500.

³⁵ Там же. Л. 500 об.

³⁶ Там же. Л. 559.

³⁷ Там же. Л. 567 об.

Можайской, Звенигородской, Боровской, Каширской, а также дороги из Москвы в Каменку. Сопоставление полученных результатов с данными писцовых книг 1627–1629 гг. позволяет сделать предположение о существовании по меньшей мере трех из пяти названных дорог (Боровской, Каменской и Каширской) не только во второй, но и в первой половине XVII в. Важно отметить, что составители писцовых книг не считали своей задачей описание дорог уезда. Поэтому отсутствие упоминания в книгах 1627–1629 гг. Новой Можайской и Звенигородской дорог не дает нам оснований полагать, что этих дорог не было в реальности.

Вместе с этим, нужно выделить дорогу, которую фиксируют документы XVII в., но не отмечают материалы XVIII в. Это Растовка — старая дорога, которая шла из Москвы на юго-восток, восточнее Серпуховской дороги. Трасса этой дороги подробно описана в статье М.А. Чусовой³⁸. В писцовых книгах 1627–1629 гг. при описании пустоши Григорово Замыцкого стана есть примечание, что она находится «у дороги Растовки»³⁹. Также эту дорогу фиксируют чертежи земель в Московском уезде второй половины XVII в.⁴⁰ В то же время, ни на картах из коллекции Ж.Н. Делиля, ни в географических справочниках конца XVIII в. эта дорога не отмечена. Рассмотренные в работе источники не позволяют дать четкий ответ на вопрос о причинах «затухания» этой дороги. Исчезновение из документов XVIII в. Растовки ставит перед нами вопрос: что именно называли дорогой составители писцовых книг, чертежей и планов? Как, почему и насколько менялось это определение? Ответ на эти вопросы требует дополнительных разысканий. На сегодняшний день мы можем утверждать, что источники XVII–XVIII вв. называют дорогами не только крупные тракты, по которым шла ямская гоньба.

Суммируя наблюдения, мы можем сказать, что основные сухопутные дороги южной части Московского уезда сложились уже к середине XVII в. По всей видимости, не только крупные ямские, но и местные дороги Зарецкой части Московского уезда в XVII — первой трети XVIII в. представляли собой сложные устойчивые инженерные сооружения со сформировавшейся при них системой поселений, перевозов и мостов. Осмелимся предположить, что эти дороги сложились исторически и органически — иными словами,

³⁸ Чусова М.А. Древние дороги юга Москвы // Московский журнал. 2017. № 12.

³⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 262. Л. 49.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484. Ч. 3. № 101. План с надписью: «Екатерининской роши 171 г. 2 августа». — URL: <http://rgada.info/geos2/zapros.php?nomer=236> (дата обращения 29.11.2022); РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 484. Ч. 3. № 114. План Екатерининской роши и ее окрестностей. — URL: <http://rgada.info/geos2/zapros.php?nomer=237> (дата обращения 29.11.2022).

их не нужно было прокладывать через болота и леса так, как прокладывали в петровские годы «Перспективную» дорогу из Москвы в Санкт-Петербург. Эти «естественные» дороги удовлетворяли потребностям государства и общества, соединяя столицу с ключевыми поселениями ее западных, юго-западных, южных и юго-восточных пределов.

References

Bagrov L. *Istoriya russkoy kartografii* [A History of Russian Cartography]. Moscow: Tsentropoligraf, 2005. 522 p.

Chusova M.A. *Drevniye dorogi yuga Moskvy* [Old Roads in the South of Moscow] // *Moskovskiy zhurnal*. 2017. N 12. P. 56–71.

Frolov A.A., Golubinskiy A.A., Kutakov S.S. *Opyt kartografirovaniya korpusa geograficheskikh chertezhey Russkogo gosudarstva XVI–XVII vv.* [Mapping of the Russian State in the Corpus of Geographical Drawings of the 16th and 17th Centuries] // *Rus', Rossiya: Srednevekov'ye i Novoye vremya* [Rus', Russia: Middle Ages and Modern Times]. Issue 4. *Chetvertyye chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova* [Fourth Workshop in Memory of the RAS Full-Member L.V. Milov]. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy universitet imeni M.V. Lomonosova, 2015. P. 379–385.

Geograficheskiye spravochniki XVII veka [Geographical Reference Books of the Seventeenth Century] // *Istoricheskiy arkhiv*. Vol. V. 1950. P. 103–148.

Gnucheva V.F. *Geograficheskiy departament Akademii nauk v XVIII veke* [Geographical Department of the Academy of Sciences in the 18th Century]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1946. 445 p.

Gurlyand I. Ya. *Yamskaya gon'ba v Moskovskom gosudarstve do kontsa XVII veka* [Postal Highway Rush in Moscow State up to the Late 17th Century]. Yaroslavl': Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1900. 339 p.

Klyuchevskiy V.O. *Kurs russkoy istorii* [A Course in Russian History]. Part 2. Moscow: Tipografiya Moskovskogo gorodskogo Arnoldo-Tret'yakovskogo uchilishcha glukhonemykh imeni P.P. Ryabushinskogo, 1912. 516 p.

Kusov V.S. *Chertezhi Zemli Russkoy* [Geographical Drawings of Russian Land]. Moscow: Russkiy mir, 1993. 375 p.

Postnikov A.V. *Razvitiye kartografii i voprosy ispol'zovaniya starykh kart* [Development of Cartography and Using Old Maps]. Moscow: Nauka, 1985. 212 p.

Поступила в редакцию
12 декабря 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-3-41-57

Т.Л. Лабутина

**РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА 1741–1743 гг.
В ОЦЕНКАХ БРИТАНСКИХ ПОСЛОВ В РОССИИ**

T.L. Labutina

**THE RUSSIAN-SWEDISH WAR OF 1741–1743 IN THE
ASSESSMENTS OF THE BRITISH AMBASSADORS IN RUSSIA**

Аннотация. Статья посвящена важным аспектам русско-шведской войны 1741–1743 гг., слабо изученной в отечественной историографии. Война велась на протяжении трех кампаний, очевидцами которых стали два британских посла в России — Э. Финч и С. Уич. Опираясь на дипломатическую переписку британских послов, впервые вводимую в научный оборот в российской исторической науке, автор анализирует передаваемую ими в Лондон информацию, полученную от высокопоставленных российских чиновников, в том числе командующих войсками. Она, в частности, касалась состояния вооруженных сил России накануне войны со Швецией. Дипломаты отмечали слабые стороны российского флота, о чем извещали свое руководство. Прослеживая ход войны, послы сообщали госсекретарю о ее причинах, главная из которых заключалась в стремлении шведов добиться отмены условий Ништадтского мира и возвращения утерянных во время Северной войны 1700–1721 гг. территорий. Оба посла признавали смелость и героизм русских воинов, проявленных в боях с противником, а также их гуманное обращение с пленными шведами. В то же время они обратили внимание на проявление жестокости со стороны представителей иррегулярных войск, участвовавших в рейдах по Финляндии. Из депеш послов выяснилась также позиция, занятая рядом стран в отношении конфликта России и Швеции: враждебная со стороны Франции и в целом благожелательная со стороны официального Лондона, не желавшего портить отношений с русским двором в преддверии заключения союзного договора 1742 г. Бесспорный интерес вызывают манифесты (текст которых приведен

Лабутина Татьяна Леонидовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории межкультурных коммуникаций стран Запада и Востока Института всеобщей истории РАН

Labutina Tatiana Leonidovna, Doctor in History, Professor, Chief Research Fellow, Head, Centre for History of Cross-Cultural Communications between the West and the East, Institute of World History, Russian Academy of Sciences

tlabutina2007@yandex.ru

ORCID 0000-0003-2609-4175

в переписке дипломатов) шведского короля и российской императрицы к населению приграничных территорий, направленные на сохранение лояльности по отношению к войскам противника. Представленные британскими послами и проанализированные в статье факты о русско-шведской войне восполняют существующую лакуну одного из эпизодов российско-шведских отношений середины XVIII в.

Ключевые слова: русско-шведские отношения, британские послы, российская армия XVIII в. в., канцлер АИ. Остерман, иррегулярные войска, Абоский мир 1743 г.

Abstract. The article covers the important aspects of the Russian-Swedish war of 1741–1743, which has attracted little attention in Russian historiography. The war was waged over three campaigns, witnessed by two British ambassadors in Russia, Edward Finch and Cyril Wyche. Based on the diplomatic correspondence of the British ambassadors, previously unexplored in the Russian historical science, the author analyzes the information which they received from high-ranking Russian officials, including commanders of the troops, and then passed on to London. In particular, it concerned the state of the Russian armed forces on the eve of the war with Sweden. The diplomats noted and informed their superiors about the weaknesses of the Russian navy. Keeping track of the course of the war, the ambassadors briefed the Secretary of State about its causes, the main being the desire of the Swedes to abrogate the conditions of the Nishtad peace and regain the territories lost during the Northern War of 1700–1721. Both ambassadors acknowledged the courage and heroism shown by the Russian soldiers in battles with the enemy, as well as their humane treatment of the captured Swedes. At the same time, they drew attention to the manifestations of cruelty inflicted by irregular troops who participated in the raids in Finland. The dispatches of the ambassadors also reveal the stance taken by a number of countries towards the conflict between Russia and Sweden: hostile on the part of France and generally benevolent on the part of official London, which did not want to spoil relations with the Russian court on the eve of the conclusion of the 1742 Treaty of Alliance. Other documents of indisputable interest are manifestos (included in the correspondence of diplomats) addressed by the Swedish king and the Russian empress to the population of the border territories and aimed at showing goodwill towards the enemy troops. The facts about the Russian-Swedish war presented by the British ambassadors and analyzed in the article fill the existing gap in one of the episodes of Russian-Swedish relations in the middle of the eighteenth century.

Keywords: Russian-Swedish relations, British ambassadors, Russian army of the eighteenth century, Chancellor A.I. Osterman, irregular troops, Abo Peace Treaty of 1743.

* * *

Русско-шведская война (1741–1743), недостаточно изученная историками¹, была тесно связана с обострением международной

---

¹ Подробнее о событиях русско-шведской войны см.: *Шпилевская Н.С.* Описание войны между Россией и Швецией в Финляндии в 1741, 1742 и 1743 годах. СПб., 1859; *Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. 2. М., 1998; *Шефов Н.А.* Самые знаменитые войны и битвы России. М., 2000.

обстановки в Европе, вызванной кончиной австрийского императора Карла VI в октябре 1740 г. и возникшим в связи с этим династическим кризисом. Это привело вскоре к общеевропейскому конфликту — войне за австрийское наследство (1740–1748 гг.). В этой войне Россия поддерживала Австрию, а Франция — Швецию. В 1741 г. Швеция начала войну с Россией с целью вернуть территории, утраченные ею по Ништадтскому миру (1721), положившему окончание Северной войне 1700–1721 гг. Кроме того, шведы надеялись захватить территорию между Ладогой и Белым морем. Российская сторона преследовала цель защитить рубежи империи, стремясь, для большей безопасности столицы, отодвинуть границу со Швецией к северо-западу от Карельского перешейка. Поскольку в Швеции в 1730-е гг. к власти пришла так называемая «партия шляп», которая выступала за восстановление позиций Швеции на международной арене и вела себя довольно воинственно, русское правительство надеялось также добиться утверждения на шведском престоле князя-епископа Любекского Адольфа Фредерика, который доводился дядей наследнику российского престола великому князю Петру Федоровичу².

Русско-шведская война велась на протяжении трех кампаний, очевидцами которых стали два британских посла в российской столице: Э. Финч и С. Уич. Обращение к информации, которую дипломаты пересылали в Лондон, позволяет составить более полное представление о событиях войны, еще недостаточно изученной в отечественной науке.

Первая кампания войны пришлось на время пребывания в России Эдварда Финча. Несколько слов о дипломате. Эдвард Финч-Хаттон (1697–1771) происходил из знатной аристократической семьи графа Ноттингема. Начальное образование получил в частной школе, а затем, когда ему исполнилось 16 лет, был принят в Тринити-колледж в Кембридже. Получив степень магистра, Эдвард отправился в большое турне по Европе, посетил Францию, Италию, Ганновер. По возвращении на родину Финч начинает свою дипломатическую карьеру в качестве чрезвычайного посланника на императорском сейме Регенсбурга зимой 1724–1725 гг. Затем в качестве министра на протяжении 1734–1741 гг. он представлял Великобританию поочередно в Польше, Швеции и России. Одновременно с дипломатической деятельностью совмещал работу в парламенте. Впервые Финч одержал победу на выборах в парламент в 1727 г. Впоследствии Финч

---

² Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск 860--1914 гг. Военная энциклопедия. — URL: https://runivers.ru/conflicts/conflict/c2/russko_shvedskaya_voyna_1741_1743_gg/ (дата обращения 03.11.2022)

неоднократно занимал депутатское место, представляя в парламенте Кембриджский университет. Как видно, прибывший ко двору императрицы Анны Иоанновны в 1739 г. британский посол являлся опытным дипломатом и известным парламентарием.

Как правило, британские послы, отправляясь в Россию, получали от короля Георга II инструкции, одна из которых предписывала сбор информации о флоте и вооруженных силах Российской империи. Неудивительно, что Эдвард Финч до объявления Швецией войны внимательно наблюдал за развитием событий и тем, как русское правительство принимало меры для защиты своей территории. Так, он сообщал госсекретарю лорду Гаррингтону, что русский двор начинает «терять терпение» и рад бы «положить конец дерзости» Швеции, если бы только был в состоянии выполнить свою задачу. Между тем сделать это он не может из-за недостатка военных судов и их недокомплекта экипажами. В этой связи, продолжал Финч, русские надеются заручиться помощью английской эскадры, которая могла бы сопровождать их флот при выходе в море. В то же время посол отмечал, что с сухопутными войсками дело обстоит лучше. В ближайшее время, по его сведениям, на территории от Выборга до Риги, будет сосредоточено 108 тыс. чел., не считая трех полков гвардии, насчитывавших 9 тыс. Еще на подходе 9 тыс. кавалерии и 6 тыс. иррегулярных войск, способных, на взгляд Финча, «утомить неприятеля и разорить страну в неделю более, чем двойное число регулярных войск за целую кампанию»³.

В одном из своих донесений в Лондон Финч подробно излагал расстановку сил в российских сухопутных войсках, расположенных в окрестностях Петербурга под командованием генерал-аншефа Якова Кейта. Пять полков, общей численностью в 30 тыс. человек расположатся лагерем, с тем чтобы быть «всегда под рукой, как только понадобятся». Таким образом, заключал Финч, сухопутными силами русские располагают «в избытке»⁴.

Между тем канцлер граф А.И. Остерман, полагавший, что война со Швецией неизбежна, в разговоре с послом поднял вопрос о привлечении английской эскадры для оказания помощи России, чтобы добиться скорейшего окончания конфликта. Если же король в том откажет, продолжал канцлер, то Россия самостоятельно «выпутается из своего положения, как сумеет». При этом граф «с большим искусством» намекал послу, что при желании русский двор может всту-

---

³ Дипломатическая переписка английских послов и посланников при русском дворе (с 7 марта 1741 по 16 июля 1742 г.) // Сборник императорского русского исторического общества (далее — СИРИО). Т. 91. СПб., 1894. С. 133–135.

⁴ Там же. С. 151–152.

пить с Францией в любое соглашение и будет принят ею «с распростертыми объятиями»⁵. Судя по всему, Остерман пытался сыграть на существующих противоречиях соперников — Великобритании и Франции, чтобы подтолкнуть англичан к оказанию помощи в приближающемся конфликте со Швецией.

В свою очередь, пытаясь не допустить сближения России с Францией, официальный Лондон посоветовал Финчу скомпрометировать Версаль. Георг II предложил послу передать конфиденциально графу Остерману, что «по самым достоверным известиям, не только все ... приготовления Швеции к нападению на царя⁶ вызваны французским золотом и ... интригами, но представители Франции еще немало хлопотали и о том, как бы вызвать и короля прусского на субсидию Швеции именно с целью ободрить ее на вторжение в русские пределы»⁷. Договор между королем Пруссии и шведами, продолжал госсекретарь, еще не состоялся единственно из-за разногласий по поводу места действия шведских войск. В то время как прусский король, готовый выдать субсидию шведам в миллион крон, требовал от них открыть военные действия не только в Финляндии, но и в Ливонии, то Швеция, соглашаясь принять деньги, соглашалась действовать только в Финляндии. Кроме того, отмечал госсекретарь, русский двор может быть уверен, что Франция окажет всяческое содействие представителям Швеции в Константинополе «в их интригах при Порте», а также воспользуется своим влиянием в Копенгагене, чтобы отвлечь Данию от выполнения обязательств по ее оборонительному союзу с Россией. «Короче, пора русским разочароваться в ... мысли о склонности французского двора сблизиться с ними; ни одно руководящее правило французской политики не установилось, не упрочилось с такой полнотой, как правило, о необходимости сломить настоящую силу и влияние России», — резюмировал лорд Гаррингтон⁸.

Вскоре королю доложили, что граф Остерман вошел в положение Великобритании и признал невозможным отправление английской эскадры в Балтийское море. Канцлер заявлял, что русское правительство даже в случае, если британская эскадра не явится на помощь, тем не менее, сохранит дружеское расположение к Англии. Георг II выражал надежду на то, что русское правительство, принимая во внимание чрезвычайные расходы, которые в настоящее время

---

⁵ СИРИО. Т. 91. С. 154–155.

⁶ Речь идет об Иване VI (Иоанне Антоновиче), который, будучи младенцем, формально царствовал с октября 1740 по ноябрь 1741 г.

⁷ СИРИО. Т. 91. С. 183–184.

⁸ Там же. С. 184.

ложатся на короля (имелось в виду участие в войне за австрийское наследство), будет довольно готовностью англичан выплатить России при первой возможности определенную денежную сумму взамен присылки эскадры. Король выражал надежду также на то, что Россия не будет настаивать на немедленной выплате этих денег.

В очередной беседе с Финчем граф Остерман заметил, что в сепаратной статье оборонительного договора, заключенного Россией и Великобританией в Петербурге в 1741 г., не упоминается о замене военной помощи деньгами, а потому отказался их принимать взамен эскадры в случае войны со Швецией. «Раз мы не получим эскадры, на которую было вполне рассчитывали, нам придется обойтись своими средствами, — продолжал канцлер. — Если эскадра явится, наша война со Швецией будет кратковременна, без нее война может затянуться; опасности для России она, конечно, не представляет, но в течение войны мы не в состоянии будем помочь никому»⁹.

О своем нежелании поддержать Россию на море в случае нападения Швеции руководство Великобритании упоминало не раз. В одной из своих инструкций Финчу лорд Гаррингтон писал: «Королю решительно невозможно удовлетворить ожиданиям русского двора», поскольку придется выслать силы, которые должны значительно превосходить войска неприятеля, условленные трактатом. Сделать же это «решительно невозможно, пока корабли наши плавают в американских водах, флоты же Франции и Испании столь значительны...»¹⁰. Судя по всему, англичане, несмотря на существующий оборонительный договор, не собирались оказывать военную помощь России.

Между тем в России полным ходом шла подготовка к войне. 11 августа 1741 г. канцлер пригласил Финча, чтобы сообщить ему, что Швеция объявила войну России. Судя по содержанию манифеста шведского короля, причинами конфликта шведы считали нарушение Россией 7 параграфа Ништадтского мира о невмешательстве во внутренние дела королевства; приостановку Анной Иоанновной с 1735 г. беспошлинного вывоза российского хлеба в Швецию в связи с начавшейся русско-турецкой войной 1735–1739 гг., что привело в 1740 г. к голоду в стране. Наконец, негодование шведов вызвало убийство русскими офицерами шведского дипкурьера графа М. Синклера, который возвращался из Турции с важными документами¹¹. Тем не менее, какие бы причины для начала войны ни называли шведы,

⁹ СИРИО. Т. 91. С. 161.

¹⁰ Там же. С. 215–216.

¹¹ Военные конфликты, кампании и боевые действия русских войск. 860–1914 гг.

главным оставалось их стремление вернуть себе территории, утерянные в период Северной войны.

Надо отметить, что незадолго до начала боевых действий шведы попытались привлечь на свою сторону население приграничных российских территорий. Об этом убедительно свидетельствует содержание манифеста командующего королевской армией Швеции генерал-аншефа графа Карла Эмиля Левенгаупта, текст которого Финч привел в приложении к своему письму госсекретарю 22 сентября 1741 г. В манифесте Левенгаупт объявлял, что армия короля прибыла в русские пределы «единственно для вознаграждения Швеции за все неправды и ... обиды, которым она подвергалась от иноземного правительства... господствующего в России». При этом граф пытался прикрыть агрессивные цели шведов благородными намерениями — освободить русский народ «от почти невыносимого ига и жестокости», которое правительство долгое время проявляло по отношению к своим подданным, лишая многих людей состояния, а порой и жизни. Усилия шведов, продолжал Левенгаупт, направлены к защите «самого достохвального русского народа», к его освобождению от притеснений и тирании чужеземцев (здесь граф явно намекал на засилье немцев при дворе Анны Иоанновны и ее преемников. — *Т.Л.*), чтобы народ мог «свободно избрать себе законного государя, под властью которого жизнь и имущество русских подданных находились бы в безопасности». Важным для русского народа Левенгаупт считал достижение «доброе соседства» со Швецией, сохранение между народами нерушимой дружбы, невозможной, на его взгляд, пока иностранцы, «руководствуясь личными видами и самовластием, управляют верными подданными русской короны с такой жестокостью и нарушают спокойствие своих соседей и союзников». В заключение манифеста всем русским людям, разделявшим взгляды шведского короля, обещалось покровительство его величества, а также сохранение жизни и имущества¹².

Надо сказать, что подобный прием — стремление привлечь на свою сторону народ страны противника обещаниями избавить его от угнетения собственным правителем — был не нов. Еще в начале XVII в., в период Смуты, когда англичане предпринимали попытки колонизации Русского Севера, они также выражали уверенность в лояльности русского народа по отношению к захватчикам, объясняя это его желанием избавиться от притеснений со стороны своего правительства¹³. Но, как показала история, из этой затеи у «освободи-

---

¹² СИРИО. Т. 91. С. 277–278.

¹³ См.: *Лабутина Т.Л.* Англичане в допетровской России. СПб., 2011. С.108.

телей» ничего не вышло. Бесплезным оказался и манифест шведов, хотя, на взгляд Финча, он должен был бы убедить «притворных маловеров» в правдивости намерения Швеции «подорвать самые корни настоящего правительства»¹⁴.

23 августа 1741 г. между русскими и шведами состоялось первое сражение. Информацию об этом Финч получил от фельдмаршала П.П. Ласси. В своей депеше в Лондон Финч докладывал, что после кровопролитного и упорного боя русские одержали полную победу над значительным шведским корпусом под командованием генерала К. Врангеля. И далее посол подробно описывал это событие. Фельдмаршал имел в своем распоряжении около 14 тыс. человек, у генерала Врангеля было 11 тыс. Шведы находились в более выгодном положении, поскольку справа от них располагалась крепость Вильманstrand, а слева — холм, так что при начале атаки русские гренадеры оказались одновременно под огнем полевых орудий и пушек крепости. Тем не менее, они двинулись «с такой решимостью и храбростью», что выбили шведов с позиции на правом фланге. Хуже обстояло дело на левом крыле, «пока фельдмаршал не помчался к нему лично и не приказал атаковать шведов с фронта, сам же он стал во главе отряда драгун, который ... скрыт был в лесу; с ним ринулся на шведов с фланга, и сломил их совершенно». Остатки шведской армии, продолжал Финч, бросились в крепость, но после двухчасовой обороны вывесили белый флаг. Русские гренадеры ворвались в крепость с оружием в руках. «Шведы, храбро сражавшиеся до этой минуты, — продолжал посол, — перешли к отчаянной самозащите, и с обеих сторон пролито было много крови». Фельдмаршал отдал приказ щадить неприятелей, которые сдавали оружие. Таким образом, подводил итог сражения англичанин, в плен было взято около 2 тыс. чел., включая самого генерала Врангеля, который был тяжело ранен. По информации, добытой Финчем, шведы потеряли в сражении от 7 до 8 тыс. чел., русские — более 3 тысяч¹⁵. Позже посол уточнил сведения о погибших и раненых. Выяснилось, что русские потеряли убитыми 528 чел., ранеными более 1900 чел.; у шведов убито около 2 тыс. чел., захвачено в плен 1600 человек¹⁶.

В одной из депеш Финч рассказал о судьбе пленных шведов, доставленных в Петербург в начале сентября 1741 г. Их привели ко двору, где правительница, великая княгиня Анна Леопольдовна лишь взглянула на них, проходя в придворную церковь через большой зал

---

¹⁴ СИРИО. Т. 91. С. 281.

¹⁵ Там же. С. 256–258.

¹⁶ Там же. С. 263.

дворца. Затем пленных распределили по домам дворян. Примечательно, что высшие чины (подполковник Аменов, граф Вассеборг) были удостоены чести поселиться у графа Остермана и фельдмаршала Ласси. Генерала Врангеля предполагали устроить у обер-гофмаршала графа Левенвольде, Как свидетельствовал Финч, со всеми офицерами обращаются «гуманно и заботливо». «Они охраняются только собственным честным словом, а штаб-офицерам возвращены даже шпаги», Оправившихся от ран офицеров предполагают отправить в другие города, поскольку оставлять их всех в Петербурге, было бы, на взгляд посла, «неосторожно». Многие будут направлены в Москву. Двор снабдил их деньгами под расписку, «в размере, которого они желали, или сообразно с их ближайшими потребностями». Как бы то ни было, заключал Финч, «здешнее правительство намерено обращаться с ними со всем уважением, которого заслуживают храбрые люди в несчастии»¹⁷.

Победа русских, на взгляд Финча, была убедительной, отборная часть шведской армии оказалась разбитой. В Петербурге по случаю победы с адмиралтейства и крепости были произведены выстрелы, а в придворной церкви совершился молебен. Все представители иностранных государств явились ко двору с поздравлениями. А вскоре состоялось чествование героев сражения. Фельдмаршалу П.П. Ласси великая княгиня Анна Леопольдовна пожаловала поместье в Ливонии, стоимостью в 10 тыс. фунтов; генералу Кейту — ежегодный пенсия в 4 тыс. руб.; генералам Бахметову и Штоффелю — добавочное годовое содержание. Штоффель получил также орден св. Александра Невского (Бахметов уже имел этот орден). Тем же орденом наградили генералов Фермора, Альбрейта и Ливена. Всем полковникам, подполковникам и майорам, участвовавшим в сражении, было выдано годовое, а чинам, ниже майора, дополнительное трехмесячное жалованье.

Одержанная победа, однако, не завершила войну. Осенью 1741 г. продолжались отдельные столкновения со шведами отрядов иррегулярных войск (казаков, гусар, драгун) на территории Финляндии. Как отмечал Финч, атаки русских чаще всего оказывались успешными. Между тем он обращал внимание на жестокость, проявленную в сражениях казаками. Ссылаясь на сведения, полученные от фельдмаршала Ласси, Финч упоминал о действиях отряда из 200 гусар и 60 драгун, которые, проникнув в Финляндию, сожгли около 300 деревень (деревней, пояснял посол, называется каждый поселок в одну-две крестьянские избы), перебили всех жителей, не успевших бежать и оказавших малейшее сопротивление, уничтожили фураж и

---

¹⁷ Там же. С. 271–272, 275.

увели весь скот¹⁸. В другой депеше госсекретарю посол рассказывал о вторжении в Финляндию отряда под предводительством казака Ефремова, который опустошил значительную часть неприятельской территории. Казаки «вырезали» 70 человек, захватили 36 пленных, кроме 24 женщин и детей, а также 500 голов рогатого скота, 76 лошадей и значительное число овец. Финч заключал: каков бы ни оказался окончательный результат войны, «бедной Финляндии грозит полное разорение»¹⁹.

В то же время каких-либо серьезных столкновений на русско-финской границе не происходило. Русский двор, как утверждал Финч, считал мир со Швецией решенным и надеялся на скорое примирение. Но все же армия готовилась к новой кампании, о чем посол сообщал госсекретарю 2 февраля 1742 г. Однако освещение событий, связанных с продолжением войны, выпало на долю уже другого британского посла, С. Уича, прибывшего ему на смену.

Сирил Уич (1695–1756) происходил из семьи известных дипломатов. Отец Сирила являлся чрезвычайным посланником в Гамбурге, дед Питер Уич — послом в России и Польше, прадед — послом в Османской империи. Неудивительно, что и Сирил пошел по стопам своих предков. В возрасте 19 лет он был назначен временным поверенным в делах в Гамбурге. В 1725 г. получил пост чрезвычайного посланника в Нижней Саксонии. С 1741 по 1744 г. Уич являлся чрезвычайным посланником и полномочным министром в России.

В своих депешах в Лондон Уич, как и его предшественник, большое внимание уделил освещению событий, связанных с русско-шведской войной. Хотя отдельные набеги иррегулярных отрядов гусар и казаков на приграничные районы в Финляндии еще продолжались, отмечал он, но боевая кампания уже не велась, и после вступления на престол Елизаветы Петровны 25 ноября (6 декабря) 1741 г. военные действия прекратились. Между тем шведская сторона на мирных переговорах на уступки не шла и продолжала настаивать на пересмотре Ништадтского мира, с чем Россия никак не могла согласиться. В результате переговоры были прерваны, и летом 1742 г. война возобновилась. Войска П.П. Ласси общей численностью в 35 тыс. человек перешли в решительное наступление на юге Финляндии. Об этих событиях С. Уич подробно поведал в своих депешах в Лондон.

Как извещал Уич госсекретаря, предложения Швеции об уступке Кегскольма и Выборга с выплатой трех миллионов в качестве компенсации за понесенные издержки, были «с презрением» отвергну-

---

¹⁸ СИРИО. Т. 91. С. 315.

¹⁹ Там же. С. 318–319.

ты императрицей Елизаветой Петровной, и шведы убедились, что русский двор решил возобновить войну. И действительно, судя по сообщению Уича, «русский двор не увлекается разговорами, и приготовления к открытию кампании продолжают с всевозможной поспешностью»²⁰. Посол обещал госсекретарю выслать подробный список русских войск, предназначенных для действий в Финляндии, а также их расположение. Как видно, подобной информацией о русских вооруженных силах он располагал в полном объеме. Этот факт подтверждают и свидетельства Уича о флоте. В Кронштадте, докладывал он госсекретарю, находятся 17 хорошо снабженных кораблей, но которые не могут быть задействованы из-за недостатка в офицерах и матросах. У русских имеется еще 15 больших и малых кораблей в Архангельске с 6 тыс. моряков под командой вице-адмирала Бредаля. В случае, если эти корабли объединятся с кронштадтскими судами, то Россия сможет действовать наступательно на море, также, как на суше. Кроме того, продолжал Уич, русские располагают 130 галерами, которые содержатся в полном порядке. Из них 70 галер смогут спуститься вниз по Неве, как только река вскрыется. Этими галерами «русские могут сильно досаждают соседям», так как в каждой из них три пушки; каждая может принять 200 солдат с офицерами. «С этими силами русские могут совершать большие, неожиданные переходы и вторжения», — заключал Уич²¹.

Спустя неделю Уич, как и обещал, передал госсекретарю сведения о русских войсках. Из всей армии, писал он, выбрано 45 гренадерских рот, в каждой из которых по 150 человек. Все гренадеры «молодец к молодцу», обученные и вооруженные так, «что лучшего обучения и вооружения я нигде в Европе не видывал. Вообще все русские войска в хорошем состоянии», — заключал посол²².

В той же депеше Уич сообщил о манифесте царицы, который распространяли среди жителей герцогства Финляндского. Цель манифеста заключалась в том, чтобы заставить финнов отказаться от шведского подданства и установить у себя новую форму правления, при которой герцогство управлялось бы собственным главой, а это послужит своеобразной преградой между Россией и Швецией. Пока же, оставаясь соединенной со Швецией, Финляндия при всех столкновениях России со шведами всегда будет подвергаться вторжению и служить театром военных действий. Если Финляндия согласится на подобный план, то императрица обещала ее жителям помощь в установлении новой формы правления, а также покровительство и

---

²⁰ СИРИО. Т. 91. С. 454.

²¹ Там же. С. 455.

²² Там же. С. 456.

поддержку «всеми своими силами». Но если финны отвергнут столь выгодное предложение и будут по-прежнему поддерживать шведов в войне, то императрица вынуждена будет «разорить всю страну огнем и мечом». И далее посол добавлял уже от себя: «Насколько слышно, русские, в случае продолжения военных действий, действительно намерены обратить герцогство в пустыню»²³.

Тем временем русские войска продолжали наступление. 29 июня 1743 г., когда русская армия подошла к Фридрихсгаму, шведы подожгли город и отступили. Русские заняли город, в котором нашли около 80 пушек, а также различную амуницию, после чего отправили иррегулярные войска (гусар, казаков, калмыков) в погоню за шведами, отступавшими в большом беспорядке. В результате этого столкновения, как сообщал Уич, шведы понесли потери: около сотни убитыми. Столько же человек было взято в плен.

В депеше от 12 июля Уич сообщал, что русские переправились через реку Кюммене, преследуя отступающих шведов. «При таком ходе дел здешний двор нелегко будет склонить к миру на основаниях Ништадтского договора, — полагал посол, — он будет, вероятно, настаивать на новых границах, способных впредь ... оградить от нападений шведов со стороны Финляндии»²⁴. Хотя императрица и отдала приказ остановить войска на реке Кюммене, объявив ее границей и построив там укрепления, Ласси продолжил кампанию. Об этом Уич узнал из письма, отправленного ему из Петербурга командующим Балтийским флотом графом Н.Ф. Головиным, в котором сообщалось, что русский флот стоит под Гельсингфорсом (Хельсинки), «куда загнал шведский флот», и таким образом русские суда блокируют неприятеля в его собственной гавани. Примечательно, что посол полагал, будто подобную тактику русский флот позаимствовал у англичан²⁵.

Как бы то ни было, но русские войска продолжали успешно наступать. 9 августа 1742 г. Уич сообщал в Лондон, что, по всей вероятности, русские вскоре завладеют всем финляндским княжеством, поскольку шведы почти не сопротивляются и терпят одно поражение за другим «при каждой встрече, при каждой стычке». 11 августа русские подошли к Гельсингфорсу. Шведы, как отмечал Уич, занимали в этой местности очень выгодную позицию, но при приближении русских, сняли лагерь и отступили, оставив на месте часть обоза, амуниции и большой запас сухарей. При отступлении они «силь-

²³ СИРИО. Т. 91. С. 458.

²⁴ Донесения и другие бумаги английских послов, посланников и резидентов при русском дворе с июля 1742 года // СИРИО. Т. 99. С. 16.

²⁵ Там же. С. 24.

но пострадали от русской артиллерии, положившей около двухсот человек шведской гвардии». Эскадра вице-адмирала З.Д. Мишукова блокировала Гельсингфорс с моря. В это же время русский комендант в Кексгольме отправил отряд в 500 человек с несколькими пушками, чтобы атаковать шведское укрепление Нейшлот. Гарнизон в 250 финнов при первом же предложении сдаться сложил оружие, заявив, что не желает вступать в бой с русскими, которые немедленно и заняли укрепление, позволив всем разойтись по домам. Примечательно, что, как отмечал Уич, многие округа Финляндии отправили к фельдмаршалу Леи депутации с заявлением «о покорности и о готовности принести верноподданническую присягу царице»²⁶. Как видно, манифест Елизаветы Петровны оказал свое влияние на жителей Финляндии. 24 августа 1742 г. деморализованная шведская армия капитулировала. На следующий день шведы подписали капитуляцию. Кампания закончилась со славой для русских, свидетельствовал британский посол. Россия теперь владеет всем княжеством Финляндским, а «слава Швеции померкла, дела ее в таком плачевном состоянии, что ... они [шведы] вынуждены будут принять мир на всяких условиях, какие бы русский двор ни предписал им»²⁷.

Успехи русской армии и флота в Москве, где в это время пребывала императрица и ее двор, ознаменовались пушечной стрельбой со стен Кремля. «Дела Швеции очень плохи, и если бы царица чувствовала склонность воспользоваться своим положением и расширить свои владения — она, несомненно, могла бы приобрести всю Финляндию; но Ее Величество, кажется, намерена примириться на условиях более скромных», — свидетельствовал Уич и далее продолжал: «Сомневаюсь, чтобы теперь она согласилась на восстановление условий Ништадтского мира, и полагаю, что она ... будет настаивать на присоединении к России Финляндии по эту сторону Кюмени. Река эта пересекает всю страну и в ней видят необходимый оплот против шведских вторжений в Россию со стороны Финляндии в будущем»²⁸.

Надо отметить, что бесспорный интерес вызывает информация посла о последующих событиях после подписания шведами капитуляции. В своей депеше в Лондон от 6 сентября 1742 г. Уич сообщал, что фельдмаршал Ласси принял у себя командующего шведской армией генерала Бускета с просьбой, чтобы его войскам разрешили сесть на суда с оружием и багажом и возвратиться в Швецию. Финны, желавшие остаться в Финляндии, должны были сложить оружие и

²⁶ Там же. С. 50.

²⁷ Там же. С. 59.

²⁸ Там же. С. 49–50.

разойтись по домам. Вся тяжелая артиллерия, амуниция, находящиеся в Гельсингфорсе, Або, Вазе и других городах, достается русским. Чтобы шведские полки не подверглись на обратном пути нападению или захвату со стороны русского флота, фельдмаршал должен выдать им пропуск, обеспечивающий защиту²⁹. По-видимому, шведы имели все основания рассчитывать на милость победителя.

8 сентября 1742 г. русские войска заняли столицу Финляндии Або. В конце декабря в Петербург прибыли шведские депутаты (граф Бонде, барон Гамильтон и барон Шеффер), чтобы обсудить условия мирных переговоров. Уич сообщал госсекретарю о том, какой нелюбезный прием был им оказан. Депутатов закрыли в домах под охраной двух офицеров и не разрешали ни с кем разговаривать иначе, как в их присутствии. Депутаты привезли с собой два письма: одно было адресовано царице, второе великому князю. Поскольку письмо на имя императрицы было написано по-французски, вопреки обычаям, установленным между русским и шведским дворами, а также замеченным «недочетам» в написании титулов, императрица отказалась принять его и предоставить депутатам аудиенцию.

30 декабря 1742 г. депутатам все же позволили явиться ко двору в качестве частных лиц, но не допустили в царские апартаменты. Они должны были стоять в галерее, через которую императрица проходила в зал, где играла в карты. Уич в это время находился поблизости от Елизаветы Петровны и следовал за ней из ее апартаментов. Он свидетельствовал: когда императрица проходила по галерее, шведские депутаты стояли там, в толпе из 200 или 300 лиц «всякого звания», и поцеловали руку императрицы, не сказав ни слова. Государыня села за карты, партию ей составил Уич. «Мы играли уже с полчаса, когда шведские депутаты вошли в комнаты ... но ее величество не сказала ни слова, ни Шефферу, ни Гамильтону», — свидетельствовал посол³⁰.

Шведским депутатам пришлось разговаривать с министрами. Они настаивали, чтобы переговоры о мире велись без вмешательства какой-либо третьей стороны. Уич полагал, что русский двор при первой возможности отправит депутатов обратно в Швецию, а разговоры о мире отложит до встречи уполномоченных России и Швеции, как было установлено на конгрессе в Або. Британский посол оказался прав: 4 января 1743 г. шведские депутаты были приглашены на обед к вице-канцлеру, который должен был передать им паспорта для возвращения в Швецию. При отъезде им вручили в качестве подарка 5 тыс. руб., а также оплатили их проживание.

---

²⁹ Там же. С. 59.

³⁰ Там же. С. 203.

3 февраля 1743 г. в Або начались переговоры о мире. Россию представляли генерал-аншеф А.И. Румянцев и полный генерал-инженер И.Л. Люберас. Шведскую сторону представляли барон Г. Седеркрейц и бывший посол Швеции в России Эрик фон Нолькен. Императрица известила шведскую сторону об ограничении своих требований в случае, если наследником престола Швеции будет объявлен князь епископ Любекский Адольф Фредрик. Переговоры затянулись. Серьезные разногласия возникли по вопросу о Финляндии. Как отмечал Уич, ряд сенаторов, в числе которых князь Долгорукий, князь Трубецкой, фельдмаршал Ласси, адмирал Головин, князь Куракин и другие, «стоят за удержание всей Финляндии» или, по крайней мере, большей ее части, и считают необходимым «удовлетворить самолюбие русского народа» и настаивают на новых границах.

Пока шведы отвергали предложения русской стороны, в России начались приготовления к началу новой военной кампании. 20 тыс. человек были готовы к посадке на галеры. 15 линейных кораблей, несколько фрегатов, бомбардирских судов и брандеров ожидали приказа в Кронштадте. 31 мая отряд Ласси на 36 галерах двинулся вдоль финского побережья для поддержки войск, расположенных в Финляндии. Гребную флотилию прикрывала русская эскадра из 15 линейных кораблей под командой адмирала графа Н.Ф. Головина. 20 мая авангард гребных кораблей из 21 галеры и 2 прам, под началом генерала Я.В. Кейта нанес поражение шведской гребной флотилии. В июне русская гребная эскадра, увеличенная до 57 галер, продолжила поход вдоль финского побережья и по пути получила известие о заключении 18 августа Абоского мира. Обмен ратификациями состоялся 7 сентября 1743 г.

Рассуждая о сложившейся ситуации накануне заключения мирного договора, Уич высказывал предположение, что шведы не могли забыть того, что произошло в 1715 г., и сколько городов, замков, дворянских поместий, поселков, медных и железных рудников было сожжено в то время русскими войсками. Естественно, что они опасались вновь подвергнуться подобному разорению, и вынуждены будут согласиться заключить мир на условиях российской стороны. К тому же, считал Уич, эти условия должны быть признаны умеренными, поскольку войну начали шведы, и царица, «чтобы удовлетворить народ, не может не настаивать на новой границе для защиты своих владений от внезапного вторжения со стороны Финляндии»³¹.

По условиям Абоского мира России отходила территория в 226 кв. миль, в том числе Кюменигордская губерния с крепостью

---

³¹ Там же. С. 336.

Нейшлот и городами Фридрихстан и Вильманstrand. Эти территориальные приобретения позволили России укрепить северо-западную границу и отодвинуть ее от столицы. Было выполнено также требование Елизаветы Петровны об избрании наследником престола ее ставленника епископа Любекского. По условиям договора Швеция вновь подтвердила согласие признать территории, отошедшие к России согласно условиям Ништадтского мира. В целом Або-ский договор позволил закрепить положение России на Балтийском море.

В то же время, как отмечали российские историки, несмотря на значительные военные успехи, «территориальные приобретения России (Кюменегорская провинция и часть Саволакской провинции) были весьма скромными». Тем не менее, эти уступки со стороны России явились «верным и достаточно дальновидным шагом». Уже осенью 1743 г. Швеция, опасавшаяся нападения Дании и роста крестьянских волнений в своей стране, подписала с Россией декларацию о военной помощи³². Тем самым была не только достигнута стабильность в русско-шведских отношениях, но и сорваны планы Франции, стремившейся оказывать влияние на внешнюю политику России.

Весть о подписании мира со Швецией достигла Петербурга 3 июля, и в 7 часов утра была отмечена пушечной стрельбой. Уич не преминул сообщить об увиденном госсекретарю. В 10 часов утра императрица в сопровождении великого князя торжественно прибыла в Казанский собор к обедне, после которой раздались три пушечных залпа у дворца и у адмиралтейства, а три гвардейских полка, выстроенные перед церковью, стреляли беглым огнем. Затем Елизавета Петровна возвратилась в Летний дворец, где все представители иностранных держав поздравляли ее. «После полудня ко двору являлось с поздравлениями государыне множество высоких особ обоего пола. Вечер завершился иллюминацией города»³³.

При царском дворе начались торжества, посвященные заключению мира, которые продолжались не один день и завершились великолепным фейерверком. Но всё, что происходило в Петербурге, как писал Уич, составляло только первую часть празднеств по поводу мира. «Вторая — лучшая часть их предстоит в Москве. Там же объявлены будут производства, розданы почетные награды, объявлена ... амнистия»³⁴.

³² История внешней политики России. XVIII век (От Северной войны до войны России против Наполеона). М., 1998. С. 91.

³³ СИРИО. Т. 99. С. 369–370.

³⁴ Там же. С. 411–412.

Итак, как показал анализ свидетельств британских послов о русско-шведской войне, их информация была во многом достоверна, поскольку была получена, что называется, из первых рук, прежде всего от высших чинов русской армии. Оба посла признали смелость и героизм русских воинов, проявленных в боях с противником, а также гуманное обращение с пленными шведскими офицерами. В то же время дипломаты обратили внимание на проявление жестокости со стороны отдельных частей иррегулярных войск, участвовавших в рейдах по Финляндии. Из депеш послов выяснилась также позиция, занятая рядом стран в отношении конфликта России и Швеции: враждебная со стороны Франции и в целом благожелательная со стороны официального Лондона, не желавшего портить отношений с русским двором в преддверии заключения союзного договора. Представленные британскими послами факты о русско-шведской войне, с которыми до сего дня не были знакомы наши современники, бесспорно, дополняют историю данного события.

References

Istoriya vneshney politiki Rossii. XVIII vek (Ot Severnoy voyny do voyny Rossii protiv Napoleona) [History of Russia's Foreign Policy. Eighteenth Century (From the Northern War to the War of Russia against Napoleon)]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1998. 304 p.

Labutina T.L. *Anglichane v dopetrovskoy Rossii* [Englishmen in Pre-Petrine Russia]. Saint Petersburg: Aleteia, 2011. 268 p.

Pokhlebkin V.V. *Vneshnyaya politika Rusi, Rossii i SSSR za 1000 let v imenakh, datakh, faktakh* [Foreign Policy of Rus', Russia and the USSR in the Course of 1000 Years: Names, Dates, Facts]. Issue 2. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1998. 781 p.

Shefov N.A. *Samyye znamenityye voyny i bitvy Rossii* [The Most Notworthy Wars and Battles of Russia]. Moscow: Veche, 2000. 526 p.

Shpilevskaya N.S. *Opisaniye voyny mezhdu Rossiyey i Shvetsiyey v Finlyandii v 1741, 1742 i 1743 godakh* [Description of the War between Russia and Sweden Waged in Finland in 1741, 1742 and 1743]. Saint Petersburg: Tipografiya Ya. Treya, 1859. 275 p.

Поступила в редакцию
6 декабря 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-3-58-84

Е.В. Долгих

**К ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ:
СКЛАДЫВАНИЕ РУССКОЙ ТРАКТИРНОЙ КУХНИ**

E. V. Dolgikh

**ON THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE:
THE FORMATION OF RUSSIAN TAVERN CUISINE**

Аннотация. Статья посвящена истории формирования меню заведений российского общественного питания XIX — начала XX в. Заведения, где главную роль играла еда, возникают в XVI–XVII вв.: харчевни, блинни. На основании доступных источников этого времени обозначаются основные принципы кулинарии: хлебный характер кухни, связь всех блюд и основных напитков с крупой или мукой. Существовали важные пищевые запреты (помимо постов): запрет на употребление в пищу крови; мяса, добытого животными; мяса телят, коз, голубей, медведя и т.д. В силу этих запретов в средневековой русской кухне не употреблялось мелко нарезанное сырое мясо (фарш), соответственно не было колбас и паштетов. По материалам археологических исследований восстанавливается соотношение основных элементов в питании средневековых горожан, выявляется, насколько позволяют источники, технологии приготовления блюд. Особое внимание автор обращает на эволюцию печей и очагов, постепенное складывание конструкции русской духовой печи (на рубеже XV–XVI вв.). Прослеживаются новации конца XVII–XVIII в. и то, как в XVIII в. инновационный процесс интенсифицируется и касается как оборудования кухни, так и новых способов изготовления масла, сметаны, соусов и т.д. Кратко рассматривается эволюция кулинарных книг XVIII в. от становления жанра (примерно 1730-е гг.) до создания обобщающих компиляций 1790-х гг., анализируется их лексика и структура. Примечательно, что их авторами являлись не повара, а чиновники-переводчики, ищущие литературный заработок. Автор высказывает предположение о существовании рукописного свода рецептов

Долгих Елена Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории культуры исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Dolgikh Elena Valerievna, PhD Candidate in History, Senior Research Fellow, Laboratory of Cultural History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

alenadolgih@yandex.ru

ORCID 0009-0005-4910-2926

русской традиционной кухни, известного составителям кулинарных компиляций XVIII в. В центре внимания — процесс адаптации новых блюд, напитков, продуктов и особая роль заведений общественного питания (харчевен, трактиров, гербергов) в этом процессе. На примере чаепития выявляется путь превращения ранее неизвестных блюд в привычные и распространенные, ставшие к середине XIX в. атрибутами традиционной трактирной кухни.

Ключевые слова: история повседневности, история общественного питания, история кулинарии, пищевые запреты, кулинарные книги, чаепитие в России.

Abstract. The article examines the history of menu formation in the Russian public eating establishments in the 19th and early 20th centuries. Taverns and pancake houses appeared in the 16th and 17th centuries. The main principles of cookery (its bread character, the use of grits or flour in all dishes and main drinks) are outlined on the basis of available sources of that time. There were important food bans (besides fasts): to eat blood, animal prey, calves, goats, pigeons, bears, etc. Due to these prohibitions medieval Russian cuisine did not use finely chopped raw meat (minced meat), respectively, there were no sausages and pates. The materials of archaeological research allow to determine the ratio of the main elements in the diet of medieval urban dwellers and cooking technology. The author pays special attention to the evolution of stoves and hearths, the gradual development of the construction of the Russian oven at the turn of the 15th and 16th centuries. She traces the innovations of the late 17th and 18th centuries, reveals the intensification of the innovation process in the 18th century and its influence on both kitchen equipment and new ways of making butter, sour cream, sauces, etc. The article briefly deals with the evolution of 18th-century cookbooks from the formation of the genre (ca. the 1730s) to the generalized compilations of the 1790s and examines their vocabulary and structure. It is noteworthy that their authors were not cooks, but officials-translators looking for literary work. The author suggests the existence of a handwritten collection of recipes for the traditional Russian cuisine, known to the compilers of culinary compilations in the 18th century. She focuses on the adaptation of new dishes, drinks, foods, and the special role of eating establishments (eateries, taverns, herbergs) in this process. Through the example of tea-drinking the author demonstrates the way of transformation of the earlier unknown dishes into the customary and widespread ones, which became the attributes of traditional tavern cuisines by the middle of the 19th century.

Keywords: history of everyday life, history of eating establishments, history of cookery, food bans, cookbooks, tea-drinking in Russia.

* * *

В одном из очерков В.А. Гиляровского есть яркая сценка: московский купеческий сын «еще двадцатилетним малым, сперва ходил в картузе и поддевке, по-купечески, раза три со стариком Рошфором ездил в Париж за “модьем”, но после третьей поездки,

продолжавшейся около двух месяцев, ... вместо “Ванятки” в картузе, бородатый, в долгополом сюртуке родитель своего единственного сына увидал франтом, одетым по последней моде и причесанным а ля Капуль, в желтых перчатках и цилиндре. А когда отец по обыкновению повел его завтракать в “Дыру” под Бубновским трактиром, то сынок предложил отправиться наверх в парадные бубновские залы и там, призвав хозяина, стал ему заказывать такие блюда, что тот глаза вытаращил, а отец рассердился, сказал ему: “Лопай сам”, — и ушел в “Дыру” хлебать солянку из осетрины и есть битки в сметане¹.

Конечно, сам автор при этой сцене не присутствовал, но сочность языка превращает описанное в убедительное повествование. И здесь меню бубновского «низка» предстаёт квинтэссенцией русской трактирной кухни. Более того, упомянутые кушанья расцениваются как старинные и исконные, намного старше своих «собратьев» из парадных залов. Подобные рассуждения стали аксиомой для людей второй половины XIX в. и рубежа веков, в том числе и для профессиональных поваров.

Между тем словари русского языка XI–XVII и XVIII вв. не знают слова «битки». Вероятно, отбивание мяса в кухне XVI–XVII вв. вообще не применялось; чаще всего в перечнях кушаний встречается «горох битой». Более того, насколько можно судить по перечислениям блюд XVI–XVII вв., сметану не использовали как соус. Она была исходным продуктом для приготовления и сыров, и масла (накопленную сметану перетапливали в печи), а для этого требовался большой объем продукта. Она не упомянута в царских кушаньях 1610–1613 гг.², хотя царское хозяйство могло располагать большим стадом коров. Кроме того, из средневековых текстов неясно, как поварская традиция относилась к смешению мясных и молочных продуктов³. Впрочем, нам не встретились и варианты рыбы в сметане.

¹ Гиляровский, по его замечанию, помнил Ивана Емельянова-младшего с 1876 г. Тогда Ивану было 20–21 год. Торговля мануфактурным товаром под фирмой «И. Емельянов и В. Рошфор» велась на Чижовском подворье. Преображение Ванятки случилось, видимо, в конце 1870-х гг. К 1888 г., ко времени переезда писателя в Москву, Иван Иванович уже лишился своей доли в торговле и стал играть своеобразную роль гастрономического арбитра в лучших ресторанах (см.: *Гиляровский В.А. Друзья и встречи*. Ч. 1. М., 1934. С. 103–104; *Справочная книга о лицах, получивших ... купеческие и промысловые свидетельства по г. Москве ... на 1869 год*. М., 1869. С. 37; ... на 1879 г. М., 1879. С. 44).

² Роспись царским кушаньям. 1610–1613 гг. // *Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссиею*. Т. 2. СПб., 1841. № 356. С. 426–438.

³ Единственное прямое указание на такое смешение относится к бараньим субпродуктам: «легкое, молочкомъ с мукою съ яички приболтав, нальет» (Домострой. Гл. 42. «...Коли что купить, у кого сель нет, и всякой домашней обиходъ, и лѣте, и зимѣ, и как запасати в год и дома животины водити всякая, и ества, и питье

Всё это заставляет пересмотреть простое соотношение низовой и «парадной» кулинарии.

Прежде всего, в средние века приготовление кушаний на большое количество разных едоков являлось свойством дворцовой и монастырской кухни. Постоялые дворы предоставляли путешественникам кров и ночлег, а не питание; иногда еду можно было заказать у хозяина за особую плату. Заведения, где главную роль играла стряпня, а не распитие алкоголя разной крепости, возникают в Европе и в Московской Руси в XVI–XVII вв. Примерно в 1620-е гг. появляется термин «харчевники» и «харчевные избы». Само слово «харч» приобрело в русском языке смысл «продовольствие, на которое надо расходоваться»⁴. Харчевни и блинни в разных городах могли существовать и в совместном владении, причем хозяевами могли быть не только посадские люди и их жены (и вдовы), но и посадские общины, а также служилые люди (часто это была привилегия, заменявшая денежное жалование)⁵. Количество лавок зависело не только от размеров города, но и от состава населения, интенсивности дальнего товарообмена, наличия административных властей.

А вот чем торговали подобные заведения, выяснить сложнее. Документы редко поясняют состав блюд харчевенного промысла. Гораздо чаще писцы ограничивались перечислением оброчных мест пирожников (т.е. пекарей любых пирогов), квасников, блинников, квашенинников (квашениной называли студень), прянишников. «Среди площади шалаши, а сидят в них с рыбою с вареною и с пироги с пряжеными [жаренными] и с кисели [блюдо наподобие студня]»⁶, — эта запись казанской писцовой книги за 1565 г. представляет собой наиболее подробное описание меню, доступного горожанам. В дозволении 1592 г. владимирским стрельцам значилось: «...хлеб и калачи печь и квас и ботвинью держать и торговать рубли

держати всегды (Домострой // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева и др. Т. 10: XVI век. Подгот. текста, перевод и комм. В. В. Колесова. СПб., 2000. Электронная библиотека ИРЛИ РАН: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5145> (дата обращения 14.02.2023). Дальнейшие ссылки на «Домострой» приводятся по этой публикации.

⁴ Такое употребление отмечается уже с XV в., с «Хожения» Афанасия Никитина. В народной речи это значение сохраняется в середине XIX в. и зафиксировано в словаре В.И. Даля.

⁵ Раздорский А.И. Торгово-промышленные объекты Белгорода в XVII веке (по материалам городских оброчных книг и приходо-расходных книг Разрядного приказа) // Белгородская черта. Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты / Редколл.: В.М. Жигалов и др. Белгород, 2017. С. 71; Булгаков М.Б. Пищевые промыслы и торговля продуктами питания в русском городе в XVII в. // Проблемы исторической географии и демографии России. Вып. I. М., 2007. С. 120.

⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 21. М., 1995. С. 25.

на два и на три...»⁷. Ботвинья различалась по ингредиентам: «ботвинье свекленное» — со свеклой, «борщовая ботвинья» — со съедобным борщевиком. Англичанин Ричард Джеймс так описал холмогорскую ботвинью 1618–1619 гг.: «род каши или смеси из отварной свеклы и лука» (*botfinia, a kinde of porridge or hodgpodg made of boild beets and onions*)⁸. Харчевня посадского человека белозерца Петра Божедомова по росписи 1679 г. предлагала: калачи, пироги, квашни напеченного хлеба, муку, крупу, квас, пиво, вино (возможно, он незаконно торговал пивом и вином), хмель, солод, окорока свиные, мясо говяжье, студни говяжьи и бараньи, головы и легкие бараньи, яйца, масло коровье, рыбу свежую и соленую; там имелись сковородки, тазы, ставцы, ковши, утки, блюда, ложки и т.д.⁹

Для более полного представления о возможных кушаньях общепита XVI–XVII вв. придется привлечь данные археологии, этнографии, перечни блюд царской, патриаршей и монастырской кухни. При этом необходимо учитывать, что за два века продукты и способы их готовки не оставались неизменными, часто сохраняя прежние названия.

Естественно, существовали региональные варианты блюд, тесно связанные с природными условиями и возможностями обмена. Но некоторые черты кулинарии были общими. Главное — это зерновой, «хлебный» характер как хозяйства, так и стола. Каши (на воде)¹⁰ готовились из всех видов круп. С отваривания цельных или дробленых зерен начиналась кулинария большинства народов. Каши могли быть жидкие, с добавлением других ингредиентов: «челядь кормити по вся дни: <...> каша с ветчиною житкая, а игда густая с саломъ, переменяя часто»¹¹. Нередко упоминаются каши с растительным маслом — «соком», например «каша тертая с соком»¹². При этом «сок»

---

⁷ Это право им давалось вместо денежного жалованья (см.: Булгаков М.Б. Указ. соч. С. 120).

⁸ Ларин Б.А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002. С. 243.

⁹ Харчевня была оценена и «отписана на государя» за кабацкие недоимки (в 1678 г. хозяин был кабацким целовальником и «учинил недобор денег»), в связи с чем и составлена роспись (Булгаков М.Б. Указ. соч. С. 119–120).

¹⁰ Молочные каши — явление не столь частое. «Каша молочна гречнева» готовилась в крупных монастырях, а также на царской кухне: «А приказные ѣствы <...> Въ кашу въ молочную 3 чюмича [половника] крупъ гречневыхъ, да въ кашу же и въ молочко топлёное полведра молока прѣсного, 5 яицъ» (Указы о трапезах Троицкого Сергиева и Тихвинского монастырей. 1590 г. № 155 // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. I. СПб., 1846. № 155. С. 221. Роспись царским кушаньям. С. 428).

¹¹ Домострой. Гл. 51.

¹² Указы о трапезах Троицкого Сергиева и Тихвинского монастырей. С. 216.

мог быть конопляным, ореховым, маковым, — но в средневековых перечнях кушаний обычно не уточнялось, какой именно. Крутая каша часто именовалась «гущей» («гусчей») ¹³, и в этом смысле упоминается в источниках XVI–XVII вв. Еще один древний прием использования зерновых — замешивание муки в воде или в иной жидкости ¹⁴. Таким блюдом изначально был кисель. Это несладкое блюдо консистенции студня — одно из старейших блюд русской кухни: кисели упомянуты в летописях под IX–X вв. ¹⁵ Приготавливались они из овсяной, гречневой, пшеничной или гороховой муки, которая заваривалась кипятком. Кисель мог употребляться и горячим, но чаще холодным; монастырские источники упоминают «кисель холодной с соком» ¹⁶, «кисель с молоком» ¹⁷. Кисели оставались обычной частью повседневной кухни. В среде старообрядцев сохранялся поминальный кисель: из пшеничной или гречневой муки, заваренной кипятком в чугуне, нарезанный кубиками и залитый медовой сытой; в 1930-е гг. в некоторых селах стали использовать покупной крахмал ¹⁸. В некоторых сообществах старообрядцев такие кисели готовят и сейчас ¹⁹.

Пироги — это оптимальное кушанье с разнообразными начинками, различных форм, способов приготовления и употребления. Само слово известно по крайней мере с XII в. ²⁰ Для повсеместного бытования пирогов важным фактором была возможность жарить, а не печь, — для этого можно было использовать любую плиту и любое топливо.

С хлебным характером русской кухни связано даже такое блюдо, как бытовавшие во множестве локальных и социальных вариантов щи (в источниках называются «шти», и такое произношение закрепилось в некоторых диалектах). В первоначальном варианте

---

¹³ *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.* Вып. 4. СПб., 2011; *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 4. М., 1977. С. 162.

¹⁴ *Липинская В. А.* Адаптивно-адаптационные вопросы в народной культуре питания русских // *Традиционная пища как выражение этнического самосознания.* М., 2001. С. 18.

¹⁵ *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 7. М., 1980. С. 137.

¹⁶ *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 26. М., 2002. С. 118.

¹⁷ Указы о трапезах Троицкого Сергиева и Тихвинского монастырей. 1590 г. С. 221–223.

¹⁸ *Савостьянова О. П.* Традиционная культура питания крестьян-старообрядцев Нагатинской волости Московского уезда (конец XIX в. — 1940-е гг.) // *Этнографическое обозрение.* 2014. № 6. С. 161.

¹⁹ Автор благодарит В. П. Богданова за сообщенную информацию.

²⁰ «Даются пирожи мнихом» (*Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 15. М., 1989. С. 49).

щи представляли собой кислое питье на мучной основе²¹. Память об этом сохранилась в названии одного из видов кваса — «кислых щей», которые изготовлялись под таким наименованием и в XIX в. (в отличие от прочих разновидностей кваса «кислые шти» были шипучим напитком с ярко-кислым вкусом). Невозможно установить, когда в упомянутое питье стали добавлять капусту, однако по этнографическим свидетельствам в разных местностях России щи готовили либо с мучной заправкой, либо с разными видами крупы («толстые щи»)²². Средневековые источники в большинстве своем не описывают способ приготовления щей, обозначая по доминирующему продукту: «шти борщовы», «шти капустны», «шти репняны»; обычно имелись в виду квашенные продукты. Вот чуть более развернутое описание трапезы в Волоколамском монастыре XVI в.: «А въ трапезѣ въ недѣлю: хлѣбъ ясти кладуть, да во штяхъ бѣлая капуста, или борщ, или кислица [в данном случае — щавель] съ чеснокомъ ... да ко штямъ по два яйца на брата»²³. Если же речь шла о свежих ингредиентах, то это обязательно оговаривалось. «На блюдо, лытка [голень] ветчины во штѣхъ, а на шти кочень капусты свѣжие бѣлые»²⁴, — таково описание царских щей.

Видимо, именно со щами городское население употребляло говядину²⁵.

Борщовые щи дали название другому известнейшему супу — борщу, при этом опять-таки нельзя с точностью сказать, когда именно главным его атрибутом стала свекла²⁶. Для «борщовых штей» ос-

²¹ *Липинская В.А.* Адаптивно-адаптационные вопросы... С. 20.

²² Там же.

²³ *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков.* Вып. 1. СПб., 2004.

²⁴ *Роспись царским кушаньям.* С. 428.

²⁵ По археологическим данным, в русских городах XIII–XV вв. превалировала белковая пища, причем ее основу составляла говядина, свинину ели меньше (средневековые свиньи были мелкими), редкие индивиды регулярно ели речную рыбу. Домашняя птица была мелкой, ее использовали для получения яиц и пера (см.: *Антипина Е.Е., Яворская Л.В.* Проблемы, вопросы и основные результаты изучения остеологических материалов из раскопок 2016 года на территории Московского кремля // *Краткие сообщения Института археологии.* 2018. № 252. С. 302; *Энговатова А.В., Добровольская М.В., Антипина Е.Е., Зайцева Г.И.* Коллективные захоронения в Ярославле. Реконструкция системы питания на основе результатов изотопного анализа // *Краткие сообщения Института археологии.* 2013. № 228. С. 96–115).

²⁶ Свекла называлась также «ботвинье», т.к. ее ботва использовалась для приготовления пищи. Однако и любая другая зелень корнеплодов могла обозначаться тем же словом. Поэтому не всегда возможно определить, о каком блюде идет речь: «ботвинье свекленое» готовилось в монастырях XVI в. Чаще употреблялось просто в списках без пояснений: «А у вужину копуста, росоль, ботьвинья, толокно». В XVIII в. появляется «борщовая ботвинья». Видимо, блюда из ботвы или/и из све-

новным ингредиентом был съедобный вид борщовника; его листья собирали, рубили, отваривали и солили на зиму, подобно капусте²⁷. Домострой велел специально высевать борщовник в огородах вдоль тына, резать и сушить впрок²⁸. В записной книжке 1618–1619 гг. англичанина Ричарда Джеймса, два года прожившего в Старых Холмогорах, есть замечание: “boursch” — «трава, которую собирают в начале лета и варят, очень вкусное кушанье»²⁹.

С хлебом связан и базовый уникальный напиток — квас. Он упомянут в «Повести временных лет» под 996 г.³⁰ Разумеется, приготовление напитка с годами менялось и насчитывало множество вариантов. Разной была и крепость кваса. Тем не менее, он не считался опьяняющим напитком и не регламентировался государством, как хмельной мёд, пиво и позже дистилляты; не было ограничений на его изготовление. К XVI в. различались разные виды по сладости: «держати квасы сладкие и черствые и выкислые, кто какова требует»³¹; «в квасы ставить яблока и груши»³². «Квас варится из ржи или ячменя, и пьют его вместо воды, так как во всей этой стране вообще не имеют обыкновения пить воду, разве только по нужде, вследствие чего число больных у них невелико. Мы под конец привыкли пить квас, потому что он холоден и питателен. Московиты, обыкновенно, им завтракают, как будто это вино или превосходный напиток. Наконец мы привыкли к нему, и я его очень полюбил, ибо он весьма вкусен, освежает нутро, питателен и оставляет в глотке приятный вкус», — сообщал Павел Алеппский³³.

клы существовали в разных локальных вариантах (см.: Указы о трапезах Троицкого Сергиева и Тихвинского монастырей. С. 227); Домострой. Гл. 45; Словарь русского языка XVIII в. Т. 1. Л., 1984.

²⁷ *Литинская В.А.* Адаптивно-адаптационные вопросы... С. 33.

²⁸ Домострой. Гл. 45.

²⁹ “a herbe, which in the first of sommer they gather and boile it, which is verie good meate” (*Ларин Б.А.* Указ. соч. С. 305).

³⁰ «Си слышавъ, повелѣь нищю всяку и убогу приходити на дворъ на княжь и взимати всяку потребу: питье и яденъе, и от скотъничъ кунами. Устрои же се: рек, яко “Немощнии, болнии не могут дойти двора моего”, повеле устрои кола и, въскладываше хлѣбы, мяса, рыбы и овоць разноличный и медь въ бочках, а въ другыхъ квасы, возити по градомъ, въпрашающе: “Кде болнии, нищии, не могут ходити?” И тѣмъ раздаваху на потребу. [...] И бываше на обѣдѣ томъ множество от мясь, и от скота и от звѣрины, и бяше же изобилъю всего» (Повесть временных лет / Подгот. текста, пер. и комм. О. В. Творогова / Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева и др. Т. 1: XI–XII век. СПб., 1997).

³¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. С. 130.

³² Домострой. Гл. 45.

³³ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским // Чтения в обществе истории и древностей российских. Кн. 3 (186). М., 1898. С. 123.

Технология приготовления блюд в средневековых документах отражается лишь косвенно. Наиболее известный источник — «Домострой» середины XVI в.³⁴ Но это не поваренная книга, а свод поучений, рисующий обобщенный образец устройства элитарного быта. Поэтому она дает не точные указания по приготовлению кушаний, а общий подход к ним. Вот, в частности, текст, где описываются простонародные «ествы»³⁵: «Наказ от государя повару и ключнику или от государыни, варить на семью челяди или нишимъ [нищим] скоромную и постную еству: капусту или натину [ботву], или крошиво [рубленная капуста] — иссѣчено мѣлко, и вымыть хорошо, и уварить, и упарити горазно, в скоромные дни мяса или ветчина, или сальца ветчинного положить, забелки поддать да припарить, а в постъ сочкомъ залить или иной какой навары прибавить да упарить; хорошо или заспицы [крупы] подсыпать да с солью и с кислы штями приварить, а кашку всякую по тому же уварить и упарить хорошо с саломъ или с масломъ, или селедовую, или с сокомъ, и всякую семейную еству хорошенько устряпати, и хлѣбы семейные тако ж мѣсити и уквасити, и вывалять хорошо и выпечь, и пирошки семѣиные по тому же. И всякую еству хорошенко и чисьтенько устряпать, какъ своя душа любит <...>»³⁶.

Первая часть этого наказа, похоже, описывает приготовление щей (скоромных и постных), как самого простого, универсального и доступного кушанья. Вторая часть говорит о кашах, хлебах и пирогах, таким образом перечисляя базовые «ествы» широких слоев населения. Не очень ясно, кислые шти здесь — второй вариант заправки или второй этап приготовления того же кушанья. Обычно в этом отрывке «забелку» переводят как «сметанку», однако «Словарь русского языка XI–XVII вв.» рекомендует считать ее заправкой из молока, сметаны или муки. В «Домострое» «забелка» упоминается единожды («сметана» — единожды, «забела» — дважды) и именно в ходе стряпни («сметана» и «забела» упомянуты как продукты для запасливого хранения). Итак, в качестве соусов используются кислый газированный квас, растительное масло, «взвары» и «навары». Есть и более интересные свидетельства. Англичанин, опубликовавший в 1696 г. «Русскую грамматику», отметил, что некоторые ягоды, «сва-

---

³⁴ Как приложение к Домострою часто рассматривается «Книга во весь годъ въ столъ ѣствы подавать», опубликованная И.Е. Забелиным по рукописям XVII в. Она содержит тексты, близкие к собственно кулинарным рецептам (Временник МОИДР. М., 1850. Кн. 6, отд. II. С. 1–30, 31–39).

³⁵ «какъ своя душа любит, такъ служокъ и нищих кормити, ино то Богу в честь, а себѣ во спасение», т.е. «служек и нищих кормить, как себя» (Домострой. Гл. 51).

³⁶ Домострой. Гл. 51.

рив с сахаром, подают на стол к жареному мясу как подливку»³⁷. Его соотечественник, живший два года в Холмогорах, упоминал даже специальную посуду для соусов — “sacerka, a saulcer”³⁸.

Говоря о развитии средневековой кулинарии, надо учитывать ограничения, которые вносили в кулинарную традицию различные пищевые запреты. И здесь важны не только чередования постных и скоромных дней. Эти запреты имели разные источники: прямые церковные воспрещения, народные представления о благочестии и, вероятно, дохристианские табу.

Не употребляли телятину, конину, козлятину (что подтверждается археологическими находками костей). Не ели мясо медведя и кабана, осуждалось уничтожение «божьего вестника» — голубя, в народе не одобрялась охота на лебедей, живущих парными семьями, как и люди³⁹.

Запрет на употребление в пищу крови животных известен с «Ответов Иакову черноризцу» митрополита Иоанна (XI в.). Из этого положения вытекали и строгие ограничения в охоте: пойманные зайцы и птицы должны были быть заколоты и кровь должна полностью стечь; естественно, не дозволялось есть удушенное (например, птиц и зайцев, запутывавшихся в силках) и звероядину (в том числе добычу охотничьих собак)⁴⁰.

Однако запрет на употребление крови определил и более важную черту традиционной кухни: полное отсутствие кровяных колбас и сырых мясных фаршей в русской кухне до конца XVII в. (хотя само слово «колбаса» было хорошо известно и употреблялось уже в XIII в., например, в Новгородской кормчей 1280 г.⁴¹). Более того, мелко рубить и перемешивать было обычным приготовлением овощей, но никак не мяса. Из этого правила было единственное исключение — «тельное». Готовилось оно только из рыбы: «Выбирают из нее все

---

³⁷ Генрих Вильгельм Лудольф называет «грозицу» (скорее всего, от слова «гроздь»), — такого наименования ягод нет ни в книжном языке, ни в поздних диалектах. Причем он говорит о ягодах, «растущих прямо на земле», таких, как клюква и брусника (брусница). Точно определить, что же это был за соус, невозможно (см.: *Лутвинова И.С.* Названия продуктов питания и кушаний в записях иностранцев XVI–XVII столетий // *Русская историческая лексикология и лексикография*. Вып. 4. Л., 1998. С. 123).

³⁸ *Словарь-дневник Ричарда Джеймса (1618–1619 гг.)* // *Ларин Б.А.* Указ. соч. С. 289.

³⁹ *Литинская В.А.* Пища (XII–XX века) // *Русские*. Серия «Народы и культуры». Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской АН. М., 2003. С. 361.

⁴⁰ *Арицховский А.В.* Пища и утварь // *Очерки русской культуры XIII–XV веков*. Ч. 1. Материальная культура. М., 1969. С. 301–302.

⁴¹ *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 7. С. 231–232.

кости и бьют ее в ступках, пока она не сделается как тесто, потом начиняют луком и шафраном в избытии, кладут в деревянные формы в виде барашков и гусей и жарят в постном масле на очень глубоких, вроде колодцев, противнях, чтобы она прожарилась насквозь, подают и нарезают наподобие кусков курдюка. Вкус ее превосходный: кто не знает, примет за настоящее ягнячье мясо»⁴².

В развитии кулинарии определяющую роль играют очаги и печи. Однако их эволюцию проследить непросто. На территории русских княжеств в XIII–XIV вв. каменки и полусферические глинобитные печи постепенно вытесняются глинобитными сводчатыми печами с плоским подом на «опечке»⁴³. Вероятно, на рубеже XV–XVI вв. печь получила форму куба⁴⁴, при этом отверстие топки служит и для выхода дыма, и для приготовления еды⁴⁵. Априори можно предположить, что истопка по-черному и по-белому допускает разные технологии приготовления кушаний. В городах, скорее всего, совершенствование устройств для отопления и готовки пошло путем разделения функций: приготовление еды выносится в специальную поварню, где помимо духовой печи используются и другие приспособления — вертел, открытый очаг и/или плита. В перечнях «еств» XVI–XVII вв. присутствуют все три основных приема обработки — варение, жарение, тушение. Длительное томление кушанья в горшке в вольном духу требует особой конструкции печи, которая была бы способна долго удерживать постоянную температуру. Этот способ не мог быть универсальным для кулинарии XVI–XVII вв., но был известен: в «Книге во весь годъ въ столъ ѣствы подавать» (по рукописям XVII в.) есть рецепт мазюни из редьки⁴⁶, изготовлявшейся именно таким образом.

В последней четверти XVII в. намечаются некоторые новшества. Так, например, появляется кушанье, которое обозначило собой некоторое изменение взгляда на мелко порубленное мясо. Это «кавардак» — блюдо многих тюркских народов (кавурдак, куурдак, куырдак), общим для которого является обжарка кусочков мяса. Однако в русской кухне это слово, похоже, не применялось к сырому мясу: «розвезено в девичьи монастыри .... кавардаку Астраханского, белужья пластинчатого и мелкого по ведру, сомовья пластинчатого

---

⁴² Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию .... С. 27–28.

⁴³ Рабинович М.Г. Жилища // Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 1. Материальная культура. С. 266–267.

⁴⁴ Громов Г.Г. Жилище // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. М., 1977. С. 199–200.

⁴⁵ Козлов А.А. История печного отопления в России. М., 2017. С. 16.

⁴⁶ Временник МОИДР. 1850. Кн. 6. Отд. II. С. 26.

и мелко по ведру ж», «велено на стрелецкие кормки наготовить . . . ковордаку ветчинного»⁴⁷. Излишне говорить, что сохранение в русском языке идиомы «кавардак» показывает непривычность такого использования продуктов. В конце XVII в. впервые в хозяйственных перечнях возникает название «окрошка» и «ботвинье салатное [т.е. из листового салата] с луком»⁴⁸; как лечебные элитные напитки употребляются чай и кофе⁴⁹.

В XVIII в. инновационный процесс интенсифицируется. Осваиваются новые системы отопления. Происходит знакомство с кухней стран «печной зоны» Европы. Приглашаются иноземные повара; особенную роль в жизни двора Петра I играл обер-кухенмейстер датчанин Иоганн (Иван Иванович) Фельтен⁵⁰. Развивается жанр кулинарной книги, сначала в виде авторизированных переводов, чаще всего в составе домоводств, экономий, специализированных словарей. Одним из первых переводческих опытов, о котором есть сведения, — это энциклопедия домоводства «Флоринова Экономия»⁵¹

---

⁴⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. С. 10. В XVIII в. это слово исчезает из письменной речи, однако в народных говорах Псковской и Тульской губерний середины XIX в., зафиксированных в словаре В.И. Даля, оно означало «окрошка», «селянка», «смесь», а иногда и «дурная стряпня».

⁴⁸ В расходной книге кушаний Патриаршего приказа за 1698–1699 гг. (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12. М., Наука, 1987. С. 347).

⁴⁹ Соколов И.А. Чай и чайная торговля в России в XIX — начале XX веков // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2009. № 2. С. 28–38; Лю Цзайци. Чайная торговля между Китаем и Россией // Теория и практика общественного развития. 2009. № 2. С. 63–75; Кожухарь А.И. Периодизация русско-китайской чайной торговли (XVII–XIX вв.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 8-2. С. 115–117; Лю Шисюэ, Арсентьева И.И. Чай в России // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2012. № 11. С. 134–141.

⁵⁰ Варианты его имени: Йон, Ян, Яган; фамилия иногда пишется как Фельтон. Иоганн Фельтен служил при дворе по крайней мере с 1709 по 1724 г. Иногда кухмистра смешивают с его родственником, экономом Петербургской АН Маттиасом Фельтеном, и передают рассказ о том, что Петр в виде особого благоволения женил академика И.Д. Шумахера на дочери своего повара. На самом деле невеста была дочерью эконома Академии наук (см.: Агеева О.Г. Мужчины-мигранты из Европы на службе при императорском дворе России в первой половине XVIII века // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего. Материалы XII междунар. науч. конференции Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН: в 2 ч. М. 2019. С. 43–46; Биохроника Петра Великого (1672–1725 гг.). Проект Санкт-Петербургского филиала НИУ-ВШЭ / Руководитель проекта Е.В. Анисимов — URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/persons/226990878>)

⁵¹ Это сокращенный перевод книги “Oeconomus prudens et legalis oder Allgemeiner Klug- und Rechts-verständiger Haus-Vatter” пастора и герцогского библиотечка Франциска (Франца) Филиппа Флорина (Florin, Franz Philipp (ок. 1649–1699), Franciscus Philippus Florinus, Francisci Philippi Florini). Первое издание «Экономии» Волчкова вышло в 1738 г., книга выдержала 5 изданий.

секретаря Академии наук Сергея Саввича Волчкова⁵². Это вполне традиционная книга, где кулинарные страницы являются частью «генеральной домово́й регу́лы», завершающейся расписанием «что во всяком месяце делать, начиная с Генваря». В этом переводе встречаются как старинные русские кулинарные термины (пряные зелия, сок, уха в значении «бульон, отвар», тертый калач, заедки, каши), так и кальки с французского и немецкого языков, которым предстояло войти в профессиональный язык поваров (нашпиковать/ спиковать, фрикасе, соус).

Во второй половине XVIII в. начинается активная компиляция кулинарных текстов, и переводных, и связанных с русской традицией. Важно отметить: эту работу выполняли не повара, а профессиональные переводчики (чиновники и литераторы), отнюдь не являвшиеся специалистами в поварской терминологии. Точность описаний в одной книге может варьироваться от очень общих неясных указаний до четкой рецептуры. Адресат наставлений довольно условен — некий неопытный сельский хозяин, заинтересованный в полезной информации.

Первой по времени компиляцией, где присутствуют блюда традиционной русской кухни, является сочинение члена Вольного экономического общества С.В. Друковцева⁵³. Материалы для своей книги автор собрал и/или перевел в 1765 г., прибавил сочинение В.Н. Татищева 1742 г. «Краткие экономические до деревни следующие записки» и в 1772 г. издал под названием «Экономическое наставление дворянам, крестьянам, поварам и поварихам, сочинена главной провиантской канцелярии прокурором и вольного экономического общества членом Сергеем Друковцовым» (книга выдержала 5 изданий)⁵⁴. Частью этого сборника стали «Краткие поваренные записки», впоследствии напечатанные отдельным изданием (1779

---

⁵² Сергей Саввич Волчков (1707–1773) состоял переводчиком в Коллегии иностранных дел, с 1730 по 1735 г. находился в Берлине в должности секретаря посольства. С 1735 г. по прошению Академии наук становится секретарем, а с 1748 г. — штатным переводчиком. АН. Волчков опубликовал более двадцати переводных книг; для его языка характерно широкое использование калькированных оборотов; заметно также сильное влияние синтаксиса оригинала (см.: Пухов В.В. Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. Л., 1988. — URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=663> (дата обращения 03.06.2022)).

⁵³ Сергей Васильевич Друковцев/ Друковцов (1731–1786) происходил из дворян. Начал службу в армии, позднее состоял при артиллерийском ведомстве; в 1765–1773 гг. исполнял должность прокурора в 1-м департаменте Главной провиантской канцелярии в Москве. В 1772 г. стал членом Вольного экономического общества. Писал сочинения на хозяйственные темы, беллетристические сборники сказок-новелл (см.: Словарь русского языка XVIII века. [Автор статьи Пухов В.В.] / Отв. ред. А.М. Панченко. Вып. 7. СПб., 1992).

⁵⁴ Там же.

и 1783 г.). Таким образом, сочинение Друковцева можно считать первой русской кулинарной книгой.

Книга содержит примерно 217 рецептов разной точности и «Реестр старинному русскому кушанью» из 114 наименований. Это именно реестр: большинство блюд просто названы наподобие старинных перечней XVII в. В реестре есть некоторые переключки с «Росписям кушанью» боярина Б.И. Морозова⁵⁵ 1656–1661 гг., где упомянуты «куря под лимоны», «тетеря под сливы», «тетерев жаркой надергиван ветчиною», «куря индейское».

В записках Друковцева приведены 4 вида щей, а также суп под тем же названием, хотя порядок приготовления неясен: «Шти с говяжьими голяшками, вятчиной, смятаной, луком, перцом и сухарями. Шти зборные: свинина, говядина, вятчина, баранина, гусь и две курицы русские, с кислой белой капустой и луком варено вместе. Ленивые шти пресные: свежая капуста изрезана на четверо с одною говядиною. <...> Крапивные шти ветчина, говядина, яйца, и сметана»⁵⁶. По всей видимости, зеленые щи потеснили щи борщовые. Похлебка с квашенной свеклой в описании «Реэстра» выглядит так: «Бураки с говядиной, свининой, с луком и перцом»⁵⁷.

Только у 5 кушаний «Реэстра» можно восстановить технологию изготовления, и лишь одно удостоилось действительно полного описания: «няня» из баранины, и таким образом, это — первое изложение приготовления известного в будущем кушанья⁵⁸. Реестр разделен на «холодное», «похлебки», «жаркое», «пирожное» (т.е. любые изделия из теста), «каши и молошное» (сюда попали и жареные грибы с луком). Такое перечисление, возможно, соответствовало подаче кушаний во времена Друковцева, а для XVI–XVII в. более характерно чередование блюд по их консистенции — густое/жидкое⁵⁹. Этой традицией и объясняется состав раздела «каши». Друковцов дал названия разделам современные ему, а реестр составлен по предшествующей традиции.

---

⁵⁵ «Росписи кушанью боярина Бориса Ивановича Морозова» были опубликованы И.Е. Забелиным во Временнике МОИДР с минимальными комментариями, как приложение к публикации «Книги во весь годъ въ столъ ѣствы подавать» (Временник МОИДР. 1850. Кн. 6. Отд. II. С. 31–39).

⁵⁶ Друковцов С.В. Экономическое наставление дворянам, крестьянам, поварам и поварихам... 2-е изд. СПб., 1773. С. 100, 102.

⁵⁷ Там же. С. 101.

⁵⁸ «Няня делается таким образом: возьми баранью голову с рошками, налей немного водою, упарь в горшке; по том с костей сними мясо, положи оное в чашу, изруби с луком и перцом, прибавь немного грешневых круп, по соли, все оное смешай, на чини бараней сычуг, за шей, по ставь, покрыв в горшке, в печь; и как поспеет, будет называемая няня» (Там же).

⁵⁹ Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального государства. М., 1988. С. 235.

Переводные рецепты выстроены по другому принципу: они начинаются с базовых рекомендаций «о делании бульонов», т.к. в кухне XVIII в. бульоны разной концентрации и состава стали основой кулинарного искусства (изначально этот способ разработан французскими поварами и позже стал употребляться и профессионалами других кулинарных традиций). Затем следуют такие же базовые разделы «о делании фаршей», «о супах», «о соусах». Вторая часть переводных рецептов описывает рыбные блюда по такому же систематическому принципу — бульоны, супы, соусы. К мясному и рыбному разделам написаны рекомендации «о хлебном» (т.е. о выпечке). Кроме того, переводная часть содержит описание постных кушаний и «экономического стола на восемь человек». Лексика записок сочетает в себе как заимствованные термины, так и традиционные, это касается и названий, и способов приготовления. Часть заимствований уже прочно вошла в поварской, а затем в обиходный язык: соус, суп, фарш, «желей», «нашпигованный»; часть постепенно осваивалась: «бульен», «пашкет», «фурма», «торт» и т.д. Друковцов совмещает старые и новые понятия: «начини фаршем», «подтяни яичными желтками» (так передается термин “liaison” — «связывание», придание густоты супам и соусам). Есть и термины, пришедшие из старинной русской кухни: «изруби мелко», «искроши», «заквась уксусом», «запекай в печи на малом жару», «лещ чинится тем же телом», «вари пока не поспеет», — все они используются в изложении переводных текстов.

Важно отметить те новшества, которые зафиксировала книга Друковцева. Переводная часть записок как бы снимала многие пищевые запреты: хлеб для мясных фаршей вымачивается в молоке, каплун варится в бульоне со сливками, есть рецепты для сосисок и колбас, телятины, голубей.

Но интересней то, что в «Реэстре старинному русскому кушанью» очень часто упоминается сметана как соус. XVIII век привнес новые технологии изготовления коровьего масла. В книге Друковцева упомянуты масло чухонское, голландское, немецкое и английское, что подразумевает разные способы выделки такого масла. В силу этого стало возможно употреблять сметану при создании подливок. И именно с XVIII в. берут начало столь популярные и позже варианты блюд: «солонина с смятаной и хреном», «поросенок с смятаной и хреном», «студень свиная с смятаной и хреном», «баранья голова с смятаной и хреном», «рубленные яйца с смятаной, чесноком, подлиты квасом»⁶⁰. В сладких блюдах часты упоминания ранее не встречавшихся сливок: с ними подаются ягоды, кисели, творог⁶¹.

⁶⁰ Друковцов С.В. Указ. соч. С. 99–100.

⁶¹ Там же. С. 106.

С XVIII в. наблюдается также расцвет разнообразных окрошек и селянок. У Друковцова есть их рецепты: «Окрошка делается из разных жерких [жарких] мяс, с луком, огурцами, сливами, нальется огурешным или сливным росолом», «Селянка: капуста обжарена с луком в коровьем масле, с уксусом, с перцом и вятчиной»⁶².

Итогом кулинарных текстов XVIII в. можно считать «Словарь поваренный, приспешничий, кандиторский и дистилляторский» отставного офицера, чиновника и писателя В.А. Левшина⁶³. Словарь в 6 частях издавался с 1795 по 1797 г. Автор применил системный, предметный и алфавитный принципы изложения материала, но ни один не сделал определяющим; поэтому словарь имеет сложную структуру. Как он сам предупреждает читателя, в отдельных статьях Левшин собрал особые систематические наставления к поваренному искусству, «включил все нужное из книг поваренных и прочих, на нашем языке до днесь изданных», поместил также поварни Новую, Мещанскую из книги “La cuisiniere bourgeoise”, Австрийскую, Берлинскую, Богемскую и Русскую (названные поварни представляют собой книгу в книге), многие блюда из поварен Английской, Итальянской, Испанской и Португальской; «присовокупил еще о учреждении столов на известное число особ, с планами расположения блюд, услуги, подач, антреме или еств, подаваемых между главного кушанья и проч.», «за нужное также счел, прежде всего приложить по азбучному порядку объяснение иностранных слов, вошедших в употребление у наших поваров и кандиторов, поелику оные в сем словаре в разных местах встречаться будут»⁶⁴.

Из этого изобилия материала особый интерес представляют два раздела: словарь поварских терминов и «Поварня русская».

---

⁶² Там же. С. 100–101.

⁶³ Василий Алексеевич Левшин (1746–1826) — сын армейского офицера. В 1765 г. поступил в Новотроицкий кирасирский полк, участвовал в русско-турецкой войне, но в 1772 г. по болезни вышел в отставку. По выбору дворянства с 1779 г. четыре срока был уездным судьей в Белеве; в 1803 г. был определен чиновником по особым поручениям в штат статс-секретаря в Петербурге. В 1818 г. вышел в отставку с чином статского советника. Средством к существованию для него и его обширного семейства служили жалованье и литературный заработок, поэтому ему приходилось заниматься переводами до глубокой старости. Количество и тематика его переводных компиляций велико и разнообразно — от «Полного русского конского лечебника...» (1795. Ч. 1–2; 6-е изд. 1860) до «Библиотеки немецких романов» (1780. Ч. 1–3). Как самостоятельный автор он выступал создателем биографических книг, бытовых повестей, назидательных и любовных сказок-новелл и т.д. Из обширного наследия писателя исследователи выделяют повесть «Досадное пробуждение», где едва ли не впервые в русской литературе дана попытка раскрыть душевные переживания «маленького человека» (Словарь русского языка XVIII века. [Автор статьи Пухов В.В.]. Вып 11. СПб, 2000).

⁶⁴ Левшин В.А. Словарь поваренный, приспешничий, кандиторский и дистилляторский... Ч. 1. М., 1795. С. III.

Можно предположить, что «Поварня русская» основана на некоем рукописном источнике, известном Друковцову и, вероятно, другим составителям книг по домоводству. Сам автор «Словаря» отрицает это и представляет на суд читателя только то, что «можно было собрать из оставшегося в памяти»⁶⁵. Между тем «Поварня» составляет 50 страниц плотного текста (невозможно точно подсчитать общее число рецептов и рекомендаций). Один из рецептов — «красного кваса» — практически полностью совпадает с аналогичным рецептом из книги Н.И. Осипова⁶⁶ «Старинная русская хозяйка, ключница и стряпуха; или Подробное наставление о приготовлении настоящих старинных российских кушаний ...», впервые изданной в 1790 г.

Более того, перечисление холодных блюд и похлебок в «Поварне» повторяет «Реэстр» Друковцева. «Реэстр» оказывается кратким содержанием «Поварни» Левшина.

Так, в «Реэстре» под девятым номером «Холодного» значится «Индейка убрана лимоном крошеным», в «Поварне» девятым блюдом в холодных кушаньях стоит описание индейки с лимоном: «Оную сварить в воде, или изжарив по обыкновенному, разнять в части, уложить на блюде, каждую часть присоединив к тому месту, как находились оные в целой. Соленых лимонов (или в недостатке оных огурцов) нарезать кружечками и оными покрыть всю индейку»⁶⁷. Точно так же крапивные щи Друковцева получают у Левшина развернутое описание и привычное ныне название «Щи зеленые из

---

⁶⁵ «Знакомство с иностранными, по временам у нас начинавшиеся, действовало тем же образом, как на чистоту русских нравов и на вкус стола. Простые, из отечественных произведений состоявшие приготовления пищи, должны были уступить чужеземным, многосложным, хотя с великими околичностями изобретенным, убыточным, многими несвойственными нам приправами набитым, но за то и вредным здоровью приготовлениям, так что даже сведение о русских блюдах почти совсем истребилось. Не можно по сему представить здесь полного описания русской поварни и должно будет удовольствоваться только тем, что можно было собрать из оставшегося в памяти: ибо история русской поварни, не так как других европейских, никогда не предана была ни писанию, ни тиснению. Учреждение русского стола состояло в четырех подачах: 1) холодных ествах; 2) горячих или похлёбках; 3) взварах и жаренном; и 4) в пирожном. Великолепие столов пиришествственных поставлялось не столько в изяществе, сколько в изобилии еств и множестве блюд. Вышеписанному понятию следуя, опишем здесь столы мясоедной и постной, разделяя оные на четыре подачи, как уже сказано» (*Левшин В.А. Указ. соч. Ч. 5. М., 1796. С. 40*).

⁶⁶ Николай Петрович Осипов (1751–1799), сын приказного служащего, сначала армейский солдат, потом поручик, автор множества прозаических и поэтических переводов, а также компилятивных книг по домоводству, ветеринарии, сельскому хозяйству и т.п. (конец 1780 — начало 1790-х гг.). Собственные авторские произведения Осипова представлены назидательными статьями, комическими поэмами, пародийными сочинениями и даже фантастической повестью (См.: *Словарь русского языка XVIII века. [Автор статьи Пухов В.В.]. Вып. 16. СПб., 2006*).

⁶⁷ *Друковцов С.В. Указ. соч. С. 99; Левшин В.А. Указ. соч. Ч. 5. С. 42.*

крапивы, снити или борщу». Надо сказать, что в раздел похлебок Левшин внес некоторые добавления, разделив на два блюда приготовление бураков и борща, опять-таки в уже привычном нам понимании: «Говядину кусками и немного ветчины, также целую курицу приставить вариться с водою. Взять бураков обще с их травкою, скрошить полосками, обжарить в масле коровьем, смочить отваром из горшка, в котором варится говядина и курица; после бураки совсем выложить к говядине, приправить солью, прибавить укропу, луку и уварить очень спело»⁶⁸.

Селянки из похлебок перенесены в раздел «Взвары, селянки и жареное», т.е. Левшин по сравнению с Друковцевым отходит дальше от традиции чередования густое/ жидкое и пытается систематизировать материал по подачам — холодное/горячее. Разварной гусь из похлебок Друковцева перешел у Левшина в жареное. Вместе с тем в разделе каш, который Левшин расширил и озаглавил «Четвертая подача. Содержащая пирожные, каши и т.д.», остались жаренные грибы как самостоятельное блюдо. Совпадают оба автора также в названии «Жареные бараньи мысли».

Расходятся авторы только в описании постного стола. В «Реэстре старинному русскому кушанью» такого раздела нет⁶⁹. А в «Русской поварне» — это обширный раздел с рыбными и грибными блюдами в зависимости от строгости поста.

Разумеется, кулинарные тексты содержат огромное количество новых кушаний и технологий, далеко не все из них осваивались. Именно в переводных рецептах XVIII в. появляется битое мясо. Так, у Друковцова «Телятина или баранина, ребра, мясо битое обжаривается в смятане, сверху осыпается тертым колачем, турецкие бобы [фасоль] варятся в белом бульене»⁷⁰ У Левшина есть развернутый, но не очень понятный рецепт отбивных: «Взять хорошей говядины без жиру, изрезать в тонки ломти, избить гораздо деревянным молотком; вымажь после кострюлю, хорошо вылуженную, коровьим маслом; уклади дно и стены оной избитою говядиною, чтоб вся кострюля оною закрылась; по том посыпь немного солью, толченым перцом и рубленным эшалотом; и вскоре перед подаванием на стол поставить на сильный огонь, чтоб вдруг прохватило; подавать на стол, подавив лимонным соком; выложив на блюдо, которое вымазать коровьим маслом, и посыпав изрубленными анчоусами, приставить на конфор и разогреть». Блюдо это описано в составе алфавитной части

---

⁶⁸ Левшин В.А. Указ. соч. Ч. 5. С. 45.

⁶⁹ В книге Друковцова рецепты постных блюд — переводные, с применением разных виноградных вин. См.: Друковцов С.В. Указ. соч. С. 95–97.

⁷⁰ Там же. С. 72.

словаря и называется «клопс»⁷¹. Его название происходит от северо-немецкого регионального слова “Klopse” (чаще всего — Königsberger Klopse). В русских кулинарных текстах и меню клопсы существовали вплоть до 1930-х гг. в двух вариантах: шнель-клопс и цвигель-клопс, в зависимости от способа приготовления, оба включали в состав лук и сметанный соус⁷². Вместе с тем в XIX в. вошло в обращение и наименование «битки в сметане»⁷³. Видимо, кушанье становилось очень популярным. Самое интересное, что к середине XIX в. это блюдо приобрело статус традиционно русского, точнее блюда, изготовление которого происходит по оригинальной русской рецептуре. Профессиональный повар Игнатий Михайлович Радецкий в своей книге 1853 г. к блюду «биток в сметане» предложил такой перевод на французский язык: “Côtelettes de bœuf achées à la russe”⁷⁴.

Естественно, что “côtelettes” — это такая же новация XVIII в., как и битки. Узкое значение термина — отбивная на кости. Она вырезается из определенной части туши, и именно с такой отбивной и ассоциируется “côtelettes” в Европе. В России под тем же словом гораздо чаще понималось рубленое мясо из мякоти шеи и мелких кусков, оставшихся при разделе туши⁷⁵, это блюдо со временем стало пользоваться особой любовью едоков. Такая разница в понимании

⁷¹ Левшин В.А. Указ. соч. Ч. 2. С. 168.

⁷² Уже в 1920-е гг. в сфере общественного питания была тенденция к унификации и упрощению названий блюд. Оба «клопса» научно-пищевым советом Нарпита рекомендовано переименовать; цвигель-клопс должен был называться «биточки в сметане с луком» (см.: Продуктовые нормы обедов, отдельных блюд и прочих изделий общественных столовых. М., 1928. С. 97).

⁷³ Согласно Национальному корпусу русского языка, в художественной литературе это слово впервые употребил В.И. Даль в повести «Бедовик» 1839 г. Здесь оно обозначает распространенное повседневно блюдо: «... Корней ходил за барином в комнате, варил ему щи да кашу, по воскресным дням подавал и пирог, а иногда и битки, которые выучился готовить в походах, по недостатку поварского стола, на любом колесе, на шине полкового обоза». — URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CjCkCtCx0LjRgtC60LgqIgoICAQChgyIAogACjE2f6H9MfmCTIJZ3JcmVhdGVkQAUyAggBOgEBMAE%3D> (дата обращения 03.06.2022)

⁷⁴ Вот этот рецепт: «Взять мягкой говядины из котлетной или костречной частей, очистить от жил, изрубить мелко, положить на каждый фунт говядины 1/4 фунт. хорошего масла, по вкусу соли, перцу, и размешав, сделать умеренной величины битки, запанеровать в тертый хлеб, потом в яиче и хлеб; за 10 минут до отпуска сложить на растопленное масло в сотейник, и изжарив до готовности, снять на блюдо, слить масло, влить немного сметаны, глянцу, сварить на плите, и процедив сквозь сито, полить оным битки, и с обеих сторон обложить жареным картофелем, а сверху обжаренным на масле, мелко нашинкованным луком» (Альманах гастрономов, заключающий в себе тридцать полных обедов, означенных записками русскими и французскими, правила для накрытия стола, служения за оным, порядок вин, т.е. какое именно за которым кушаньем подается, и практическое руководство для кухни / Сост. И.М. Радецким. Кн. 2. СПб., 1853. С. 86).

⁷⁵ Лисова О.В. Котлета: украшение царского стола и любимица общепита // Всё о мясе. Научно-технический и производственный журнал. 2011. № 4. С. 64.

одного слова и дала возможность Радецкому назвать битки «котлетами по-русски». В книге анонимного профессионального повара 1846 г. (первое издание 1837 г.)⁷⁶ описаны котлеты всех видов, в том числе и немясные: из судака, из риса, из черного ситного хлеба. Есть и «котлеты русские».

Названия вообще способны жить своей жизнью, отделяясь от обозначаемого продукта или меняя свое толкование. Это можно проиллюстрировать на примере пожарских котлет: к концу XIX в., когда они стали обычным пунктом меню в любом ресторане, происхождение названия стали связывать с именем князя Дмитрия Пожарского, героя 1612 г. А между тем изобретателем их является торжокский трактирщик Пожарский (это о нем писал А.С. Пушкин в 1826 г.⁷⁷), заменивший телятину курицей⁷⁸. Примечательно, что в книге Екатерины Алексеевны Авдеевой, считающейся сводом рецептов именно домашней кулинарии, нет слов «котлеты» и «битки» (похожий рецепт назван «мясные клецки»)⁷⁹. В начале XX в. разница между изначальным термином и его современным употреблением стала еще более заметна: «Среди мясных блюд, — пишет путешественник из Парижа, — напрасно искать столь любимые в России рубленные котлеты и битки. Их в Париже не умеют делать и не делают. Несколько напоминают русские котлеты — “hachis” из свинины; под словом же “côtelette” понимают то, что у нас называется “отбивной котлетой”»⁸⁰.

Остается, тем не менее, вопрос, как блюда из переводных компиляций стали привычным кушаньем. Риском предположить, что

---

⁷⁶ Новейший русский опытный практический повар, эконом и кондитер, совершеннейший мастер своего дела для городских и сельских жителей, или Вернейшие наставления для гастрономов и любителей хозяйства как приготавливать отборнейшие, самые лучшие, деликатнейшие и приятнейшего вкуса скоромные и постные русские кушанья и лакомейшие кондитерские приготовления и десерты; также отменнейшие средства как готовить впрок и сохранять на долгое время всякие жизненные потребности, с присовокуплением описания завтрака и полного обеда старинной русской масляницы : В 5 ч. [2-е изд. с изд. 1837 г.]. Ч. 1. М., 1844. С. 87; Ч. 2. С. 21, 53–54, 58.

⁷⁷ «У Гальяни иль Кольони / Закажи себе в Твери / С пармазаном макарони, / Да яишницу свари. / На досуге отобедай / У Пожарского в Торжке, / Жареных котлет отведай (именно котлет) / И отправься налегке. ...» (Пушкин А.С. Письмо С. А. Соболевскому 9 ноября 1826 г // Полное собр. соч. 4-е изд. / Текст проверен и примеч. составлены проф. Л.Б. Модзалевским и И.М. Семенко; под ред. проф. Б.В. Томашевского. Т. II. Л., 1979. С. 316–317).

⁷⁸ Штетля В. Название «пожарская котлета» как объект лингво-культурологического анализа // Современная парадигма преподавания и изучения русского языка как иностранного. Материалы междунар. науч.-практ. конференции / Под общ. ред. С.А. Вишнякова. М., 2019. С. 463–466.

⁷⁹ Карманная поваренная книга, составленная Катериной Авдеевой. СПб., 1846. С. 43.

⁸⁰ Парижские кафе и рестораны // Ресторатор. 1912. № 14. С. 8.

именно заведения общественного питания оказались тем мостом, который позволил соединить разные кулинарные традиции.

В XVIII в. в общественной жизни шел активный поиск форм объединения людей, которые выходили бы за рамки жесткой сословной структуры (или смягчали ее). В Европе с XVII в. одной из таких форм являлись кофейни — новые заведения, где посетители могли общаться без посредничества алкоголя. Видимо, для России ту же функцию выполняли харчевни (куда был открыт доступ всем), а затем и трактиры. Базовый спиртной напиток (“хлебное вино”), составлявший основу государственной монополии, в трактирах продавать запрещалось. Вероятно, популярность общепита, несмотря на регулярные сословные ограничения, способствовала распространению и освоению новых кушаний. Что же касается поварских навыков, то обычной формой обучения любому ремеслу оставалось ученичество. Ученики применяли знания в других заведениях общественного питания.

Примером может служить известнейший трактир уже упомянутых Пожарских. Пожарские — потомственные ямщики и старожилы Торжка по крайней мере со второй половины XVIII в. Год открытия их трактира неизвестен. В 1826 г. им владел “новоторжского яму ямщик” пятидесятилетний Евдоким Дмитриев Пожарской, впоследствии ставший купцом 3-й гильдии. В 1834 г. гостиница перешла в руки его дочери, Дарьи Евдокимовой Пожарской, о которой чаще всего и вспоминали современники⁸¹. Как видим, никто из владельцев не был связан не только с придворной, но даже и просто со столичной средой. Тем не менее, их повар (или повара) были отлично осведомлены о таком блюде, как телячья котлета на кости, и сумели адаптировать рецепт к местным условиям. Их изобретение стало своего рода знаком своей эпохи: «В те наивные времена, когда... верили в пожарские котлеты, в валдайские колокольчики и бублики», — написал Л.Н. Толстой⁸². Это кушанье превращается в визитную карточку российского общепита и начинается его модификация. «В Торжке не найдешь теперь и знаменитых пожарских котлет: их лучше делают в Петербурге», — заметил И.А. Гончаров⁸³. Его мнение подтверждает И.И. Колышко, посетивший Торжок в 1880-е гг.: «...приехав, сейчас заказал себе порцию пожарских котлет. Через час они торжественно появились. Но, увы! Каких размеров! Какого свойства!.. Как ни би-

---

⁸¹ См.: Салимов А.М., Салимова М.А. В поисках пушкинской гостиницы. Торжок; Тверь, 2003.

⁸² Цит. по: Шетэля В. Указ. соч. С. 464.

⁸³ Цит. по: Там же.

лись, как ни трудились офицеры стоявшего здесь гвардейского кадра над обучением повара, тот видно не внял ни их мольбам, ни угрозам, ни грозной тени самой ямщицки Пожарской, наверно живущей в темных углах своей громадной, родовой кухни. Воображаю, с каким ужасом взирает она, как ее воздушные котлеточки превращаются в гигантские котлетища и как неуклюже и неаппетитно сии последние плавают в весьма сомнительного свойства жире»⁸⁴.

Насколько быстро непривычный продукт может стать обыденным, показывает складывание традиции русского чаепития, также тесно связанный с трактирным делом.

В 1720-х гг. чай и кофе превращаются из лекарственных напитков в бытовые. Этому способствовало то, что в России (и в Европе в целом) не было «своего» горячего *тонизирующего* напитка. Со временем новые напитки могли повлиять на уже существовавшие местные⁸⁵. Стоит отметить, что в Сибири освоение чая шло активнее не только потому, что именно кяхтинские купцы торговали всевозможными сортами чая, но и за счет посредства принявших российское подданство коренных сибиряков и в адаптированных ими вариантах. Поэтому он стал достоянием сельских жителей Сибири уже в XVIII в.⁸⁶ В европейской части России новые напитки адаптировались обычным путем: от элиты к аристократии, затем к состоятельным жителям разных сословий; из больших городов — в малые. В русской бытовой культуре утвердилось общеевропейское чаепитие: сладкий напиток или напиток со сладостями, из ферментированного чая, иногда с молоком, иногда с лимоном. Английская путешественница посетила в 1831 г. настоятеля одного из подмосковных монастырей (она не уточнила, какого именно), где «он любезно потчевал нас кофе, чаем и сладостями ...»⁸⁷.

С учреждением в 1746 г. в столице гербергов (аналог трактира) в них можно было подавать чай, кофе, шоколад (напиток)⁸⁸. В 1762 г. дозволено открывать трактиры при почтовых станциях, и в них

---

⁸⁴ *Кольшико И.И.* Очерки современной России. СПб., 1887. С. 64.

⁸⁵ Сбитень стал подаваться горячим по-видимому именно под воздействием чаепития: в XVII в. этот напиток наливался в стеклянные стаканы (см.: *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 23. М., 1996. С. 74).

⁸⁶ *Литинская В.А.* Адаптивно-адаптационные вопросы... С. 22–23.

⁸⁷ Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Ивановны / Пер. с англ. [Е.П. Карновича]; ред., примеч. С.Н. Шубинского; предисл., примеч. А.В. Сазанова (Записки иностранцев о России в XVIII столетии). М., 2016. С. 110.

⁸⁸ Об учреждении в Санкт-Петербурге и в Кронштадте гербергов, и об отдале оных в содержание Российским купцам. 1746 июня 9. Сенатский, в следствие именного // ПСЗ. Собр. I. Т. 12. № 9294.

также допущена торговля чаем, кофе и шоколадом⁸⁹. С этого времени кофе и в особенности чай становятся постоянными атрибутами трактиров. В 1760–1770-е гг. С.В. Друковцов отмечал: «В России пред недавним временем кофий и чай никто употреблять не хотел; а ныне ко оному столь много привыкли даже, что и пахотные крестьяне будучи в разнощиках, вкус находить начали»⁹⁰.

Во второй половине XVIII в. в большинстве городов среднего Поочья велась оптовая и розничная торговля на городском рынке, в том числе закупленным в столицах чаем. Так, в 1775 г. в Волоколамске было 5 лавок, где можно было его купить⁹¹. Соотношение двух напитков — кофе и чая — и их роли в массовом потреблении определялись дороговизной колониального кофе (это отличало российскую рыночную ситуацию от европейской). Чай же закупался (в том числе и дешевые сорта) непосредственно у монополиста: на 1780 г. пуд чая, ввезившегося из Китая, стоил в России 11 рублей, а из Западной Европы (в случаях прерывания торговли) — 52 рубля⁹². В первые десятилетия XIX в. потребление чая растет; в 1810–1820 гг. чай составил 88% общего российско-китайского торгового обмена⁹³. Окончательным признанием чая как общенационального напитка можно условно назвать дозволение в 1822 г. торговать чаем в харчевнях — низшем звене законодательно выстраиваемой иерархии заведений общественного питания. Харчевни предназначались для людей в крестьянской одежде, там запрещены были алкогольные напитки и впоследствии запрещено торговать дорогими кушаньями. Комитет министров признал «полезным предоставить харчевням иметь чай, употребление оного сделалось почти вещью первой необходимости. Проезжие ремесленники и всякого рода люди привыкли и имеют надобность в суровом нашем климате, в питье, согреть их могущем. Сие так положительно, что нет почти крестьянина в богатых наших губерниях, который бы не имел в доме своем самовара»⁹⁴

---

⁸⁹ Выс. утв. доклад. О постройке на станциях почтовых дворов и о дозволении на тех дворах содержать для проезжающих трактиры. 1762 июня 6 // ПСЗ. Собр. I. Т. 15. № 11565.

⁹⁰ Друковцов С.В. Указ. соч. С. 41.

⁹¹ Ломако Е.Л. Формирование торговых площадей в городах среднего Поочья во второй половине XVIII века // История Московского края: Проблемы, исследования, новые материалы. Материалы науч.-практ. конференции, посвященной 85-летию МГОУ / Под ред. В.В. Хорихина. М., 2016. С. 293, 298.

⁹² Лю Цзайци. Указ. соч. С. 68–69.

⁹³ Там же. С. 64.

⁹⁴ Первые самовары предназначались, скорее всего, для меда и были изобретены на Иргинском заводе на Урале между сентябрем 1738 г. и февралем 1740 г. Распространению изобретения способствовал А.Н. Демидов. Первой тульской самоварной

и не употреблял чаю, посему в харчевнях требуют напитка сего, и оный большею частию, не смотря на запрещение в них, особливо вне столицы, продается. Впрочем как в харчевнях строго воспрещено содержание горячих напитков, то не можно опасаться, чтоб продажа чая могла произвести тот вред [для питейных сборов], который от употребления в ресторациях пуншу оказывается»⁹⁵.

Описания Москвы и Петербурга 1830–1840 гг. обязательно упомянут толпы извозчиков, мастеровых и дворников, идущих в харчевни и трактиры пить чай; и фраза «пожалуйте барин на водку» начинает тесниться просьбой дать на чай⁹⁶. О других городах сведения разнятся. Данные анкетирования Географического общества 1848 г. говорят только о 7 негубернских городах, где чаепитие развивалось в различных формах: питья чая в трактирах, домашнего угощения гостей, семейной трапезы⁹⁷. Однако это можно объяснить и особенностью такого источника, как рассылаемые анкеты. Угощение чаем в фольклоре стало частью галантного ухаживания, «чай-кофий» вошел в не только в песни и сказки, но и в былины⁹⁸. В быту это выглядело также: в Сергиевском посаде в герберге начала XIX в. некую барыню, оказавшуюся сержантской женой, купеческий сын «потчивал чаем и пуншом, также и другими напитками»⁹⁹. Уже из сказанного видно, что особая роль в распространении чая принадлежит заведениям общественного питания — харчевням, гербергам, трактирам.

фабрикой стала фабрика братьев Ивана и Назара Лисициных (1778–1863 гг.) (см.: *Корепанов Н.С.* Иргинский завод — родина русского самовара // Россия и Западная Европа: взаимодействие индустриальных культур. 1700–1950 гг. Материалы междунар. науч. конференции. Нижний Тагил. 15–18 августа 1996 г. Т. 1. Екатеринбург, 1996. С. 191–196; *Василенко М.В.* Коллекция самоваров: несколько иллюстраций к отечественной истории // Сукачевские чтения. 2020. № 17. С. 158–162; *Бритенкова Л.В.* Коллекция самоваров в парк-отеле «Грумант» // Тульский краеведческий альманах. 2013. № 10. С. 135).

⁹⁵ Высочайше утвержденное положение комитета министров, объявленное сенату управляющим министерством внутренних дел. 1822 Октября 10. О позволении иметь чай в харчевнях // ПСЗ. Собр. I. Т. 38. № 29197.

⁹⁶ *Баиуцкий А.П.* Панорама Санкт-Петербурга. Ч. 3. СПб., 1834. С. 28–29, 82; *Пушкарев И.И.* Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии. Ч. 3. СПб. 1841. С. 104–105; *Полевой К.А.* Руководство для молодых людей, назначающих себя к торговым делам. СПб., 1847. С. 121.

⁹⁷ *Рабинович М.Г.* Очерки материальной культуры... С. 243.

⁹⁸ «Выходила госпожа Перемитиха, Берет она Чурила за белые руки, за злаченые перстни, Поит его чаем-кофеем, зеленым вином» (цит. по: *Праведников С.П.* Кластер «пища» в русской эпической традиции с точки зрения территориальной специфики // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 3-2 (23). С. 102).

⁹⁹ Цит. по: *Четырина Н.А.* Виноторговля как освоение новых культурных практик в России конца XVIII — начала XIX вв. // Сфера культуры. 2021. № 1 (3). С. 33.

Атрибуты чаепития выносились на вывески: «Два золотых самовара и посреди их стол, нагруженный чайниками и чашками, указывают нам, что это трактир или ресторация»¹⁰⁰. В распространении этого напитка через трактиры и харчевни есть прозаическая причина: не у каждого горожанина, а тем более крестьянина на заработках, была возможность вскипятить воду, и за кипятком всё равно обращались в трактиры.

Кулинарная традиция, как всякая традиция, демонстрирует удивительное сочетание глубокого консерватизма и постоянного обновления. Это обновление, если оно проходит «по правилам», принимается, и само становится частью наследия. Традиция — это не строгая неподвижная конструкция, не подвластная времени, наоборот, это живой процесс.

References

Ageeva O.G. *Muzhchiny-migranty iz Yevropy na sluzhbe pri imperatorskom dvore Rossii v pervoy polovine XVIII veka* [Male Migrants from Europe Employed by the Russian Imperial Court in the First Half of the 18th Century] // *Zhenshchiny i muzhchiny v migratsionnykh protsessakh proshlogo i nastoyashchego. Materialy XII mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Rossiyskoy assotsiatsii issledovateley zhenskoy istorii i Instituta etnologii i antropologii imeni N.N. Miklukho-Maklaya RAN* [Women and Men in Migration Processes of the Past and the Present. Acta of the 12th International Scientific Conference of Russian Association of Researchers of Women's History and N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, RAS]. In 2 parts. Part 1. Moscow; Kaliningrad: Izdatel'stvo BFU imeni I. Kanta, 2019. P. 43–46.

Antipina E.E., Yavorskaya L.V. *Problemy, voprosy i osnovnyye rezul'taty izucheniya osteologicheskikh materialov iz raskopok 2016 goda na territorii Moskovskogo kremlya* [Problems, Issues and Main Results of the Study of Osteological Materials from 2016 Excavations in the Moscow Kremlin] // *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*. 2018. N 252. P. 295–306.

Artsikhovskiy A.V. *Pishcha i utvar'* [Food and Utensils] // *Ocherki russkoy kul'tury XIII–XV vekov* [Essays on Russian Culture from the 13th through the 15th Century]. Part 1. *Material'naya kul'tura* [Material Culture]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1969. P. 297–306.

Britenkova L.V. *Kollektsiya samovarov v park-otele "Grumant"* [Collection of Samovars in the Park-Hotel "Grumant"] // *Tul'skiy krayevedcheskiy al'manakh*. 2013. N 10. P. 135–142.

Bulgakov M.B. *Pishchevyye promysly i trgovlyia produktami pitaniya v russkom gorode v XVII v.* [Food Trades and Food Trade in the Russian Town in the 17th Century] // *Problemy istoricheskoy geografii i demografii Rossii* [Issues of Historical Geography and Demography of Russia]. Issue I. Moscow: IRI RAN, 2007. P. 115–146.

Chetyrina N.A. *Vinotorgovlyia kak osvoyeniye novykh kul'turnykh praktik v Rossii kontsa XVIII — nachala XIX vv.* [Wine Trade as the Development of New Cultural

---

¹⁰⁰ Дистрибуенди Ф. Взгляд на московские вывески. Соч. Федора Дистрибуенди. М., 1836. С. 6.

Practices in Russia in the Late 18th and Early 19th Centuries] // *Sfera kul'tury*. 2021. N 1 (3). P. 2–35.

Engovatova A.V., Dobrovol'skaya M.V., Antipina E.E., Zaytseva G.I. *Kollektivnyye zakhoroneniya v Yaroslavle. Rekonstruktsiya sistemy pitaniya na osnove rezultatov izotopnogo analiza* [Collective Burials in Yaroslavl. Reconstruction of the Feeding System Based on the Results of Isotope Analysis] // *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*. 2013. N 228. P. 96–115.

Gromov G.G. *Zhilishche* [Lodging] // *Ocherki russkoy kul'tury XVI veka* [Essays on Russian Culture of the 16th Century]. Part 1. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1977. P. 254–270.

Korepanov N.S. *Irginskiy zavod — rodina russkogo samovara* [Irginsky Factory, the Birthplace of the Russian Samovar] // *Rossiya i Zapadnaya Yevropa: vzaimodeystviye industrial'nykh kul'tur. 1700–1950 gg. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Nizhniy Tagil, 15–18 avgusta 1996 g.* [Russia and Western Europe: Interaction of Industrial Cultures. 1700–1950. Acta of the International Scientific Conference]. Vol. 1. Yekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii, 1996. P. 191–196.

Kozhukhar' A.I. *Periodizatsiya rusско-kitayskoy chaynoy torgovli (XVII–XIX vv.)* [Periodization of Russian-Chinese Tea Trade from the 17th through 19th Century] // *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*. 2011. N 8–2. P. 115–117.

Kozlov A.A. *Istoriya pechnogo otopleniya v Rossii* [History of Stove Heating in Russia]. Moscow: ANKO, 2017. 164 p.

Larin B.A. *Tri inostrannykh istochnika po razgovornoy rechi Moskovskoy Rusi XVI–XVII vekov* [Three Foreign Sources on the Colloquial Speech of Moscow Rus' in the 16th and 17th Centuries]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2002. 684 p.

Lipinskaya V.A. *Adaptivno-adaptatsionnyye voprosy v narodnoy kul'ture pitaniya russkikh* [Adaptive and Adaptation Issues in the Folk Food Culture of the Russians] // *Traditsionnaya pishcha kak vyrazheniye etnicheskogo samosoznaniya* [Traditional Food as an Expression of Ethnic Self-Consciousness]. Moscow: Nauka, 2001. P. 18–40.

Lipinskaya V.A. *Pishcha (XII–XX veka)* [Food (from the 12th through the 20th Century)] // *Russkiye / Seriya "Narody i kul'tury"*. Institut etnologii i antropologii imeni N.N. Miklukho-Maklaya RAN [Russians / Peoples and Cultures Series. N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, RAS]. Moscow: Nauka, 2003. P. 354–396.

Lisova O.V. *Kotleta: ukrasheniye tsarskogo stola i lyubimitsa obshchepita* [The Cutlet: An Ornament of the Royal Table and a Favorite of Catering] // *Vse o myase. Nauchno-tekhnicheskyy i proizvodstvennyy zhurnal*. 2011. N 4. P. 64–66.

Lomako E.L. *Formirovaniye torgovykh ploshchadey v gorodakh srednego Pooch'ya vo vtoroy polovine XVIII veka* [The Formation of Commercial Areas in the Towns of Middle Oka Region in the Second Half of the 18th Century] // *Istoriya Moskovskogo kraya: problemy, issledovaniya, novyye materialy. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 85-letiyu MGOU* [History of the Moscow Region: Issues, Studies, New Materials. Acta of the Scientific-Practical Conference in Honour of the 85th Anniversary of Moscow State Regional University] / Ed. by V.V. Khorikhin. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy universitet, 2016. P. 292–301.

Lutovinova I.S. *Nazvaniya produktov pitaniya i kushaniy v zapisyakh inostrantsev XVI–XVII stoletiy* [Names of Food and Dishes in the Foreign Records in the 16th

and 17th Centuries] // *Russkaya istoricheskaya leksikologiya i leksikografiya* [Russian Historical Lexicology and Lexicography]. Issue 4. Leningrad: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet, 1988. P. 121–127.

Liu Shixue, Arsent'yeva I.I. *Chay v Rossii* [Tea in Russia] // *Rossiya i Kitay: problemy strategicheskogo vzaimodeystviya: sbornik Vostochnogo tsentra*. 2012. N 11. P. 134–141.

Liu Zaiqi. *Chaynaya trgovlya mezhdru Kitayem i Rossiye* [Tea Trade between China and Russia] // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2009. N 2. P. 63–75.

Pravednikov S.P. *Klaster "pishcha" v russkoy epicheskoy traditsii s tochki zreniya territorial'noy spetsifiki* [A Cluster "Food" in Russian Epic Tradition from the Point of View of Territorial Specificity] // *Uchenyye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. N 3–2 (23). P. 95–103.

Rabinovich M.G. *Ocherki material'noy kul'tury russkogo feodal'nogo goroda* [Essays on the Material Culture of the Russian Feudal Town]. Moscow: Nauka, 1988. 309 p.

Rabinovich M.G. *Zhilishcha* [Lodgings] // *Ocherki russkoy kul'tury XIII–XV vekov* [Essays on Russian Culture from the 13th through the 15th Century]. Part 1. *Material'naya kul'tura* [Material Culture]. Moscow: MGU, 1969. P. 254–270.

Razdorskiy A.I. *Torgovo-promyslovyye ob'yekty Belgoroda v XVII veke (po materialam gorodovykh obrochnykh knig i prikhodo-raskhodnykh knig Razryadnogo prikaza)* [Trade and Craft Objects of Belgorod in the 17th Century (according to the Town Quit-Rent (Obrok) and Account Books of Razryadnyi Prikaz)] // *Belgorodskaya cherta. Sbornik statey i materialov po istorii Belgorodskoy oboronitel'noy cherty* [Belgorodskaya Cherta. Collection of Articles and Materials on the History of the Belgorod Defensive Line]. Belgorod: Konstanta, 2016. P. 67–73.

Salimov A.M., Salimova M.A. *V poiskakh pushkinskoy gostinitsy* [In Search of Pushkin's Inn]. Torzhok; Tver': Vserossiyskiy istoriko-etnograficheskiy muzey, 2003. 112 p.

Savost'yanova O.P. *Traditsionnaya kul'tura pitaniya krest'yan-starooobryadtsev Nagatinskoy volosti Moskovskogo uyezda (konets XIX v. — 1940-ye gg.)* [Traditional Food Culture of Old Believer Peasants of Nagatinskaya Volost, Moscow Uyezd (Late 19th Century — 1940s)] // *Etnograficheskoye obozreniye*. 2014. N 6. P. 155–169.

Sokolov I.A. *Chay i chaynaya trgovlya v Rossii v XIX — nachale XX vekov* [Tea and Tea Trade in Russia in the 19th and Early 20th Centuries] // *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta*. Series "Istoricheskiye nauki". 2009. N 2. P. 28–38.

Szetela V. *Nazvaniye "pozharskaya kotleta" kak ob'yekt lingvo-kul'turologicheskogo analiza* [The Name "Pozharsky Cutlet" as an Object of Linguistic and Cultural Analysis] // *Sovremennaya paradigma prepodavaniya i izucheniya russkogo yazyka kak inostrannogo. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Modern Paradigm of Teaching and Learning Russian as a Foreign Language. Acta of the International Scientific-Practical Conference] / Ed. by S.A. Vishnyakov]. Moscow: MPGU, 2019. P. 463–466.

Vasilenko M.V. *Kollektsiya samovarov: neskol'ko illyustratsiy k otechestvennoy istorii* [Collection of Samovars: Some Illustrations of Russian History] // *Sukachovskiyeh chteniya*. 2020. N 17. P. 158–162.

Поступила в редакцию
15 января 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-3-85-96

Е.В. Камаева (Буреева)

ФИНАНСИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЛКСМ В 1960–1970-е ГОДЫ

E. V. Kamaeva (Bureeva)

FINANCING OF THE INTERNATIONAL ACTIVITIES OF THE KOMSOMOL IN THE 1960s–1970s

Аннотация. Важным направлением работы ВЛКСМ в 1960-е гг. стала международная деятельность, которая заключалась не только в участии, но и в организации множества различных мероприятий для иностранной молодежи и студентов — международных лагерей дружбы, форумов, поездок зарубежных делегаций. Создание Комитета молодежных организаций СССР (КМО СССР) и Бюро молодежного международного туризма (БММТ) «Спутник» способствовало активизации туристического обмена советской и зарубежной молодежи. Обе организации находились в подчинении ЦК ВЛКСМ и получали финансирование из комсомольского бюджета. В 1962 г. на международную деятельность начали выделяться дополнительные средства, о чем свидетельствует новая статья расходов, появившаяся в бюджете ВЛКСМ. Большую часть этих денег расходовал Центральный комитет, регулярно допуская при этом чрезмерные траты на прием зарубежных делегаций и подарки, что неоднократно отмечали ревизионные проверки. Из 86 региональных комсомольских организаций в рамках этой статьи финансирования средства получали от 12 до 30 комитетов, имеющих международные молодежные лагеря. В исследуемый период ВЛКСМ активно помогал с оплатой организационных взносов в фонды Всемирных фестивалей молодежи и студентов, а затем начал оказывать прямую материальную помощь молодежным организациям стран Восточной Европы, Азии и Африки, которые регулярно за ней обращались. Важно отметить, что ежегодный рост расходов на обеспечение международной деятельности происходил в условиях прекращения государственного финан-

---

Камаева (Буреева) Елена Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Казанского государственного архитектурно-строительного университета

Kamaeva (Bureeva) Elena Viktorovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of History and Philosophy, Kazan State University of Architecture and Engineering

bureeva27@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2274-9931

сирования ВЛКСМ, который с 1959 г. перешел на полное самообеспечение. На основе широкого комплекса архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, в статье представлен анализ финансовой деятельности ЦК ВЛКСМ, источники финансирования и направления расходования средств на осуществление международной деятельности. Актуальность исследования обусловлена отсутствием должного научного освещения указанной проблемы и необходимостью изучения финансового обеспечения международной деятельности для всесторонней оценки ее эффективности и результативности.

Ключевые слова: бюджет ВЛКСМ, Международные фестивали молодежи и студентов, Комитет молодежных организаций СССР, Бюро молодежного международного туризма «Спутник», зарубежные делегации, туристический обмен молодежи.

Abstract. In the 1960s the Komsomol began to give particular attention to its international activity, which was not only limited to participation, but also involved the organization of many different events for foreign youth and students — international friendship camps, forums, trips of foreign delegations. The creation of the Committee of Youth Organizations of the USSR (KMO USSR) and the Sputnik International Youth Tourism Bureau (BMMT) contributed to the intensification of the tourist exchange between Soviet and foreign youth. Both organizations were subordinate to the Central Committee of the Komsomol and received funding from the Komsomol budget. In 1962, additional funds started being allocated for international activities, as evidenced by a new item of expenditure that appeared in the budget of the Komsomol. Most of this money was spent by the Central Committee, with excessive expenditure on the reception of foreign delegations and gifts, which was repeatedly noted by audit checks. Twelve to thirty committees with international youth camps (out of 86 regional Komsomol committees) received money under the framework of this funding item. During the period under study, the Komsomol actively helped with the payment of organizational fees to the funds of the World Festivals of Youth and Students, and then began to provide direct material assistance to the youth organizations in Eastern Europe, Asia and Africa, which regularly applied for it. It is important to note that the annual increase of spending on international activities occurred in the context of the termination of state funding for the Komsomol, which in 1959 became fully financially self-sufficient. Based on a wide range of archival documents introduced into scientific circulation for the first time, the article presents an analysis of the financial activities of the Central Committee of the All-Union Leninist Young Communist League, its sources of funding and directions for spending the funds allocated for international activities. The relevance of the study is determined by the lack of serious scholarly investigation of this problem and the need to study the financial support of international activities in order to give a comprehensive assessment of its impact and efficiency.

Keywords: Komsomol budget, World Festivals of Youth and Students, Committee of Youth Organizations of the USSR, Sputnik International Youth Tourism Bureau, foreign delegations, tourist exchange for youth.

Международной деятельностью Комсомол занимался на протяжении всего периода своего существования. В первой половине XX в. она выражалась главным образом в членстве в международных организациях, таких как Коммунистический интернационал молодежи (КИМ), Всемирная федерация демократической молодежи (ВФДС) и Международный союз студентов (МСС). Во второй половине XX в. эта деятельность получила новые направления, включающие участие во всемирных фестивалях, организацию форумов, международных лагерей дружбы и туристический обмен молодежи и студентов. Соответственно были созданы новые организации, подчиняющиеся и финансируемые средствами ЦК ВЛКСМ. В 1956 г. был образован Комитет молодежных организаций (КМО), контролирующий общественные, профессиональные, спортивные, культурные организации молодежи, а также организации, ведущие работу среди молодежи¹. В задачи КМО также входило сотрудничество с зарубежными молодежными организациями и прием иностранных делегаций.

В 1958 г. под руководством КМО было создано Бюро молодежного международного туризма (БММТ) «Спутник», которое занималось организацией и проведением туристских поездок зарубежной молодежи по Советскому Союзу и советской молодежи за границу «на доступных для нее условиях»². Бюро считалось хозрасчетной организацией, однако его работа строилась главным образом на основе безвалютного туристического обмена с зарубежными организациями, занимающимися молодежным туризмом. Средства Бюро формировались из уставного фонда, а также денег, полученных от продажи путевок и ассигнованных КМО СССР. Анализируя финансовую деятельность БММТ «Спутник», И.Б. Орлов приходит к выводу, что она не только оказалась бесприбыльной, но не могла обеспечивать даже административно-хозяйственные расходы Бюро. С 1970 г. «Спутник» напрямую подчинялся ЦК ВЛКСМ и финансировался из его бюджета.

Приемом иностранных делегаций молодежи также занимались местные комсомольские организации, средства которым выделялись из бюджета ВЛКСМ.

На заседании Бюро ЦК ВЛКСМ 5 января 1959 г. была озвучена информация о прекращении государственного финансирования

¹ Андреев А.И., Ильин И.В. Общественные движения молодежи и молодежная политика: исторический экскурс. // Российское студенчество на рубеже XX–XXI веков: трансформация системы ценностей. М., 2012. С. 107–110.

² Орлов И.Б. Бюро Международного молодежного туризма «Спутник»: между «Сциллой идеологии» и «Харибдой прибыли» // Проблемы российской истории. 2010. № 1(10). С. 142–154.

комсомольской организации. В постановлении Бюро зафиксировано, что «в бюджете ВЛКСМ ассигнований из Государственного бюджета СССР не предусмотрено»³. Комсомольская организация перешла на самостоятельное финансовое обеспечение местных комитетов комсомола и всех направлений своей работы. Источниками поступления средств остались членские взносы, привлеченные средства и отчисления молодежных издательств. Привлеченные средства формировались за счет денег, которые зарабатывали комсомольцы местных комитетов от сбора металлолома, макулатуры и лекарственных трав, выполнения работ по благоустройству городов и поселков, а также проведения платных концертов силами художественной самодеятельности⁴. Сокращение доходной части комсомольского бюджета в первой половине 1960-х гг. привело к необходимости экономии комсомольских денег, что нашло отражение в финансовых и бухгалтерских документах ЦК ВЛКСМ.

В связи с этим особый интерес представляет объем финансирования и динамика расходования средств комсомольского бюджета на осуществление международной деятельности в 1960–1970-е гг., что и составляет предмет данного исследования.

Международная деятельность ВЛКСМ получила отражение в исследованиях, посвященных истории развития молодежного международного туризма посредством БММТ «Спутник». В работах И.Б. Орлова, А.Д. Попова, А.М. Машковой, Ю.С. Путрика⁵ достаточно подробно рассматривается нормативно-правовая база работы «Спутника», содержание туристической и культурной программ, а также условия проживания на базах и лагерях, входивших в систему БММТ. В центре внимания Ю.Н. Головчанского⁶ — идеологический и воспитательный аспекты работы КМО СССР с молодежными организациями стран социалистического лагеря. Отдельные аспекты формирования бюджета БММТ «Спутник» и КМО, а также фи-

³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 999. Л. 12.

⁴ Инструкция по бухгалтерскому учету в обкомах, крайкомах комсомола и ЦК ЛКСМ союзных республик. М., 1959. С. 4.

⁵ Орлов И.Б., Попов А.Д. Сквозь «железный занавес». See USSR!: иностранные туристы и призрак потемкинских деревень. М., 2018. С. 340; Орлов И.Б., Машкова А.М. Иностранный молодежный туризм в СССР 1958–1964 гг. // Российская история. 2011. № 6. С. 155–165; Машкова А.М. БММТ «Спутник» в 1958–1968 гг.: становление и развитие молодежного иностранного туризма в СССР. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011; Путрик Ю. С. Туристическое бюро «Спутник»: роль в развитии международных молодежных обменов // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. № 6. С. 72–79.

⁶ Головчанский Ю.Н. Сотрудничество союзов молодежи европейских социалистических стран по вопросам интернационального воспитания молодежи (на материалах союзов молодежи СССР, НРБ, ВНР, ЧССР и ГДР за 1960–1980 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Львов, 1984. С. 12–15.

нансовые взаимоотношения с ЦК ВЛКСМ раскрываются в работах И.Б. Орлова, К.А. Болдовского и И.В. Соколовой⁷.

Историографический обзор позволяет говорить, что источники поступления денежных средств и объем финансирования различных направлений международной деятельности комсомола не стал предметом отдельного исследования.

Источниковую базу данной работы составили документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), представленные финансовыми отчетами ЦК ВЛКСМ, в которых содержится информация не только о суммах, которые выделялись на обеспечение работы БММТ «Спутник», КМО и международную информацию, а также о механизме распределения средств. Документы финансово-хозяйственного отдела Управления Делами ЦК ВЛКСМ, который занимался составлением комсомольского бюджета, долгое время были закрыты для исследователей и впервые вводятся в научный оборот.

Управление делами ЦК ВЛКСМ составляло бюджет на год и представляло финансовый отчет об исполнении бюджета, который утверждался на Бюро ЦК ВЛКСМ. В 1960–1961 гг. расходная часть бюджета предусматривала выделение средств исключительно на обеспечение работы местных комитетов комсомола (75%), аппарата ЦК ВЛКСМ (10%), КМО СССР (3%) и капитальное строительство (12%)⁸. Бюджет ВЛКСМ на 1959 г. оказался дефицитным, и экономия была достигнута за счет КМО, средства на работу которого не выделялись⁹.

В 1960 г. на обеспечение деятельности КМО было выделено 11 млн руб., а реально израсходовано 8,1 млн руб. При обсуждении финансового отчета на Бюро ЦК ВЛКСМ руководству КМО было предложено принять меры к более активному использованию выделяемых средств для усиления связей комсомола с братскими союзами молодежи социалистических и капиталистических стран, пропаганды за границей достижений СССР в развитии народного хозяйства¹⁰.

В результате денежной реформы 1961 г. произошел перерасчет цен, ставок заработной платы и членских взносов, что приве-

---

⁷ Болдовский К.А., Пивоваров Н.Ю. На пути к «брежневской стабильности»: Секретариат Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза в 1966–1968 годах // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 3. С. 685–701; Орлов И.Б. Бюро Международного молодежного туризма «Спутник»... С. 142–154; Соколова В.И. Международные связи молодежи СССР в годы хрущевской «оттепели» // Промышленность: управление, экономика, технологии. 2008. № 4. С. 186–189.

⁸ Бурева Е.В. Формирование бюджета комсомольских организаций в 1960-е годы // Новейшая история России. 2021. Т. 11. № 2. С. 489–505.

⁹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 49. Д. 64. Л. 7.

¹⁰ Там же. Д. 67. Л. 17.

ло к уменьшению доходной части комсомольского бюджета. Однако средства на работу КМО были выделены за счет сокращения ассигнований на содержание местных комитетов комсомола. Это стало следствием проведения в Москве Всемирного форума молодежи в июле–августе 1961 г. В нем принимали участие 800 человек из 106 стран, на обслуживание которых было израсходовано 804 тыс. рублей. На эти средства были закуплены цветы, сувениры и подарочные парфюмерные наборы для каждого участника; проведены экскурсии и праздничные мероприятия; оплачено проживание в гостиницах системы «Интурист» и питание в ресторанах¹¹. Также из средств, выделенных КМО, 605 тыс. рублей были потрачены на выплату взноса в фонд VIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Хельсинки и приобретение сувениров и канцелярских принадлежностей¹².

В 1962 г. в расходной части бюджета ВЛКСМ появилась новая статья — «на международную информацию ЦК ВЛКСМ», в которую входили расходы по приему и обслуживанию иностранных делегаций молодежи, оплата участия советской делегации в международных фестивалях, оказание материальной помощи союзам молодежи стран Азии и Африки. На нее выделялось 5–10% всего дохода ВЛКСМ. Такая же статья появилась в бюджетах 12 местных комсомольских организаций, девять из которых имели международные молодежные лагеря, а также в Московской, Ленинградской и Ульяновской (дом-музей В. И. Ленина). Организация ВЛКСМ Татарской АССР начала получать средства на международную информацию только после открытия международного молодежного лагеря «Волга» в 1967 г. В 1970 г. деньги выделялись уже 33 ЦК ЛКСМ союзных республик, крайкомам и обкомам. Суммы варьировались от 2 до 14 тыс. рублей. Самое большое ассигнование получали Ульяновский (4–6 тыс. рублей), Московский (6–7 тыс. рублей) и Ленинградский (14–15 тыс. рублей) обкомы.

**Средства, выделенные на международную деятельность ЦК ВЛКСМ
(млн руб.)¹³**

Статья расхода	1961 г.	1965 г.	1970 г.	1974 г.	1979 г.
КМО СССР	2,0	0,4	0,4	0,4	0,5
Международная информация	—	2,8	4,2	4,8	8,6

¹¹ Там же. Д. 82. Л. 25.

¹² Там же. Л. 24.

¹³ Составлено по: РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 49. Д. 67. Л. 17; Оп. 49. Д. 149. Л. 50; Оп. 82. Д. 33. Л. 20; Оп. 82. Д. 981. Л. 151.

Представляя финансовый отчет за 1962 г., Управление делами отметило, что ЦК ВЛКСМ и региональные комитеты много денег тратили на обслуживание иностранных делегаций. Было предложено сократить расходы на проезд, провоз багажа и оплату гостиниц, а также ликвидировать практику вручения дорогостоящих подарков. В итоговом постановлении были установлены нормы расходов на питание зарубежных молодежных делегаций в ресторанах на сумму не более 4 руб. 50 коп. в сутки, в вагонах-ресторанах — 2 руб. 50 коп. в сутки; на культурное обслуживание одного человека — 1 рубль¹⁴.

Тем не менее, расходы на международную деятельность ЦК ВЛКСМ продолжали ежегодно увеличиваться. В 1964 г. на работу КМО комсомольским бюджетом было выделено 350 тыс. рублей, на международную информацию — 2,7 млн рублей, которые были израсходованы на: оплату взносов во Всемирную федерацию демократической молодежи (ВФДМ) и Международный союз студентов (МСС) — 375,4 тыс. рублей (за советскую делегацию и делегацию Марокко — в качестве братской помощи); проведение Всемирного форума молодежи в Москве — 1,3 млн рублей; прием и обслуживание молодежных делегаций зарубежных стран — 513,7 тыс. рублей; проведение лагеря молодых французов и итальянцев — 95 тыс. рублей; оказание единовременной помощи Союзам молодежи зарубежных стран — 290 тыс. рублей; организация выставок «Советская молодежь» — 35 тыс. рублей¹⁵.

Ограничивая расходы местных комитетов комсомола и призывая их к жесткой экономии, ЦК ВЛКСМ сам допускал большие нецелевые траты. На заседании Секретариата ЦК КПСС 23 января 1968 г. обсуждались внушительные суммы, расходуемые КМО СССР и ЦК ВЛКСМ на приемы иностранных молодежных организаций. Однако, высоко оценивая необходимость международного сотрудничества с зарубежными молодежными организациями, в принятом постановлении ЦК КПСС ограничился осуждением «неправильного стиля руководства» комсомольской организацией, рекомендацией бережнее расходовать средства и снятием с работы председателя Комитета молодежных организаций СССР В.Г. Ярового¹⁶.

В дальнейшем расходы, связанные с международной деятельностью, комсомольское руководство согласовывало с партийным начальством. В 1968 г. первый секретарь ЦК ВЛКСМ С.П. Павлов обратился в ЦК КПСС с просьбой разрешить потратить 281 тыс.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 44. Д. 165. Л. 6.

¹⁵ Там же. Оп. 49. Д. 176. Л. 29.

¹⁶ Секретариат ЦК КПСС. Рабочие записи и протоколы заседаний. 1968 г. М., 2021. С. 42.

долларов и 305 тыс. рублей из комсомольского бюджета на подготовку к IX Международному фестивалю молодежи и студентов в Софии. По просьбе болгарских друзей регистрационный взнос в Международный фонд фестиваля за одного человека был увеличен до пяти американских долларов и составил 171 тыс. долларов, регистрационный взнос — 4 тыс. долларов, плата за участие советской делегации — 56 тыс. рублей, расходы на подготовку советской делегации — 250 тыс. рублей. На оказание помощи в оплате проезда участников фестиваля из развивающихся стран требовалось 50 тыс. долларов. ЦК КПСС разрешение дал при условии, что все расходы ЦК ВЛКСМ покроет из своего бюджета. По окончании фестиваля Болгарскому Комитету по радиовещанию и телевидению было подарено девять камер, четыре ретранслятора, 56 единиц аппаратуры звукового сопровождения — микрофоны, телефонные аппараты, а также осветительные приборы¹⁷.

Протестные движения молодежи, начавшиеся в Западной Европе в 1968 г., активизировали антисоветские настроения студенчества Чехословакии и республик Прибалтики, которое, в том числе, выражало недовольство работой комсомольской организации¹⁸. ЦК ВЛКСМ принял решение усилить идеологическую и воспитательную работу в комсомольских организациях союзных республик, а также сотрудничество с зарубежной молодежью. Это, естественно, привело к увеличению средств, выделяемых на международную деятельность из бюджета ВЛКСМ.

В 1974 г. расходы на международную деятельность ВЛКСМ составили 4,8 млн рублей, из которых только 342,4 тыс. рублей получили местные комитеты по статье «международная информация». Участие советской делегации в X Всемирном фестивале молодежи и студентов молодежи обошлось в 839,9 тыс. рублей, оказание помощи МПК фестиваля — 3,3 млн рублей.¹⁹ Остальные средства были израсходованы на проведение XI Ассамблеи Всемирной Федерации демократической молодежи, оказание единовременной помощи союзам молодежи зарубежных стран, прием и обслуживание зарубежных делегаций, расходы по командировкам иностранных студентов в советские комсомольские организации. При этом на заседании Бюро ЦК ВЛКСМ 14 января 1974 г. в ходе обсуждения бюджета на следующий год было принято решение сократить дотацию местным

¹⁷ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 1с. Д. 728 с. Л. 30–37.

¹⁸ Волков А.П., Галдобина С.В. Молодежь и советское государство в 60–80-е гг. XX столетия: некоторые проблемы эффективности воспитания и взаимоотношений // Вестник Екатеринбургского института. 2016. № 4 (36). С. 7–15.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 82. Д. 1. Л. 42.

комсомольским организациям до 31,1 тыс. рублей, а расходы на международную информацию увеличить только на 50 тыс. рублей²⁰.

Ревизионные комиссии, инспектировавшие финансовую деятельность Управления делами ЦК ВЛКСМ, отмечали, что за период с 1970 по 1974 г. доходы ВЛКСМ выросли на 83%, главным образом — за счет членских взносов и привлеченных средств. В то же время выросли и расходы. Причем в первую очередь — на капитальное строительство, подготовку кадров, международную деятельность и содержание аппарата ЦК ВЛКСМ. На торжественных ужинах в меню включались вино-водочные изделия, дорогие шоколадные конфеты, фрукты. Например, прием в Москве делегации Всеиндийской федерации молодежи в апреле 1970 г. обошелся в 35 тыс. рублей. Только на питание за пять дней было израсходовано 1220 руб. 86 коп., в том числе на вино-водочные изделия, пиво, фрукты и шоколад — 198 руб. 85 коп. Вместо сувениров пропагандистского характера (открытки, значки и книги) со склада были получены серебряные запонки, янтарные кулоны и броши, портмоне и винные наборы²¹.

Также контролеры отметили, что КМО расходовал значительные средства на международные переговоры, до 22 тыс. рублей в год. Переводчикам КМО выплачивались немалые суммы, от 35 до 45 тыс. рублей. При проверке экзаменационных листов сотрудников выяснилось, что несколько переводчиков не знали иностранных языков. Пять человек сдавали немецкий язык комиссии, в состав которой входили двое военных, не владеющих иностранными языками, и два переводчика с французского и английского.

В документах ЦК ВЛКСМ отсутствовали финансовые отчеты о количестве денежных средств, переданных в качестве помощи молодежным организациям зарубежных стран. Ревизия установила, что материальная помощь составила в 1971 г. 291,3 тыс. рублей, в 1972 г. — 309,6 тыс. рублей, в 1973 г. — 490,7 тыс. рублей. Со склада выдавались кинокамеры, приемники, магнитофоны, фотоаппараты, которые вручались в качестве подарков зарубежным делегациям без подтверждающих документов и актов передачи. До 100 тыс. рублей ежегодно выделялось на подготовку информационно-пропагандистских материалов для зарубежных молодежных организаций.

При приеме иностранных делегаций практически не использовался общественный транспорт. Гостей и комсомольских работников обслуживали машины ЦК ВЛКСМ. Соответственно, транспортные расходы составили в 1971 г. 164,4 тыс. рублей, в 1972 г. — 209,0 тыс.

---

²⁰ Там же. Оп. 67. Д. 599. Л. 15.

²¹ РГАСПИ. Ф. 23. Оп. 1. Д. 21. Л. 48.

руб., в 1973 г. — 174,6 тыс. руб. Однако заключения и акты ревизионных комиссий не вышли за пределы ЦК ВЛКСМ. Для сравнения: на весь комплекс хозяйственных расходов (содержание и приобретение транспорта, ремонт помещений и обеспечение инвентарем комитетов комсомола) Татарской организации ВЛКСМ в 1973 г. было выделено 186,3 тыс. рублей на год²².

В 1976–1977 гг. на международную деятельность ЦК ВЛКСМ выделялось от пяти до шести млн рублей, из которых местные комитеты получали только 452,6–500,0 тыс. рублей²³.

На международную информацию в 1977 г. ЦК ВЛКСМ выделило 8,1 млн рублей. Местные комитеты при этом получили всего 472,2 тыс. рублей, из которых было израсходовано на проведение вечеров молодежи с зарубежной молодежью 72,4 тыс. рублей; обслуживание делегаций и содержание агитмашин — 149,9 тыс. рублей; на содержание автобусов для обслуживания делегаций — 125,6 тыс. рублей; на междугородние переговоры — 78,3 тыс. рублей; на сувениры — 46 тыс. рублей²⁴. Расходы КМО составили 567 тыс. рублей.

Ассигнования на международную информацию распределились следующим образом: уплата взносов ВФДМ и МСС — 531 тыс. рублей; оказание единовременной помощи братским союзам молодежи зарубежных стран — 700 тыс. рублей; доленое участие в строительстве Дворца пионеров в Ханое — 1000 тыс. рублей; проведение фестивалей, трудовых лагерей, международных молодежных семинаров-конференций, недель дружбы, клубов, конкурсов — 2440 тыс. рублей; прием и обслуживание молодежных международных делегаций — 1000 тыс. рублей. Управление делами отметило, что расходы по статье увеличены по сравнению с 1976 г. на 362 тыс. рублей (4,7%)²⁵.

В финансовом отчете ЦК ВЛКСМ за 1978 г. содержится исполнительная смета расходов на подготовку и участие делегации советской молодежи в XI Всемирном фестивале молодежи и студентов на Кубе. Общие расходы составили 13,3 млн рублей и 366 тыс. долларов²⁶. В эту сумму вошли: регистрационный взнос в фонд фестиваля 420 тыс. долларов (1000 человек по 20 долларов за человека), оказание материальной помощи Национальному подготовительному комитету Кубы — 6,1 млн рублей (продукты, бумага, строительные

---

²² Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. П-4034. Оп. 42. Д. 1002. Л. 13.

²³ РГАСПИ Ф. М-1. Оп. 82. Д. 500. Л. 63.

²⁴ Там же. Д. 981. Л. 174.

²⁵ Там же. Д. 547. Л. 12.

²⁶ Там же. Д. 780. Л. 66–67.

материалы, ткани, магнитофоны, ротаторы, автобусы), расходы на подготовку и участие советской делегации — 3,2 млн рублей.

В рублях оплачивался проезд участников, командировочные и суточные, пропагандистские и издательские расходы (политическая литература и плакаты, фотовыставки, открытки и показ фильмов, изготовление пластинок, лозунгов, приобретение буклетов «Советские космонавты», издание вестника фестиваля, изготовление панно «Л.И. Брежнев и Ф. Кастро»), оформление колонны демонстрантов (изготовление плакатов, приобретение цветов, головных уборов, одежды и обуви), аренда автомобилей; материально-техническое обеспечение выступления советских молодежных коллективов; приобретение телефонных станций, кондиционеров, медикаментов. Оплата в долларах шла на проведение встреч с иностранными делегациями, приобретение международных водительских прав, аккредитацию групп советских журналистов и сотрудников, карманные расходы советской делегации.

Необходимо отметить, что согласно бюджету, в 1978 г. на работу КМО и международную информацию было выделено 8,5 млн рублей, тогда как реальные расходы составили 13,5 млн рублей. Закономерно возникает вопрос об источниках недостающей суммы. Ответ содержится в финансовом отчете ВЛКСМ и документах местных комитетов, которые свидетельствуют, что в течение года комсомольские организации проводили субботники и воскресники, собранные средства от которых напрямую перечислялись в фонд фестиваля. Таким образом, недостающую сумму ЦК ВЛКСМ получил из привлеченных средств местных комитетов.

Комсомольская организация, созданная с целью воспитания советской молодежи, постепенно распространяла свою идеологическую работу на молодежные организации зарубежных стран, для чего использовались не только туристические обмены посредством КМО и БММТ «Спутник». В рамках международной деятельности, которая стала важным направлением работы и достаточно большой статьей расхода комсомольского бюджета, оплачивалось проведение международных фестивалей и форумов, а также оказывалась значительная финансовая помощь молодежным организациям стран Восточной Европы, Азии и Африки. О значимости данного направления работы ВЛКСМ свидетельствует тот факт, что в условиях самофинансирования и ограниченного бюджета до 10% от всего дохода тратилось на международную деятельность. Причем это происходило зачастую в ущерб финансированию местных комитетов комсомола, ассигнования на обеспечение работы которых росли на протяжении исследуемого периода крайне медленно.

References

Andreev A.I., Ilyin I.V. *Obshchestvennyye dvizheniya molodezhi i molodezhnaya politika: istoricheskiy ekskurs: sbornik nauchnykh trudov* [Social Movements of Youth and Youth Policy: An Insight into History: A Collection of Research Papers] / Ed. by I.V. Ilyin, D.G. Shkaev. Moscow: INION RAN, 2012. P. 107–110.

Boldovsky K.A., Pivovarov N. Yu. *Na puti k "brezhnevskoy stabil'nosti": Sekretariat Tsentral'nogo Komiteta Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza v 1966–1968 godakh* [On the Way to "Brezhnev Stability": Secretariat of the Central Committee of the CPSU, 1966–1968] // *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2020. Vol. 10. N 3. P. 685–701.

Bureeva E.V. *Formirovaniye byudzheta komsomol'skikh organizatsiy v 1960-ye gody* [Shaping the Budget of the Komsomol Organizations in the 1960s] // *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2021. Vol. 11. N 2. P. 489–505.

Golovchansky Yu.N. *Sotrudnichestvo soyuzov molodezhi yevropeyskikh sotsialisticheskikh stran po voprosam internatsional'nogo vospitaniya molodezhi (na materialakh soyuzov molodezhi SSSR, NRB, VNR, CHSSR i GDR za 1960–1980 gg.)*. Diss. ... *kanidata istoricheskikh nauk* [Cooperation among European Socialist Countries Unions of Youth on the Issues of Internationalist Upbringing of Youth (Based on the Materials of the Unions of Youth of the USSR, the People's Republic of Belarus, Hungary, Czechoslovakia and the GDR, 1960–1980). PhD Candidate Diss. in History]. Lvov: Lvovskiy gosudarstvennyy universitet, 1984. 229 p.

Mashkova A.M. *BMMT "Sputnik" v 1958–1968 gg.: stanovleniye i razvitiye molodezhnogo inostrannogo turizma v SSSR*. Diss. ... *kanidata istoricheskikh nauk* [BMMT "Sputnik" in 1958–1968: Formation and Development of Foreign Youth Tourism in the USSR. PhD Candidate Diss. in History. Moscow: Rossiyskiy gosudarstvennyy universitet turizma i servisa, 2011. 237 p.

Orlov I.B. *Byuro Mezhdunarodnogo molodezhnogo turizma "Sputnik": mezhdustsilloy ideologii" i "Kharibdoy pribyli"* [Sputnik International Youth Tourism Bureau: between the "Scylla of Ideology" and "Charybdis of Profit"] // *Problemy rossiyskoy istorii*. 2010. N 1 (10). P. 142–154.

Orlov I.B., Mashkova A.M. *Inostrannyy molodezhnyy turizm v SSSR 1958–1964 gg.* [Foreign Youth Tourism in the USSR, 1958–1964] // *Rossiyskaya istoriya*. 2011. N 6. P. 155–165.

Orlov I.B., Popov A.D. *Skvoz' "zheleznyy zhanes"*. See USSR!: *inostrannyye turisty i prizrak potemkinskikh dereven'* [Through the Iron Curtain. See the USSR!: Foreign Tourists and the Ghost of the Potemkin Villages]. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2018. 484 [1] p.

Putrik Yu.S. *Turisticheskoye byuro "Sputnik": rol' v razvitiy mezhdunarodnykh molodezhnykh obmenov* [Tourist Bureau "Sputnik": Its Role in the Development of International Youth Exchanges] // *Nauchnyye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*. 2018. N 6. P. 72–79.

Sokolova V.I. *Mezhdunarodnyye svyazi molodezhi SSSR v gody khrushchevskoy "ottepeli"* [International Relations of the Soviet Youth during the "Khrushchev Thaw"] // *Promyshlennost': upravleniye, ekonomika, tekhnologii*. 2008. N 4. P. 186–189.

Volkov A.P., Galdobina S.V. *Molodezh' i sovetskoye gosudarstvo v 60–80-ye gg. XX stoletiya: nekotoryye problemy effektivnosti vospitaniya i vzaimootnosheniya* [Youth and the Soviet State in the 1960–1980s: Certain Issues of the Impact of Education and Relationships] // *Vestnik Yekaterininskogo instituta*. 2016. N 4 (36). P. 7–15.

Поступила в редакцию
2 февраля 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-3-97-121

О.Е. Казьмина, Т.Д. Соловей

**ГЕНЕАЛОГИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ:
КАФЕДРА, ЛИЧНОСТИ, ТРАНСЛЯЦИЯ ТРАДИЦИИ
(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА
Г.Е. МАРКОВА)**

О.Е. Kaz'mina, T.D. Solovey

**GENEALOGY OF UNIVERSITY ETHNOGRAPHY:
DEPARTMENT, PERSONALITIES, TRADITION
TRANSMISSION (TO THE 100th ANNIVERSARY
OF THE BIRTH OF PROFESSOR G.E. MARKOV)**

Аннотация. Данная статья — дань памяти и уважения крупному российскому этнологу, археологу и историку первобытного общества, доктору исторических наук, профессору кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Геннадию Евгеньевичу Маркову. Авторы поставили задачу дать развернутый анализ научного вклада и жизненного пути выдающегося советского/российского ученого, поместив изложение в широкий социокультурный и интеллектуальный контекст, вписав судьбу человека в судьбу страны и общества. Биография Г.Е. Маркова тесно связана с историей кафедры этнографии/этнологии истфака МГУ и выступает серьезным основанием для реконструкции генезиса университетской этнографии и ее динамики на протяжении без малого 85 лет. Столь солидный срок существования университетской кафедры и ее устойчивая результа-

---

Казьмина Ольга Евгеньевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kaz'mina Olga Evgenyevna, Doctor in History, Head of the Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

okazmina@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-1708-2933

Соловей Татьяна Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Solovey Tatiana Dmitrievna, Doctor in History, Professor, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

tsolovei19@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7453-297X

Статья подготовлена в рамках междисциплинарной научно-образовательной школы МГУ «Сохранение мирового культурного наследия».

тивность в деле подготовки профессиональных кадров в существенной степени были обеспечены высокой квалификацией научно-педагогических кадров, опорой на прочные теоретико-методологические основания и междисциплинарность, сочетанием здорового консерватизма с гибкостью и адаптивностью в отношении вызовов времени, способностью сохранять дисциплинарный континуитет и обеспечивать трансляцию цеховой традиции. Все эти составляющие успешного развития университетской этнологии подвергнуты в статье всестороннему и взвешенному анализу. Научная и человеческая биография Г.Е. Маркова — во всех проявлениях ее типичности и особенности — составляет смысловой стержень анализа и изложения. Авторы предлагают свой взгляд на сложные и остро дискуссионные вопросы профессионального самоопределения, касающиеся логики научного открытия, соотношения полевых и кабинетных исследований, влияния идеологии и политики на научную мысль. В статье представлено авторское видение перспектив развития кафедры этнологии, исходящее из гармоничного сочетания этнологического и антропологического подходов к пониманию дисциплинарных рамок, безусловной опоры на научную традицию и ее интеллектуальные авторитеты, необходимости усовершенствования методов учебной подготовки в направлении инструментальности и практико-ориентированного характера, что позволит выпускникам кафедры быть востребованными и оставаться в профессии.

Ключевые слова: кафедра этнологии, советская этнография, история первобытного общества, религиоведение, нomaдология (кочевниковедение), история немецкой этнологии и народоведения, междисциплинарность.

Abstract. The article is a tribute of respect to the memory of Gennady Evgenyevich Markov, a major Russian ethnologist, archaeologist and historian of primitive society, doctor in history, professor of the Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. The authors provide a detailed analysis of the scientific contribution and life path of the outstanding Soviet/Russian scholar and place their narrative in a broad socio-cultural and intellectual context of the country and society. G.E. Markov's biography is closely connected with the history of the Department of Ethnography/Ethnology at the Faculty of History, Moscow State University and serves as a serious basis for reconstructing the genesis of university ethnography and its dynamics over the course of nearly 85 years. Such a long period of existence of the university department and its sustainable effectiveness in training professional staff were essentially ensured by the high qualification of scientific and pedagogical staff, reliance on solid theoretical and methodological foundations and interdisciplinarity, a combination of conservatism with flexibility and adaptability to the challenges of the time, the ability to preserve disciplinary continuity and ensure the transmission of the scholarly tradition. All these components of the successful development of university ethnology are subjected to a comprehensive and balanced examination in the article. G.E. Markov's biography in all its typical and special manifestations forms the semantic core of the analysis and presentation. The authors offer their view on complex and sharply debatable issues of professional self-determination,

the logic of scientific discovery, the correlation between field and desk research, the influence of ideology and politics on scientific thought. The article presents the authors' vision of the prospects for the development of the Department of Ethnology, based on a harmonious combination of ethnological and anthropological approaches to understanding the disciplinary framework, unconditional reliance on scholarly tradition and its authorities, the need to improve the methods of training in terms of instrumentality and practice-oriented nature, which will allow graduates of the department to be in demand and stay in the profession.

Keywords: Department of Ethnology, Soviet ethnography, history of primitive society, religious studies, nomadology (nomadic studies), history of German ethnology and folk studies, interdisciplinarity.

* * *

21 июня 2023 г. исполнилось сто лет со дня рождения Г.Е. Маркова (1923–2018), выдающегося российского ученого. Масштаб личности Геннадия Евгеньевича Маркова, величина его вклада в науку и образование, его след в истории кафедры этнологии исторического факультета Московского университета таковы, что его юбилей заставляет нас, его преемников, не только почтить его память, вспомнить его научную биографию, посмотреть на нее в контексте развития кафедры, но и «сверить часы» — взглянуть на генеалогию российской этнографии/этнологии, прежде всего университетской, и осмыслить современные задачи, стоящие перед цеховым этнологическим сообществом и кафедрой этнологии.

Становление этнографии/этнологии как университетской дисциплины восходит еще к середине 80-х гг. XIX века и деятельности Д.Н. Анучина. В 1925–1930 гг. в МГУ существовал этнологический факультет, на котором работало немало учеников и последователей Д.Н. Анучина, расформированный из-за идеологизации гуманитарного образования. Восстановление институционализации дисциплины, а вместе с ней рождение кафедры этнографии произошло лишь в 1939 г. От этой вехи университетские этнографы/этнологи ведут свою профессиональную «родословную», самоопределяясь в отношении впечатляющей плеяды учителей и предшественников. Одно из самых значительных мест в цеховой традиции занимает доктор исторических наук профессор Г.Е. Марков. Его жизнь и научная биография тесно связаны с Московским университетом и кафедрой, которую он возглавлял в 1973–1986 гг. Крупный ученый и автор ряда прорывных открытий и идей, блестящий лектор и педагог, эффективный организатор науки, настоящий русский интеллигент и яркий харизматик Марков выступал и выступает воплощением большого стиля в науке и бесспорной системой соотнесения для многих поколений ученых-этнологов.

Без малого 85 лет существования кафедры этнографии/этнологии — это одновременно драматический и вдохновляющий путь становления, поиска своего места в системе гуманитарного знания, кристаллизации структурных оснований, непрерывного совершенствования форм и методов профессиональной подготовки. На каждом этапе истории страны и общества кафедре приходилось отвечать на вызовы времени и решать специфические задачи, вытекающие из структуры момента.

На долю первого заведующего, историка-востоковеда, этнографа и археолога С.П. Толстова¹, возглавлявшего кафедру в 1939–1952 гг., выпала титаническая задача: совершить в корпорации профессиональных историков перелом от взгляда на этнографию как сугубо описательную и вспомогательную (при истории) дисциплину до признания ее наукой, равноценной в семье исторических дисциплин, обладающей собственным предметом и качественной спецификой. От этого зависела перспектива этнографического образования в СССР, ведь в унифицировавшейся системе высшего образования Московский университет все заметнее выступал в качестве эталонного, задающего образцы.

Поиск оптимальной формы организации этнографической подготовки в контексте исторического образования, обеспечение учебного процесса учебно-методической литературой и наглядными пособиями, получение ресурсов для финансирования экспедиций и материального обеспечения студентов и преподавателей — вот далеко не полный перечень проблем, удовлетворительное решение которых было обеспечено усилиями и организаторскими способностями С.П. Толстова². Укреплению позиций кафедры этнографии в системе исторического образования способствовало и то, что С.П. Толстов в 1943–1945 гг. был деканом факультета.

Являясь одновременно директором Института этнографии АН СССР, С.П. Толстов пригласил на кафедру блестящих ученых, совмещавших преподавание с научной работой в институте. Среди первого состава преподавателей кафедры были С.А. Токарев, М.О. Косвен, Н.Н. Чебоксаров, В.И. Чичеров, Е.М. Шилинг, Б.И. Шаревская. У них довелось учиться студенту Маркову.

---

¹ Подробнее о нем см.: *Раннопорт Ю.А., Семенов Ю.И.* Сергей Павлович Толстов: выдающийся этнограф, археолог, организатор науки // *Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Сост. Д.Д. Тумаркин.* Отв. ред. В.А. Тишков, Д.Д. Тумаркин. М., 2004. С. 184–233.

² Подробнее см.: *Соловей Т.Д.* Власть и наука в России. Очерки университетской этнографии в дисциплинарном контексте (XIX — начало XXI вв.). М., 2004. С. 251–264.

Тогда, в первый период существования кафедры, формировались основы ее учебной программы, сочетавшей общетеоретические курсы, включая теоретические подходы к изучению первобытного общества, курсы по этнографии регионов — зарубежных и отечественных, и серьезную полевую подготовку. И в теоретических курсах, и в региональных поддерживалась мощная междисциплинарная составляющая. Для этнографического изучения привлекались данные смежных дисциплин: археологии, физической антропологии, лингвистики, географии. С самого начала закладывалось и тесное взаимодействие академической науки и науки вузовской, обеспечивавшее устойчивое развитие обеих ветвей.

С 1952 г. С.П. Толстов полностью сосредоточился на работе в Институте этнографии АН СССР, передав кафедру видному историку, антропологу и этнографу Н.Н. Чебоксарову³ (заведовал кафедрой до 1956 г.). Проблема институционализации кафедры была успешно решена, а на повестке дня стояла задача дальнейшего развития профессионального обучения. Обширная эрудиция Н.Н. Чебоксарова, его способность ставить наиболее животрепещущие проблемы теории и практики этнологической науки имели своим результатом расширение концептуальной рамки этнографии: Н.Н. Чебоксаров первым привлек внимание студентов к проблеме теории этноса и этнических процессов. Становилась более разнообразной и предметная тематика.

Состоявшаяся институционализация университетской этнологии и формирование концепции этнографического образования ознаменовались подготовкой собственных преподавательских кадров⁴. Первой выпускницей кафедры, пополнившей ее преподавательский состав в 1949 г., стала К.И. Козлова. В 1953 г. еще три выпускника начали преподавать на кафедре этнографии. Это были Г.Е. Марков, М.В. Витов и Г.Г. Громов. С этого момента и до конца своих дней Г.Е. Марков трудился на кафедре.

С середины 1950-х гг. меняется характер взаимодействия между государством и гуманитарной наукой. Новый режим можно назвать патерналистским. Если в целом для этнографии политика государственного патернализма имела амбивалентные последствия, то на развитие науки в университете и в системе высшего образования вообще ее влияние было позитивным. Начатая Московским университетом институционализация этнографии как учебной дисциплины

---

³ Подробнее о нем см.: Решетов А.М. Николай Николаевич Чебоксаров: портрет ученого в контексте его времени // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. С. 358–397.

⁴ Подробнее см.: Соловей Т.Д. Указ. соч. С. 251–264.

приобрела в 1960–1970-е гг. общесоюзный размах: этнография получила статус обязательного предмета и стала неотъемлемой частью исторического образования в крупнейших университетах страны. Кафедра этнографии МГУ достигла положения головной в системе профессионального образования. Незаурядные научные достижения заслужили университетской этнографии высокую репутацию в стране и за ее пределами⁵.

В период с 1956 по 1973 г. кафедрой руководил ученый-энциклопедист, крупнейший этнограф и религиовед С.А. Токарев⁶. Это было время, когда авторитет университетской этнографии, ее учебный и научный статус были на высоте и не подвергались сомнению. В 1958 г. выходит ставший знаменитым учебник С.А. Токарева «Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры»⁷, написанный им на основе читавшегося на кафедре этнографии, а позже и в других советских и зарубежных вузах курса лекций, учебник, не потерявший своей научной значимости по сей день. А десятилетием позже, в 1968 г., под редакцией С.А. Токарева выходит первый вузовский учебник «Основы этнографии»⁸.

Со времен С.А. Токарева традиционным исследовательским направлением кафедры стало изучение истории этнологической науки — западной и отечественной. По этой тематике им были написаны труды, долгое время остававшиеся основными в подготовке студентов⁹. Еще одним направлением, прочно вошедшим в тот период в тематику кафедры при С.А. Токареве, стало религиоведение. Его перу принадлежит целый ряд блестящих фундаментальных работ, посвященных изучению религии¹⁰.

Благоприятные условия развития науки и образования отнюдь не означали отсутствия напряженности и внутридисциплинарных коллизий и проблем. И здесь многое зависело от личности руководителя. Так, именно в «токаревский» период заметно снизилась (по

---

⁵ Подробнее см.: там же. С. 294–309.

⁶ Подробнее о нем см.: Благодарим судьбу за встречу с ним. (О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке). М., 1995; Козлов С.Я. Сергей Александрович Токарев: «этнографический университет» // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. С. 397–450.

⁷ Токарев С.А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М., 1958.

⁸ Основы этнографии / Под ред. С.А. Токарева. М., 1968.

⁹ Токарев С.А. История русской этнографии (Дюоктябрьский период). М., 1966; Он же. Истоки этнографической науки (до середины XIX в.). М., 1978; Он же. История зарубежной этнографии. Учеб. пособие. М., 1978.

¹⁰ Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века. М., 1957; Он же. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964; Он же. Религия в истории народов мира. М., 1964.

сравнению с 1950-ми гг.) интенсивность научных связей двух крупнейших этнологических центров советской столицы — академического института и университетской кафедры. Шло размежевание университетской и академической науки в Москве, характерное, впрочем, не только для этнографии. Отчасти оно было вызвано институциональной конкуренцией, отчасти — традиционно присущим системе высшего образования большим консерватизмом по сравнению с академической наукой, более открытой новым веяниям и готовой к экспериментам. Напряженность и коллизии институциональных отношений во многом проистекали также из непростых личных отношений директора (до 1965 г.) Института этнографии АН СССР С.П. Толстова и С.А. Токарева, который помимо заведования кафедрой возглавлял институтский сектор. Косвенным подтверждением предположения о влиянии личного фактора на институциональные отношения может служить тенденция к нормализации связей профильного института и университетской кафедры этнографии после того, как в 1973 г. заведующим кафедрой стал Г.Е. Марков.

Есть все основания полагать, что на рубеже 1960–1970-х гг. кафедра этнографии МГУ вступила в фазу своего расцвета, подобно тому, как расцвет переживала советская наука в целом. Государственная политика, выражавшаяся в стабильной поддержке этнографии, хорошем финансовом обеспечении значительных масштабов экспедиционно-полевой работы, поддержании высокого социального статуса науки и престижа ученых, бесперебойном притоке свежих кадров в науку, стимулировала успешное поступательное развитие университетской этнографии.

Г.Е. Марков¹¹ руководил кафедрой этнографии с 1973 по 1986 г. Яркий ученый и организатор науки, он воплощал самые сильные стороны советской науки того периода. Вместе с тем он демонстрировал и определенную инаковость по сравнению с нормативистскими характеристиками советского ученого. Масштабная фигура Г.Е. Маркова заслуживает специального историографического анализа. Его научная биография взламывала историографические и науковедческие аксиомы, касающиеся логики научных открытий, соотношения полевых и кабинетных исследований, влияния идеологии и политики на науку.

---

¹¹ Подробнее о нем см.: *Аникин Н.В., Соловей Т.Д.* Авторитетный исследователь, талантливый педагог и крупный организатор науки. (К 90-летию со дня рождения и 60-летию научной и педагогической деятельности д.и.н., профессора Г.Е. Маркова) // Проблемно-тематическое пространство и теоретические границы современной этнологии. К юбилею профессора Г.Е. Маркова. Сб. научных статей / Отв. ред. Т.Д. Соловей. М., 2013. С. 7–12.

Г.Е. Марков рос в семье потомственных русских интеллигентов, которую, к счастью, миновали жестокие и противоречивые события 1930-х гг. XX в. В юношеские годы его интересы и увлечения — история и этнография Азии — сформировались под влиянием дяди, известного археолога и этнолога В.Н. Чернецова. Великую Отечественную войну Г.Е. Марков прошел с первых дней до победного мая 1945 г. Несколько наград, боевой опыт и свободное владение немецким языком открывали перед ним возможность блестящей военной карьеры. В послевоенном контексте это казалось едва ли не лучшим способом самореализации. Но Г.Е. Марков делает неожиданный для многих выбор в пользу науки. Об этом он вспоминал в своем последнем интервью: «Меня моя военная специальность как-то не увлекала <...> Я хотел учиться, заниматься этнографией, и я начал писать заявления, написал в общей сложности 15 заявлений. В конечном счете, меня отпустили и дали бумажку. Когда потом в Москве разные начальники смотрели на эту бумажку, они глазам своим не верили — там было написано “уволен по личной просьбе”»¹². В студенческие и аспирантские годы на кафедре этнографии МГУ (1946–1954) проявились такие личностные константы исследователя, как последовательность и основательность. Еще студентом Г.Е. Марков возглавил этнографический отряд Хорезмской экспедиции, сумев проложить собственную исследовательскую колею в изучении Средней Азии в ситуации, когда эта сфера (цивилизация Хорезма) была фактически монополизирована амбициозным и не терпевшим конкуренции С.П. Толстовым.

Первая, аспирантская, научная статья Г.Е. Маркова была издана в 1954 г. в Англии в очень авторитетном научном журнале¹³ — факт весьма редкий, а по тем временам просто невиданный, свидетельствующий о научной зрелости и большом потенциале молодого ученого. Кандидатская диссертация, посвященная истории формирования северных туркмен, была успешно защищена в том же году. Здесь надо иметь в виду, что востоковедная проблематика находилась на пике интеллектуальной моды и одновременно являлась одним из императивов советской политики модернизации, т.е. представляла собой весьма конкурентную среду, где Г.Е. Марков не потерялся, обозначив серьезные научные позиции.

Не в последнюю очередь этот успех вытекал из того, что молодой исследователь обнаружил редкую способность сочетать эмпириче-

---

¹² Аникин Н.В., Соловей Т.Д. Интервью с Г.Е. Марковым // Проблемно-тематическое пространство и теоретические границы современной этнологии. С. 24.

¹³ *Markov G. The Turkmen population of the Khorasm oasis // Asian Review. N 184. Vol. 1. October 1954. P. 22–39.*

скую полевую и аналитико-теоретическую работу, демонстрируя одинаково высокий уровень в этих качественно различных формах научной активности и оставаясь и в дальнейшем верным этому подходу. Тридцать полевых сезонов Г.Е. Маркова в Средней Азии (преимущественно в Туркмении) позволили ему не просто собрать и обобщить огромный фактический материал, но и выстроить на его основе глубокие теоретические конструкции. «Поле» в этом случае было инструментом познания, верификации научных гипотез. Постепенно наметился заметный крен в пользу поля археологического и этноархеологии как перспективного синтеза двух дисциплин, как действительно работающего эвристического междисциплинарного проекта. Междисциплинарность Г.Е. Маркова — это не механистическое соединение элементов разных дисциплин, а вклад в каждую из них. Его в плане цеховой принадлежности считают своим и этнологи, и археологи. Коллекция памятников неолита и мезолита западной части Центральной Азии, собранная Г.Е. Марковым за время возглавляемой им Туркестанской археолого-этнографической экспедиции МГУ и Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР (1958–1980 гг.) (часть ее хранится в МГУ имени М.В. Ломоносова), до сих пор вызывает большой научный интерес специалистов. В частности, на протяжении нескольких последних лет археологи из Сибирского отделения РАН приезжали на кафедру этнологии, чтобы поработать с предметами этой коллекции. С целью изучения кочевых племен Западного Туркменистана в широкой исторической перспективе Г.Е. Марковым в этой экспедиции были исследованы ключевые памятники мезолита и неолита западной части Центральной Азии — Дам-Дам-Чешме 1 и 2, Оюклы 1–3 и другие. На основе собранных материалов экспедиции с помощью этно-археологического подхода Г.Е. Марков выдвинул гипотезу о том, что на территории Восточного и Южного Прикаспия, Кызылкума, Центрального Ирана и Северного Ирака существовала Каспийская археологическая этнокультурная провинция¹⁴. Современные археологические исследования подтвердили эту гипотезу.

Научное становление Маркова происходило в совсем не простом политико-идеологическом контексте. Во второй половине 1950-х гг. завершилась первая дискуссия об «азиатском способе производства», сопровождавшаяся «оргвыводами» (а ранее, в 1930-е гг., — репрессиями). Сталинская классификация этнических общностей, соотношенная с формационными стадиями марксистской версии эво-

---

¹⁴ Подробнее об этом см.: *Марков Г.Е.* Памятники каменного века в Западной Туркмении и проблема типологии археологических культур в мезолите и неолите // *История материальной культуры Узбекистана.* Вып. 12. Ташкент, 1975. С. 60–67.

люционизма, по-прежнему составляла методологическую основу советской этнографии. А в изучении социалистической модернизации и этнонационального строительства преобладала специфическая тональность научных интерпретаций: «Все республики в СССР считались равными в их историческом уровне, т.е. они (само)утверждались как государственные образования с классовой структурой общества, мифическими или реальными героями-предками»¹⁵. Такой идеологический и методологический контекст способствовал рождению в бурных дискуссиях 1950–1960-х гг. монументального конструкта «кочевого феодализма», за которым стояли «мастодонты» этнографической науки М.П. Грязнов, С.П. Толстов, Л.П. Потапов, чья научная репутация подкреплялась административными постами и званиями. Хотя после смерти Сталина и особенно после XX съезда КПСС началась постепенная гуманизация социального пространства, а «боязнь мыслить иначе, чем велит начальство, стала постепенно проходить»¹⁶, интеллектуальная и морально-психологическая инерция была еще очень сильна и характерна многим ученым — многим, но не Г.Е. Маркову.

В 1954 г. Г.Е. Марков защищает кандидатскую диссертацию «Формирование туркмен Хорезмского оазиса». Она базировалась на уникальном историческом, археологическом и этнологическом материале и позже легла в основу монографии «Очерк истории формирования северных туркмен», вышедшей в 1961 г.¹⁷ А уже в 1967 г. Г.Е. Марковым была защищена докторская диссертация на тему «Кочевники Азии». В момент защиты диссертации ему едва исполнилось 44 года: между тем «в то время существовал неписанный, но достаточно строго соблюдаемый обычай допускать к защите таких диссертаций (докторских. — О.К., Т.С.) людей лишь по достижении ими полувекового возраста»¹⁸. В 1976 г. увидела свет фундаментальная монография Г.Е. Маркова «Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации»¹⁹, вызвавшая широкий резонанс в СССР и за рубежом. Г.Е. Марков стал основоположником нового научного направления в этнологии — номадологии (кочевниковеде-

---

¹⁵ Калиновская К.П. Научное открытие в контексте эпохи. О монографии Г.Е. Маркова «Кочевники Азии» (1976) // Революции светские, религиозные, научные. Динамика гуманитарного дискурса. Памяти профессора Г.Е. Маркова. Сб. научных статей / Отв. ред. Т.Д. Соловей. СПб., 2018. С. 31.

¹⁶ Семенов Ю.И. О моем «пути в первобытность» // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы / Отв. ред. С.Я. Козлов. М., 2003. С. 168.

¹⁷ Марков Г.Е. Очерк истории формирования северных туркмен. М., 1961.

¹⁸ Семенов Ю.И. Указ. соч. С. 200.

¹⁹ Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.

ния). В книге на основе детального анализа экономики и социальной структуры наиболее известных кочевых в прошлом народов (арабов, казахов, монголов, туркмен и др.) ученый убедительно показал догматичность и ошибочность взглядов о существовании у кочевников феодальных или патриархально-феодальных отношений. Г.Е. Марков доказывал, что кочевники никогда не были феодально-зависимым населением, и предложил основательно верифицированную и блестяще аргументированную теорию социально-экономических отношений в кочевых обществах. Неординарным для своей эпохи был и взгляд Г.Е. Маркова на проблему включения туркменских племен в состав Российской империи: в монографии и ряде других публикаций он не побоялся впервые в отечественной науке выступить с публичным опровержением официозной партийно-советской точки зрения о якобы «добровольном присоединении» туркмен к России. Своими фундаментальными трудами, основанными на тщательном и глубоком осмыслении источников и историографии, Г.Е. Марков продемонстрировал, что советская этнография способна выйти за идеологизированные рамки. Авторитет его трудов за рубежом также подтверждает, что советская этнография не была чем-то изолированным и воспринималась как часть своего цеха западной антропологией. Самой возможности издания «Кочевников Азии» способствовали и внешние обстоятельства. Общество «зрелого социализма» оказалось на пересечении противоречивых тенденций. С одной стороны, «в то время вошла в моду формула “научный подход”. Новый лидер (Л.И. Брежнев. — О.К., Т.С.) демонстрировал уважение к ученым и профессионалам»²⁰. С другой стороны, в начале 1970-х гг. была насильственно оборвана начавшаяся в 1964 г. вторая дискуссия об азиатском способе производства. Появление и успех книги Г.Е. Маркова с ее радикальной новизной свидетельствовал, как минимум, об отсутствии прямой директивной цензуры. «Всевидящее око» партийных инстанций и властных структур контролировало гуманитарный сектор периферийным зрением (правда, и экспертный потенциал социогуманитарного знания становился все менее востребованным, но это уже другая история).

Академическая добротность исследовательского стиля Г.Е. Маркова (мощная эмпирическая база, широкое использование сравнительного материала, глубокая проработка историографии) практически не оставляла пространства для критики научной. Г.Е. Маркову, несмотря на неординарность подхода, удалось также избежать идеологических или культурно-ценностных инвектив. Он не был дис-

---

²⁰ Баграмов Э.А. Национальная проблематика прежде и теперь (субъективные заметки) // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. С. 56.

сидентом, но и не принадлежал к «касте» марксистов-догматиков, однако использовал эвристический потенциал этой влиятельной интеллектуальной доктрины, инкорпорируя ее концептуальные подходы в исследование, опровергавшее заезженные догмы. Используя марксизм, он никогда не «жонглировал» им, не ссылаясь к месту и не к месту на «пророков марксистского откровения» в «магико-охранительных» целях. Второе, исправленное и дополненное издание монографии Г.Е. Маркова «Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации» вышло в 2010 г.²¹, спустя значительное время и в совершенно другую эпоху, доказав тем самым, что его концепция была не сиюминутным построением, а стала фундаментальной теорией.

Научная и педагогическая карьера Г.Е. Маркова демонстрировала, что глобальная наука существовала, несмотря на идеологические и социокультурные барьеры времен «среднего» и «позднего» СССР. С середины 1960-х гг. Г.Е. Марков систематически читал лекционные курсы в европейских странах (ФРГ, Западном Берлине, ГДР, Австрии, Швейцарии, Югославии), немало поспособствовав росту интереса к отечественной этнологии за рубежом. В конце 1970-х гг. в течение года он исполнял обязанности директора Института этнологии Свободного университета Западного Берлина, где организовал ряд семинаров по российской тематике, привлечших пристальное внимание западных ученых. По его собственному признанию, никаких идейно-политических и концептуальных проблем в ходе научных контактов с западными коллегами, Г.Е. Марков не испытывал: «На Западе никаких проблем у меня не было. Дело в том, что я никогда не занимался агитацией, а излагал свою точку зрения, которая, впрочем, нисколько не противоречила существующим у нас позициям»²².

Г.Е. Марков успешно реализовал себя не только как выдающийся ученый и организатор науки, но и как блестящий педагог, давший старт «армии» студентов, десяткам аспирантов и докторантов. При этом он был носителем очень специфической педагогической модели: аристократически сдержанный и холодно отстраненный, он лишь транслировал цеховую традицию и передавал профессиональное знание, но не был наставником, покровителем или опекуном своих учеников. Он, кажется, даже не ставил цели влиять на умы, но вызывал неукротимое желание подражать такому исследовательскому и человеческому стилю. На историческом факультете Московского университета Г.Е. Марков читал курсы «История

²¹ Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. 2-е изд., испр. и доп. М., 2010.

²² Аникин Н.В., Соловей Т.Д. Интервью с Г.Е. Марковым. С. 28.

первобытного общества» и «Основы этнографии», а также большое число курсов на кафедре этнографии/этнологии: «Историография науки о народах», «Этнография народов Зарубежной Азии», «История религиозных верований и религий» и др. Все его курсы отличало сочетание теоретической насыщенности с обширной эмпирической базой, безусловной цеховой принадлежности с необходимой этнологическому знанию междисциплинарностью. Его лекции, яркие и одновременно академически строгие, не могли не вызывать интерес и привлекали многих студентов на кафедру этнографии. Г.Е. Марков был одним из авторов всех вузовских учебников по этнологии, подготовленных кафедрой²³, и соредактором двух из них. Учебник 1982 г., вышедший под редакцией директора Института этнографии АН СССР Ю.В. Бромляя и заведующего кафедрой этнографии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова знаменовал период тесного и органичного сотрудничества института и кафедры на пользу обеим институциям. У Г.Е. Маркова вышло также несколько авторских учебных пособий, в том числе «Народы Индонезии»²⁴, «История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе»²⁵. Его интерес к изучению материальной культуры опередил так называемый материальный поворот в западной антропологии.

Прекрасно осознавая пределы человеческих возможностей и чувствуя неумолимость времени, Г.Е. Марков обладал редкой способностью к самоограничению. Утратив потенциал для работы в поле, он переориентировался в область историографии, в которой также проявился его выдающийся исследовательский талант. Серия книг по истории немецкой этнологии и народоведения (включая трезвый и взвешенный анализ стигматизированного «нацистского периода»)²⁶, демонстрировала глубину и свободу интеллекта, не ангажированного идеологическими и ценностными презумпциями, а также иной «вкусовщиной».

С течением времени он оставил преподавание, сохранив статус профессора-консультанта, реально способствуя становлению молодых преподавателей и исследователей. Благодаря самодисциплине и

---

²³ Основы этнографии / Под ред. С.А. Токарева. М., 1968; Этнография / Под ред. Ю.В. Бромляя и Г.Е. Маркова. М., 1982; Этнология / Под ред. Г.Е. Маркова, В.В. Пименова. М., 1994; Основы этнологии / Под ред. В.В. Пименова. М., 2007.

²⁴ Марков Г.Е. Народы Индонезии. Учеб. пособие. М., 1963.

²⁵ Марков Г.Е. История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. М., 1979.

²⁶ Марков Г.Е. Очерки истории науки о народах. Немецкая этнология. М., 1993; Он же. Очерки истории науки о народах. Немецкое народоведение. М., 1993; Он же. Немецкая этнология. Учеб. пособие для вузов. М., 2004.

аскесе Геннадий Евгеньевич прожил долгую жизнь, сохранив ясность ума и работоспособность до последних дней. Он ушел 3 апреля 2018 г., когда оставалось около трех месяцев до его 95-летнего юбилея.

Если вернуться к периоду расцвета научной и педагогической карьеры Г.Е. Маркова и говорить о динамике научного дискурса 1970-х — первой половины 1980-х гг., то ее содержанием стал расширение дисциплинарных границ советской этнографии. Концепция этноса — основополагающее теоретическое направление в ее арсенале, — рассматривающая этнос как сложную социальную систему и целостность, стимулировала формирование на периферии этнографии суб- и пограничных дисциплин (этносоциологии, этносоциолингвистики, этнопсихологии, этнодемографии, этноэкологии и др.). Отечественными учеными они рассматривались как важный инструмент анализа современности, изучение которой в рамках этнологии стало одним из императивов того времени. Без обращения к изучению современности, современных форм проявления этничности этнология рисковала превратиться в дисциплину, пытающуюся ухватить уходящую архаику. Расширение исследовательских горизонтов было характерно не только для советской этнографии, а в еще большей степени для западной антропологии. Выделились и самоопределились на уровне самостоятельных научных обществ городская, гендерная, медицинская, политическая и другие антропологии. Предметное расширение дисциплины воспринимало не всё цеховое сообщество у нас, неоднозначно оно воспринималось и на западе. «Сами же западные антропологи начали жаловаться, что теперь антропологией стали называться почти все отрасли гуманитарного знания, и следует более четко определять собственные дисциплинарные границы, чтобы не потерять дисциплину вообще», — говорил В.А. Тишков в одном своем интервью²⁷. Значило ли это, что размываются предметные рамки этнологии или возникает угроза такого размывания? Опасение, безусловно, возникает, — опасение, но не приговор. Определенным ориентиром того, до какой степени простираются границы такого расширения без угрозы потери предмета, могут быть ответы на вопросы, насколько результаты субдисциплин помогают понять функционирование этничности в современном мире, описывают характер и параметры его культурного многообразия, насколько они базируются на традициях дисциплины, демонстрируют преимущество и вносят вклад в историографический багаж своего цеха. Подобный тест, например, проходят этнодемография (исследование этнического состава

---

²⁷ Тишков В.А. Разговоры с этнографами. СПб., 2022. С. 198.

и его картографирование, изучение переписей населения в работах С.И. Брука и П.И. Пучкова и др.) и этносоциология (изучение этничности и других идентичностей методами социологических опросов в трудах Ю.В. Арутюняна, М.Н. Губогло, Л.М. Дробижевой и др.), хотя исследовательские сферы, демонстрирующие с ними преемственность, уже и не принято обозначать прежними наименованиями.

В структуре учебной подготовки и научной деятельности кафедры начиная с 1970-х гг. все более важное место также занимало исследование современности, что было реакцией университетской этнографии на формирование круга новых научных проблем. В силу естественного консерватизма системы образования включение тем по современности в профессиональную подготовку происходило с некоторым запозданием по сравнению с формированием соответствующих направлений в головном институте.

Поскольку новые курсы носили преимущественно теоретический характер — теория этноса и общие проблемы этнографии (Ю.В. Бромлей), современные этнические процессы (К.И. Козлова), вопросы теории и методологии комплексного изучения новой исторической общности «советского народа» (Л.П. Лашук), то формально они попадали под теоретико-историографическое направление деятельности кафедры. Однако то значительное внимание, которое в этих курсах уделялось социологическим методам, а также специальный курс о социологических аспектах современной этнографии (Л.П. Лашук) претендовали на оформление качественно нового вектора университетской науки — этнической социологии. Институциональное оформление в виде самостоятельной структуры это направление получит только на исходе 1980-х гг.

Характеристика 1960–1980-х гг. как времени расцвета отечественной этнографии (и университетской кафедры этнографии как части дисциплинарного дискурса) не означало отсутствия сложностей и диалектических противоречий ее развития. Этот же период знаменовался нарастающим с начала 1970-х гг. дистанцированием государства от гуманитарного знания. Это было особенно заметно в отношении глубокого изучения этнического аспекта советской современности. Официальная партийная установка в области национальных отношений рисовала их в благостном и облегченном виде. Роль этнографии в изучении современности пытались ограничить подбором иллюстраций, свидетельствовавших о решении национального вопроса в СССР, аналитические доклады ученых о существующих проблемах и потенциальных угрозах в области межэтнических отношений зачастую игнорировались партийными и государственными органами. Подобное ограничение, конечно, не

остановило концептуализацию современности, но сковывало ее, а невостребованное эмпирическое знание снижало роль экспертного потенциала этнографической науки.

После крушения Советского Союза академической этнологии некоторое время еще удавалось сохранять относительно привилегированные (по сравнению с другими гуманитарными дисциплинами) отношения с государством, что было связано с назначением в 1992 г. директора Института этнологии и антропологии РАН (Институт этнографии получил свое нынешнее название в 1990 г.) В.А. Тишкова на пост министра по делам национальностей, а также с напряженностью в национально-федеративных отношениях в РФ, что обеспечивало определенный спрос на этнологическое знание. Однако во второй половине 1990-х гг. запрос на специализированное экспертное знание стал снижаться.

Поразивший общество и страну кризис рубежа 1980–1990-х гг. проявился в Московском университете в смягченных формах. Включенность в систему МГУ с его солидной материально-технической базой, традиционный консерватизм высшего образования и некоторая организационная обособленность от академической науки помогли обеспечить относительную устойчивость университетской этнологии. Социально-политические изменения оказали даже некоторое стимулирующее воздействие на характер и содержание учебного процесса, исследовательскую тематику кафедры этнографии истфака.

Задача руководить кафедрой (в 1992 г. переименованной в кафедру этнологии) в 1986–2005 гг., в эпоху бурных перемен и политических катаклизмов, выпала на долю профессора В.В. Пименова²⁸. Взрыв национализмов в пространстве бывшего Советского Союза резко актуализировал этнополитическую и этносоциологическую проблематику, а также изучение современности в целом, что нашло свое выражение в структурных и учебных новациях на кафедре этнографии. В программе появляются такие курсы, как «Введение в этносоциологию», «Основы этнодемографии», «Основы прикладной этнологии», «Этноконфликтология» и др. По некоторым из них были изданы учебные пособия²⁹. На фоне изменения отношения к религии в России и усиления роли религии в обществе в учебной и научно-

---

²⁸ Подробнее о нем см.: Больше чем этнограф. Сб. науч. статей, посвященный памяти профессора В.В. Пименова / Отв. ред. В.В. Карлов, Т.С. Гузенкова. М., 2015; *Пименов В.В. Моя профессия — этнограф. Очень личные заметки о не слишком давнем прошлом, настоящем и будущем отечественной этнографической науки* / Сост., отв. редактор, автор эпилога Т.С. Гузенкова. СПб., 2015.

²⁹ См., например: *Казьмина О.Е., Пучков П.И. Основы этнодемографии*. М., 1994.

исследовательской работе кафедры расширяется религиоведческая тематика, хотя это направление на кафедре идет еще от С.А. Токарева. С 1970-х гг. Г.Е. Марков читал курс «История религиозных верований и религий». В 1990 — начале 2000-х гг. добавляются курсы, посвященные отдельным религиям (в том числе в их народной, бытовой форме) и религиозной ситуации в разных регионах. Включение в программу пограничных дисциплин отразилось на характере экспедиционной деятельности кафедры, а также тематике курсовых и дипломных работ.

Именно усилиями В.В. Пименова была реализована давняя (еще первой половины 1970-х гг.) идея формирования специализированного этносоциологического подразделения. В конце 1980-х гг. при кафедре была создана этносоциологическая лаборатория, организовавшая стационарную экспедицию (руководители В.В. Пименов и В.Р. Филиппов) в подмосковном совхозе «Щапово» с целью глубокого исследования межэтнических отношений в этностабильном регионе. Межэтнические отношения находились также в фокусе внимания таких кафедральных экспедиций, как Азербайджанская (руководитель В.В. Карлов), Башкирская (В.В. Пименов), Бурятская (А.А. Никишенков), Горно-Алтайская, Восточно-Казахстанская, Ногайская (все три возглавлял Г.Е. Марков). Расширение тематики этнологического изучения современности знаменовалось реорганизацией в 1995 г. этносоциологической лаборатории в Учебно-научный центр прикладной этнологии (его бессменным руководителем была Л.Б. Заседателева³⁰), трансформированный в 2013 г. в лабораторию прикладной этнологии.

В 2006–2013 гг. кафедрой заведовал профессор А.А. Никишенков³¹. Историк науки и крупный знаток британской социальной антропологии, уже в советский период имевший репутацию человека «не отсюда», он воплотил трансформирующуюся профессиональную идентичность и подготовил антропологический разворот кафедры этнологии. А.А. Никишенков выступал одновременно хранителем и критиком отечественной научной традиции, «балансируя на этой самой границе двух интеллектуальных миров»³² (русской этнологии и западной социальной/культурной антропологии). Ему

---

³⁰ Подробнее о ней см.: Махмудова З.У., Тугорский А.В. К истории этнологического образования в Московском университете. Памяти профессора Л.Б. Заседателевой (1933–2022) // Этнография. Кунсткамера. 2022. № 4. С. 219–235.

³¹ Подробнее о нем см.: А.А. Никишенков. «Изобретая традицию» и создавая «воображаемое сообщество». Сб. статей, посвященный памяти профессора А.А. Никишенкова / Отв. ред. Е.В. Миськова, А.В. Тугорский. М., 2017.

³² Цит. по: Миськова Е.В. А.А. Никишенков. «Двусмысленности нашего ремесла». Грани отечественной историографии в этнологии // А.А. Никишенков: «Изобретая традицию»... С. 40.

удавалось поддерживать разумный баланс этнологии и социокультурной антропологии в содержании учебного процесса и в исследовательских императивах сотрудников кафедры. В своей готовности к компромиссу и диалогу он исходил из понимания того обстоятельства, что в отличие от естественных наук социогуманитарное знание не носит универсального характера, а концептуальные подходы и инструментарий западной социокультурной антропологии, возникшие в иных этно-историко-культурных условиях, не всегда и не обязательно можно адаптировать к отечественным реалиям и имплементировать в отечественную научную традицию. При подобном подходе трансформация системы профессиональной подготовки могла происходить постепенно, эволюционно и в смягченных формах, а профессиональная идентичность этнолога не вытесняется идентичностью антрополога, а дополняется ею.

Процесс антропологического разворота кафедры был форсирован, когда с 2013 по 2020 г. ее возглавлял профессор Д.А. Функ, антрополог и этнолог-сибиревед, выходец из профильного академического института, ныне — директор ИЭА РАН. Последовательный сторонник перехода российской этнологии на «антропологические рельсы», он способствовал инкорпорированию в учебный процесс концептуальных подходов западной социокультурной антропологии и продвижению целого ряда антропологических субдисциплин, в том числе лингвистической и психологической антропологии, антропологии города и миграций, антропологии религии, антропологии медиа, антропологии образования. Его исследовательское кредо составил отказ от «этничности» как единственного критерия выбора объекта исследований, но де-факто это означало постепенное вытеснение изучения этнического на кафедре этнологии.

Однако именно этническое во второй половине прошлого столетия формировало предметную рамку отечественной этнографии/ этнологии, составляло основу концептуального единства, определяло границы и структуру исследовательского поля. В свою очередь эта концептуальная оснастка лежала в основании системы профессионального этнологического образования, тематизировала содержание учебного процесса. Многие этнологи и антропологи, определяющие сегодня облик цеховой дисциплины, прошли профессиональную выучку в 1970–1980-х гг., когда, по выражению В.А. Тишкова, этнос выступал как «фундаментальный архетип и предметобразующее понятие»³³. Очень многие крупные этнологи, критикующие консер-

---

³³ Тишков В.А. Российская этнология: статус дисциплины, состояние теории, направления и результаты исследований // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 18.

ватизм университетской модели этнографического образования, обязаны своей высокой профессиональной квалификацией кафедре этнографии МГУ.

Бесспорно, советская этнография нуждалась в обновлении, ее было за что критиковать: необходимо было уйти от избыточного догматизма оценок, избавиться от табуирования ряда тем (особенно в части изучения современности), расширить концептуальный арсенал, обеспечить широкий диалог с западной этнологией и социокультурной антропологией. В уточнении нуждалось само содержание предмета этнографии/этнологии. Замечание С.А. Токарева о том, что «этнография, т.е. изучение быта народов, — наука с очень широкими и неопределенными границами. О точном определении этих границ до сих пор спорят между собой сами этнографы», трудно объяснить лишь присущей С.А. Токареву «добросовестностью», как это склонен был полагать В.Н. Басилов³⁴. Скорее это было связано с его пониманием подвижности этих границ, не остающихся одинаковыми в разные эпохи. Дискуссия о дисциплинарных рамках этнографии/этнологии, ее состоянии и перспективах велась на рубеже 1980–1990-х гг. и вовлекла в свою орбиту широкий круг профессионалов. Будучи инициированной директором профильного института академиком Ю.В. Бромлеем³⁵, она носила поначалу научно-содержательный характер, предполагая уточнение предмета этнографии, но не элиминирование всего советского теоретического багажа и не покушалась на дисциплинарные основы. Однако с начала 1990-х гг. в дискуссии стал преобладать критический тон, предлагались рецепты «перестройки» этнологии, фактически взламывающие профессиональную идентичность³⁶, предлагался категорический выбор полного принятия или полного отторжения.

В связи с упомянутой дискуссией отметим профессионально сдержанную и идеологически не ангажированную позицию Г.Е. Маркова, продемонстрированную в ходе экспертного опроса, проведенного В.Р. и Е.И. Филипповыми, где экспертов спрашивали о перспективах этнографии и этнологии в России, о существовании в отечественной этнологии теоретических концепций, в частности, единой «советской» теории этноса. В ответ на вопрос, работы каких

³⁴ См.: *Басилов В.Н.* Этнография: есть ли у нее будущее? // *Этнографическое обозрение.* 1992. № 4. С. 7.

³⁵ *Бромлей Ю.В.* О предмете этнографии в свете логико-системного анализа // *Советская этнография.* 1988. № 1. С. 62–69; *Крюков М.В.* Советская этнографическая наука нуждается в перестройке // *Советская этнография.* 1988. № 1. С.55–62.

³⁶ *Басилов В.Н.* Указ. соч.; *Козлов В.И.* Между этнографией, этнологией и жизнью // *Этнографическое обозрение.* 1992. № 3. С. 3–14; *Тишков В.А.* Советская этнография: преодоление кризиса // *Этнографическое обозрение.* 1992. № 1. С. 5–20.

российских исследователей содержат наиболее полное и последовательное изложение теоретических концепций, Г.Е. Марков дал ясный, хотя и несколько категоричный, ответ: «То, что в горах испитанной по этому поводу бумаги заслуживает хотя бы какого-то внимания, имеется в отсутствующих в библиотеках СНГ работах С.М. Широкогорова. Всё остальное — игра слов и придумывание нелепых терминов. Всё это ничего общего не имеет с фундаментальной наукой»³⁷. А позднее, в своем последнем интервью, демонстрируя здоровый скепсис в отношении остро дискуссионного вопроса о природе этноса/этничности и праве на существование понятия «этнос», Г.Е. Марков сказал, что «вопрос переусложнен, в частности, неудачной терминологией» и пояснил: «Ведь что такое этнос? Просто народ, самый обыкновенный народ и ничего кроме народа»³⁸. Вся научная карьера Г.Е. Маркова показывает, что он был чужд догматизации. Не удивительно, что он с иронией относился к предполагающим взаимоисключение спорам примордиалистов и конструктивистов. Ведь гибкая и пластичная природа этнического загоняется в схемы только с многочисленными допущениями и оговорками. Демонстрируя здоровый консерватизм, Г.Е. Марков учил рациональному, спокойному и взвешенному восприятию советского наследия в этнологии. Основным достижением советской этнографии он считал «великолепные результаты полевых исследований», а ее сильной стороной — «монографическое (комплексное) исследование объекта» (очевидно, здесь сказывалось влияние немецкой академической традиции). Крупнейшим («мирового значения») теоретическим достижением советской этнографии Г.Е. Марков называл концепцию «хозяйственно-культурных типов» М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова³⁹.

Наследие самого Г.Е. Маркова очень важно для выстраивания современной траектории развития кафедры этнологии. Перед университетской этнологией сегодня стоит связка сложных задач. Как сохранить преемственность с великими предшественниками и обеспечить успешную трансляцию кафедральной традиции? Как при этом не потерять восприимчивость к новым тенденциям? Как обеспечить устойчивое развитие кафедры, проявив адаптивность к меняющемуся социокультурному контексту и открытость вызовам в развитии этнологии/антропологии как дисциплины, но не дезориентировав студентов и аспирантов? Как быть открытыми переменам без разрыва цехового континуитета?

---

³⁷ Филиппова Е.И., Филиппов В.Р. Камо грядеши? // Этнографическое обозрение. 1992. № 6. С. 8.

³⁸ Соловей Т.Д., Аникин Н.В. Интервью с Г.Е. Марковым. С. 31.

³⁹ Там же. С. 30.

Концепция преподавания на кафедре этнологии исторического факультета Московского университета и в настоящее время строится на тех традициях, которые несли и передавали следующим поколениям наши предшественники. Это сочетание теоретических курсов и региональных, внимание к изучению традиционного и современного. Это неизменное изучение этнического, включая теоретический уровень осмысления этноса и этничности. Причем это видится не просто как дань кафедральной традиции, но как императив изучения многоэтничной российской нации и поликультурного современного мира, безусловно, глобализированного и в отдельных сферах стандартизированного, но продолжающего осмысливать свое многообразие через призму этнических и других культурных различий. Эти — другие — культурные различия мотивировали кафедру на включение в исследовательское поле и учебную программу изучения других культурных идентичностей: языковых, религиозных, гендерных, локальных и т.д. Мы не противопоставляем этнографию, этнологию и социокультурную антропологию, а выстраиваем из них единую линию. Профессиональное становление студентов идет от постижения этнографической эмпирики через этнологический анализ к антропологическим концептуализациям. Социокультурная антропология с ее многочисленными субдисциплинами в высшей степени междисциплинарна. Но к междисциплинарности можно приступать, освоив базу. Такой базой в программе кафедры этнологии выступает освоение этнографического многообразия мира, а к нему добавляются антропологические курсы, основанные на междисциплинарности. Междисциплинарность всегда была характерна для нашей дисциплины, и она давно стала неотъемлемой частью нашего учебного плана. В настоящее время появляются и новые формы научного синтеза. Так, кафедра участвует в междисциплинарной научно-образовательной школе Московского университета «Сохранение мирового культурного наследия».

Конкурентное преимущество нашей кафедры по сравнению с другими учебными центрами, где преподается этнология/социокультурная антропология, — это ее нахождение в составе исторического факультета. Западной антропологии понадобились десятилетия, чтобы развернуться к истории. Отечественная этнография это сделала гораздо раньше, и университетская кафедра не меняла свою аффилиацию в угоду модным веяниям. Фундаментальное историческое образование позволяет нашим выпускникам видеть динамику культурного многообразия в историческом контексте, оно дает основу, которая уберегает превращение междисциплинарности в механистическую сумму основ разных областей знания. Сочетание

фундамента исторического образования, освоение идей и теоретического инструментария социальной и культурной антропологии и глубокое знакомство с эмпирическим этнографическим материалом и методом этнографического исследования делают реалистичной постановку задачи придания содержанию учебной подготовки практикоориентированного характера, что тесно связано с перспективами трудоустройства выпускников кафедры, их желанием и возможностями оставаться в профессии.

Для нас, авторов этой статьи, всю свою жизнь проработавших на кафедре этнологии исторического факультета, бывшей аспирантки Г.Е. Маркова, а сейчас профессора кафедры Т.Д. Соловей, и заведующей кафедрой О.Е. Казьминой, видится важным передать нашим ученикам традиции, заложенные выдающимися предшественниками, сохранить нить преемственности, одновременно двигаясь вперед. Осмысление научного вклада и профессиональной биографии Геннадия Евгеньевича Маркова выстраивает надежные ориентиры на этом пути.

References

Aleksey Alekseyevich Nikishenkov. "Izobretaya traditsiyu" i sozdavaya "voobrazhayemoye soobshchestvo". *Sbornik statey, posvyashchennyy pamyati professora A.A. Nikishenkova* [Aleksei Alekseyevich Nikishenkov. "Inventing Tradition" and Creating an "Imagined Community". Collection of Articles Dedicated to the Memory of Professor A.A. Nikishenkov] / Ed. by E.V. Mis'kova, A.V. Tutorskiy. Moscow: Novyy khronograf, 2017. 272 p.

Anikin N.V., Solovey T.D. *Avtoritetnyy issledovatel', talantlivyy pedagog i krupnyy organizator nauki. (K 90-letiyu so dnya rozhdeniya i 60-letiyu nauchnoy i pedagogicheskoy deyatel'nosti doktora istoricheskikh nauk, professora G.E. Markova)* [Authoritative Researcher, Gifted Teacher and Major Organizer of Science (To the 90th Anniversary of the Birth and 60th Anniversary of Scientific and Pedagogical Activity of Doctor in History, Professor G.E. Markov)] // *Problemno-tematicheskoye prostranstvo i teoreticheskiye granitsy sovremennoy etnologii. K yubileyu professora G.E. Markova. Sbornik nauchnykh statey* [Problem-Thematic Space and Theoretical Boundaries of Modern Ethnology. To the Anniversary of Professor G.E. Markov. Collection of Scientific Articles] / Ed. by T.D. Solovey. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2013. P. 7–12.

Anikin N.V., Solovey T.D. *Interv'yū s G.E. Markovym* [Interview with G.E. Markov] // *Problemno-tematicheskoye prostranstvo i teoreticheskiye granitsy sovremennoy etnologii. K yubileyu professora G.E. Markova. Sbornik nauchnykh statey* [Problem-Thematic Space and Theoretical Boundaries of Modern Ethnology. To the Anniversary of Professor G.E. Markov. Collection of Scientific Articles] / Ed. by T.D. Solovey. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2013. P. 23–31.

Bagramov E.A. *Natsional'naya problematika prezhde i teper' (sub'yektivnyye zametki)* [National Problematics Before and Now (Personal Notes)] // *Akademik Yu.V. Bromley i otechestvennaya etnologiya. 1960–1990-ye gody* [Academician

Yu.V. Bromley and Russian Ethnology. 1960–1990s] / Ed. by S. Ya. Kozlov. Moscow: Nauka, 2003. P. 47–87.

Basilov V.N. *Etnografiya: yest' li u neye budushcheye?* [Ethnography: Does It Have a Future?] // *Etnograficheskoye obozreniye*. 1992. N. 4. P. 3–17.

Basilov V.N. S.A. *Tokarev kak predstavitel' russkoy kul'tury* [S.A. Tokarev as a Representative of Russian Culture] // *Blгодарим sud'bu za vstrechu s nim. (O Sergeye Aleksandroviche Tokareve — uchenom i cheloveke)* ["We Thank Fate for Meeting Him" (About Sergey Aleksandrovich Tokarev, Scholar and Man)] / Ed. by S. Ya. Kozlov, P.I. Puchkov. Moscow: IEA RAN, 1995. P. 31–41.

Bol'she chem etnograf. Sbornik nauchnykh statey, posvyashchenny pamyati professora V.V. Pimenova [More Than an Ethnographer. Collection of Scientific Articles Dedicated to the Memory of Professor V.V. Pimenov] / Ed. by V.V. Karlov, T.S. Guzenkova. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2015. 301 p.

Bromley Yu.V. *O predmete etnografii v svete logiko-sistemnogo analiza* [On the Subject of Ethnography in the Light of Logical and Systemic Analysis] // *Sovetskaya etnografiya*. 1988. N 1. P. 62–69.

Etnografiya [Ethnography] / Ed. by Yu.V. Bromley, G.E. Markov. Moscow: Vysshaya shkola, 1982. 320 p.

Etnologiya [Ethnology] / Ed. by G.E. Markov, V.V. Pimenov. Moscow: Nauka, 1994. 384 p.

Filippova E.I., Filippov V.R. *Kamo gryadeshi?* [Quo vadis?] // *Etnograficheskoye obozreniye*. 1992. N 6. P. 3–17.

Kalinovskaya K.P. *Nauchnoye otkrytiye v kontekste epokhi. O monografii G.E. Markova "Kochevniki Azii" (1976)* [Scientific Discovery in the Context of the Epoch. On G.E. Markov's Monograph "Nomads of Asia" (1976)] // *Revol'yutsii svetskoye, religioznye, nauchnyye. Dinamika gumanitarnogo diskursa. Pamyati professora G.E. Markova. Sbornik nauchnykh statey* [Secular, Religious and Scientific Revolutions. Dynamics of Humanitarian Discourse. In Memory of Professor G.E. Markov. Collection of Scholarly Articles] / Ed. by T.D. Solovey. Saint Petersburg: Aleteia, 2018. P. 31–32.

Kaz'mina O.E., Puchkov P.I. *Osnovy etnodemografii* [Fundamentals of Ethnodemography]. Moscow: Nauka, 1994. 254 p.

Kozlov S. Ya. *Sergey Aleksandrovich Tokarev: "etnograficheskii universitet"* [Sergei Aleksandrovich Tokarev: "Ethnographic University"] // *Vydayushchiyesya otechestvennyye etnologi i antropologi XX veka* [Outstanding Russian Ethnologists and Anthropologists of the Twentieth Century] / Compiled by D.D. Tumarkin; ed. by V.A. Tishkov, D.D. Tumarkin. Moscow: Nauka, 2004. P. 397–450.

Kozlov V.I. *Mezhdru etnografiyey, etnologiyey i zhizn'yu* [Between Ethnography, Ethnology and Life] // *Etnograficheskoye obozreniye*. 1992. N 3. P. 3–14.

Makhmudova Z.U., Tutorskiy A.V. *K istorii etnologicheskogo obrazovaniya v Moskovskom universitete. Pamyati professora L.B. Zasedatelevoy (1933–2022)* [On the History of Ethnological Education at Moscow University. In Memory of Professor L.B. Zasedateleva (1933–2022)] // *Etnografiya*. 2022. N 4. P. 219–235.

Markov G.E. *Istoriya khozyaystva i material'noy kul'tury v pervobytnom i ranneklassovom obshchestve* [History of Economy and Material Culture in Primitive and Early Class Society]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1979. 304 p.

Markov G.E. *Kochevniki Azii. Struktura khozyaystva i obshchestvennoy organizatsii* [Nomads of Asia. The Structure of Economy and Social Organisation]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1976. 320 p.

Markov G.E. *Kochevniki Azii. Struktura khozyaystva i obshchestvennoy organizatsii* [Nomads of Asia. The Structure of Economy and Social Organisation]. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Krasand, 2010. 316 p.

Markov G.E. *Narody Indonezii: uchebnoye posobiye* [Peoples of Indonesia: Textbook]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1963. 40 p.

Markov G.E. *Nemetskaya etnologiya: uchebnoye posobiye dlya vuzov* [German Ethnology: A Textbook for Universities]. Moscow: Akademicheskii Proekt; Gaudeamus, 2004. 576 p.

Markov G.E. *Ocherk istorii formirovaniya severnykh turkmen* [Essay on the History of Formation of the Northern Turkmens]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1961. 208 p.

Markov G.E. *Ocherki istorii nauki o narodakh. Nemetskaya etnologiya* [Essays on the History of Ethnology. German Ethnology]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 1993. 391 p.

Markov G.E. *Ocherki istorii nauki o narodakh. Nemetskoe narodovedenie* [Essays on the History of Ethnology. German Ethnology]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 1993. 136 p.

Markov G.E. *Pamyatniki kamennogo veka v Zapadnoy Turkmenii i problema tipologii arkhologicheskikh kul'tur v mezolite i neolite* [Stone Age Monuments in Western Turkmenistan and the Problem of Typology of Archaeological Cultures in Mesolithic and Neolithic] // *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana* [History of Material Culture of Uzbekistan]. Issue 12. Tashkent: FAN, 1975. P. 60–67.

Mis'kova E.V. A.A. Nikishenkov. "Dvusmyslennosti nashego remesla". *Grani otechestvennoy istoriografii v etnologii* [A.A. Nikishenkov. "The Ambiguities of our Craft". Facets of Russian Historiography in Ethnology] // *Aleksey Alekseyevich Nikishenkov. "Izobretaya traditsiyu" i sozdavaya "voobrazhayemoye soobshchestvo". Sbornik statey, posvyashchennyy pamyati professora A.A. Nikishenkova* [Aleksii Alekseyevich Nikishenkov. "Inventing Tradition" and Creating an "Imagined Community". Collection of Articles Dedicated to the Memory of Professor A.A. Nikishenkov] / Ed. by E.V. Mis'kova, A.V. Tutorskiy. Moscow: Novyy khronograf, 2017. P. 37–58.

Osnovy etnografii [Fundamentals of Ethnography] / Ed. by S.A. Tokarev. Moscow: Vysshaya shkola, 1968. 360 p.

Osnovy etnologii [Fundamentals of Ethnology] / Ed. by V.V. Pimenov. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2007. 688 p.

Pimenov V.V. *Moya professiya — etnograf. Ochen' lichnyye zametki o ne slishkom davnem proshlom, nastoyashchem i budushchem otechestvennoy etnograficheskoy nauki* [My Profession is Ethnography. Very Personal Notes on the Not Too Long Past, Present and Future of Russian Ethnographic Studies] / Compiled, ed., and concluded by T.S. Guzenkova. Saint Petersburg: Avropa, 2015. 320 p.

Rappoport Yu.A., Semenov Yu.I. *Sergey Pavlovich Tolstov: vydayushchiysya etnograf, arkholog, organizator nauki* [Sergei Pavlovich Tolstov: Outstanding Ethnographer, Archaeologist, Organizer of Science] // *Vydayushchiysya otechestvennyye etnologi i antropologi XX veka* [Outstanding Russian Ethnologists and Anthropologists of the 20th Century] / Compiled by D.D. Tumarkin; ed. by V.A. Tishkov, D.D. Tumarkin. Moscow: Nauka, 2004. P. 184–233.

Reshetov A.M. *Nikolay Nikolayevich Cheboksarov: portret uchenogo v kontekste yego vremeni* [Nikolay Nikolayevich Cheboksarov: A Portrait of a Scientist in the Context of His Time] // *Vydayushchiysya otechestvennyye etnologi i antropologi XX*

veka [Outstanding Russian Ethnologists and Anthropologists of the 20th Century] / Compiled by D.D. Tumarkin; ed. by V.A. Tishkov, D.D. Tumarkin. Moscow: Nauka, 2004. P. 358–397.

Semenov Yu.I. *O moyem “puti v pervobytnost”* [On My “Way into Primitiveness”] // *Akademik Yu.V. Bromley i otechestvennaya etnologiya. 1960–1990-ye gody* [Academician Yu.V. Bromley and Russian Ethnology. 1960–1990s] / Ed. by S. Ya. Kozlov. Moscow: Nauka, 2003. P. 164–212.

Solovey T.D. *Vlast' i nauka v Rossii. Ocherki universitetskoj etnografii v disciplinarnom kontekste (XIX — nachalo XXI vv.)* [Power and Science in Russia. Essays on University Ethnography in Disciplinary Context (19th — Early 21st Centuries)]. Moscow: Prometey, 2004. 499 p.

Tishkov V.A. *Razgovory s etnografami* [Conversations with Ethnographers]. Saint Petersburg: Aleteia, 2022. 296 p.

Tishkov V.A. *Rossiyskaya etnologiya: status discipliny, sostoyaniye teorii, napravleniya i rezul'taty issledovaniy* [Russian Ethnology: Status of Discipline, Theory State, Directions and Research Results] // *Etnograficheskoye obozreniye*. 2003. N 5. P. 3–23.

Tishkov V.A. *Sovetskaya etnografiya: preodoleniye krizisa* [Soviet Ethnography: Overcoming the Crisis] // *Etnograficheskoye obozreniye*. 1992. N 1. P. 5–20.

Tokarev S.A. *Etnografiya narodov SSSR. Istoricheskiye osnovy byta i kul'tury* [Ethnography of the Peoples of the USSR. Historical Bases of Everyday Life and Culture]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1958. 616 p.

Tokarev S.A. *Istoki etnograficheskoy nauki (do serediny XIX v.)* [Sources of Ethnography (Up to the Mid-19th Century)]. Moscow: Nauka, 1978. 168 p.

Tokarev S.A. *Istoriya russkoy etnografii (dooktyabr'skiy period)* [History of Russian Ethnography (Pre-October Period)]. Moscow: Nauka, 1966. 454 p.

Tokarev S.A. *Istoriya zarubezhnoy etnografii: uchebnoye posobiye* [History of Foreign Ethnography: Textbook]. Moscow: Vysshaya shkola, 1978. 352 p.

Tokarev S.A. *Ranniye formy religii i ikh razvitiye* [Early Forms of Religion and Their Development.]. Moscow: Nauka, 1964. 397 p.

Tokarev S.A. *Religioznyye verovaniya vostochnoslavjanskikh narodov XIX — nachala XX veka* [Religious Beliefs of the East Slavonic Peoples in the 19th and Early 20th Century]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1957. 163 p.

Tokarev S.A. *Religiya v istorii narodov mira* [Religion in the History of the Peoples of the World]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1964. 624 p.

Поступила в редакцию
17 марта 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-3-122-141

В.М. Муханов

**ОБ УНИВЕРСИТЕТСКОМ ПУТИ И НАУЧНОМ
НАСЛЕДИИ В.А. ГЕОРГИЕВА (1944–2022)**

V.M. Mukhanov

**ON THE UNIVERSITY CAREER AND SCHOLARLY
HERITAGE OF V.A. GEORGIEV (1944–2022)**

Аннотация. Статья посвящена памяти доцента исторического факультета МГУ В.А. Георгиева, его научному наследию и участию в деятельности школы профессора Н.С. Киняпиной по изучению истории внешней политики Российской империи и ее политики на национальных окраинах — Кавказе и Средней Азии. Приводятся основные факты биографии В.А. Георгиева, включая информацию о научно-педагогической деятельности его родителей, которые также были профессиональными историками и выпускниками исторического факультета Московского университета. Владимир Анатольевич являлся представителем одного из четырех поколений семьи Георгиевых, окончивших исторический факультет МГУ. Весь его научный путь, многолетняя педагогическая деятельность связаны с кафедрой истории России XIX века — начала XX века. Под руководством профессора Н.С. Киняпиной им была успешно защищена кандидатская диссертация «Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в.», на базе которой В.А. Георгиев в середине 1970-х гг. выпустил монографию. В статье рассматриваются также крупные работы и значимые статьи ученого, вышедшие в советский и постсоветский периоды, в частности, его вклад в создание коллективной монографии «Восточной вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в.». Особое внимание уделено созданной В.А. Георгиевым специальной исследовательской группе по изучению российской политики на Кавказе в имперский период. Названы и все ученики Георгиева, которые прошли под его руководством путь научного становления, от студенческих рефератов до защиты диссер-

---

Муханов Вадим Михайлович, кандидат исторических наук, заведующий сектором Кавказа Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН

Mukhanov Vadim Mikhailovich, Ph.D. Candidate in History, Head of the Caucasus Sector, E.M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences

vadim_muhanov@inbox.ru

ORCID: 0000-0001-7771-8350

тационных исследований и написания собственных монографий. Не забыта и многогранная работа В.А. Георгиева по популяризации исторического знания, которая выразилась в написании учебников и справочников для студентов и школьников. Они оказались крайне востребованными и издаются до сих пор большими тиражами. В.А. Георгиев сотрудничал также с энциклопедическими изданиями, являясь автором статей в Советской военной энциклопедии и Большой Российской энциклопедии.

Ключевые слова: исторический факультет МГУ, Н.С. Киняпина, научное руководство, внешняя политика России, Восточный вопрос, Кавказская война.

Abstract. The article is devoted to the memory of Vladimir Anatolievich Georgiev, Associate Professor of the Faculty of History at Moscow State University, his scholarly heritage and participation in the activities of Professor N.S. Kinyapina's school in the study of foreign policy of the Russian Empire, especially concerning national peripheries — the Caucasus and Central Asia. The author provides the main facts of Georgiev's biography, including information about the activities of his parents, who were also professional historians and graduates of the Department of History, Moscow State University. Georgiev was a representative of one of the four generations of this family who graduated from the Faculty of History of Moscow State University. His scholarly career and many years of teaching are connected with the Department of Russian history in the nineteenth and early twentieth centuries. Under the supervision of Professor N.S. Kinyapina he successfully defended his PhD thesis "Russian Foreign Policy in the Middle East in the Late 1830s and Early 1840s" and published a corresponding monograph in the mid-1970s. The article also deals with his major publications in the Soviet and post-Soviet periods, in particular, with his contribution to the collective monograph *The Eastern Question in Russian Foreign Policy. From the Late Eighteenth through the Early Twentieth Century*. Special attention is paid to the group set up by Georgiev for research on Russian policy in the Caucasus during the imperial period. The article lists all of the students, who studied under his direction from writing student essays to defending dissertations and compiling their own monographs. Georgiev's multifaceted work on popularization of historical knowledge in text- and handbooks for students and schoolchildren is not forgotten. They are still in great demand and published in large editions. Georgiev also wrote for the *Soviet Military Encyclopedia* and the *Large Russian Encyclopedia*.

Keywords: Faculty of History, Moscow State University, N.S. Kinyapina, academic advising, Russian foreign policy, Eastern Question, Caucasian War.

* * *

В прошлом году ушел из жизни известный советский и российский историк Владимир Анатольевич Георгиев, проработавший почти полвека на историческом факультете МГУ, на кафедре истории России XIX — начала XX в. Настоящая статья посвящена его памяти,

научному наследию, трудам по истории внешней политики Российской империи.

В.А. Георгиев родился 28 июня 1944 г. в Москве, в семье вузовских преподавателей — Анатолия Владимировича Георгиева и Марины Тихоновны Панченковой. В раннем детстве воспитывался бабушкой, Верой Васильевной Соболевой. Рядом были и деды — профессиональный юрист, адвокат Владимир Владимирович Георгиев и врач Тихон Петрович Панченков, генерал медицинской службы, специалист по легочным болезням.

Владимир Георгиев, будучи представителем второго поколения семьи, закончившим исторический факультет Московского университета, стал со временем частью целой династии историков. На сегодняшний день представители уже четырех поколений семьи закончили исторический факультет МГУ, три из которых завершили и обучение в аспирантуре, защитив на родном факультете кандидатские диссертации (отец В.А. Георгиева, Анатолий Владимирович, закончил факультет в 1939 г. и защитил кандидатскую на кафедре новой истории; сам Владимир Анатольевич закончил факультет в 1966 г. и в 1970 г. защитил кандидатскую на кафедре истории капитализма; его сын, Анатолий Владимирович, в 1986 г. закончил факультет, а в 1989 г. защитил кандидатскую диссертацию).

Отец, Анатолий Владимирович Георгиев (1917–1947), специализировался по истории США, поступил в аспирантуру на кафедре новой истории и остался там же преподавать после защиты кандидатской диссертации (как доцент). Он активно работал и как журналист-международник, публикуясь в ведущих СМИ страны — газетах «Правда» и «Известия», журналах «Большевик», сотрудничал с ТАСС. Помимо родного университета, А.В. Георгиев преподавал в Академии общественных наук (при ЦК КПСС) и в только что открытом МГИМО. Более того, в середине 1940-х (в первые послевоенные годы) возглавил иностранный отдел газеты «Известия» и стал заместителем заведующего кафедрой истории международных отношений МГИМО. Анатолий Владимирович скончался в 1947 г. от неизлечимой болезни сердца, когда сыну было всего три года.

Крупным ученым и видным преподавателем высшей школы была и мама, Марина Тихоновна Панченкова (1916–1998). Она училась на одном курсе с мужем, закончила исторический факультет в 1939 г. Специализировалась также на кафедре новой истории, где в 1942 г. защитила кандидатскую диссертацию. Она была приглашена на кафедру всеобщей истории Московского историко-архивного института, на которой проработала почти 45 лет вплоть до выхода

на пенсию в 1986 г.¹ Именно там она прошла весь свой профессиональный путь от ассистента до профессора и заведующей кафедрой (в 1956–1984 гг.). М.Т. Панченкова долгие годы также преподавала всеобщую историю в стенах главного дипломатического ВУЗа страны — МГИМО.

* * *

Владимир Анатольевич после окончания средней школы поступил на вечернее отделение истфака, а днем работал (вначале упаковщиком книг на складе издательства «Морфлот», затем смотрителем залов в Музее К. Маркса и Ф. Энгельса). Через год за отличную успеваемость его перевели на дневное отделение факультета, которое он и закончил в 1966 г. (вместе с рекомендацией на поступление в аспирантуру). Именно в те годы он познакомился с Натальей Георгиевной, с которой в 1963 г. образовал семейный союз, переросший и в творческий, так как именно она стала его главным соавтором на долгие десятилетия.

Обучение в аспирантуре закономерно завершилось выходом на защиту кандидатской диссертации «Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в.» под руководством профессора Н.С. Киняпиной (успешная защита состоялась в 1970 г.)². На базе диссертации в середине 1970-х была выпущена авторская монография В.А. Георгиева³, за которую он в 1978 г. стал лауреатом премии Ленинского комсомола.

Диссертация Георгиева посвящена российской внешней политике на восточном направлении во второй четверти XIX столетия. В центре внимания молодого исследователя — важнейший период в истории Восточного вопроса и военно-политической активности России, после серии успешных русско-персидских и русско-турец-

---

¹ Профессор А.И. Комиссаренко, поступивший в Историко-архивный институт в 1954 г., впоследствии вспоминал: «Блестящие лекции читала доцент Марина Тихоновна Панченкова по всеобщей истории. Особенно ей удавались лекции, связанные с революционным европейским движением, ее любимая тема Французская революция, она читала по ней лекции так, что создавалось впечатление, будто она сама вот присутствовала при изучаемых событиях. Всех героев революции: Робеспьера, Мирабо, «бешеных», она всех знала и всем давала живые характеристики. Читала увлеченно. Особенно увлеченно излагала она историю Парижской коммуны, рисуя образы бакунистов, простых рабочих коммунаров. Всегда 18 марта каждого года она устраивала Чтения памяти Парижской коммуны» (Историко-архивный институт. Сб. воспоминаний / Сост. А.Ю. Клименко. [Б.м., б.г.] С. 18).

² Георгиев В.А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х гг. XIX в. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 1970.

³ Георгиев В.А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х гг. XIX в. М., 1975.

ких войн и, главное, заключения, крайне выгодного Ункиар-Искелевского договора 1833 г. (с Турцией)⁴.

Георгиев пояснял, что в своей работе он исследовал «период внешней политики России на Ближнем Востоке, охватывающий годы второго турецко-египетского кризиса 1838–1841 гг. Этот конфликт на Ближнем Востоке был третьим в этот период⁵. По своим международным последствиям как для России, так и для западноевропейских государств он занимает особое место в истории восточного вопроса». Конфликт высветил два главных направления международного соперничества: «англо-французские колониальные разногласия из-за Египта и Сирии и противоречия России с западноевропейскими державами по вопросу о черноморских проливах»⁶. Важность выбора темы объяснялась и ее слабой изученностью в советской исторической литературе⁷.

По оценке Георгиева, новый кризис положил конец целому периоду в истории российской дипломатии, когда она делала ставку на сохранение целостности Османской империи, и с 40-х гг. Петербург стал участвовать в обсуждении вопроса о разделе «наследства больного человека». В связи с этим исследователь настаивал, что «изучение международных отношений в годы второго турецко-египетского конфликта помогает глубже постичь причины и характер Крымской войны, к которой привел новый курс самодержавия, вылившийся в полный крах ближневосточной экспансии царизма»⁸.

---

⁴ Там же. С. 3.

Исследователь разъяснил наполнение этой международной проблемы, уточнив, что для выделенного периода «характерны новое звучание и еще большая острота восточного вопроса. Наиболее существенным фактором становится широко развернувшееся национально-освободительное движение различных народов Османской империи за свою независимость». Второй важной и острой международной проблемой стал «вопрос о режиме Босфора и Дарданелл, имевших наибольшее значение для черноморских держав». «Третьей проблемой, взаимосвязанной с предыдущими, была борьба развитых буржуазных государств за экономическое преобладание в Османской империи», что происходило на фоне обострения турецко-египетских отношений и порождения нового конфликта на Ближнем Востоке (Там же. С. 3, 4).

⁵ Второй турецко-египетский кризис 1838–1841 гг. стал причиной третьего подобного обострения, так как первым было Греческое восстание 1828–1831 гг. и русско-турецкая война 1828–1829 гг., а вторым — турецко-египетский кризис 1832–1833 гг.

⁶ Георгиев В.А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке ... М., 1975. С. 4.

⁷ Георгиев особо подчеркивал, что «до настоящего времени советскими историками не была воссоздана общая картина дипломатической борьбы держав на Востоке в 1839–1841 гг., не вскрыты в достаточной степени причины изменения восточного курса царизма, не изучен ход переговоров, приведших к подписанию Лондонских конвенций» (Там же. С. 63).

⁸ Там же. С. 5.

В.А. Георгиев также отмечал экономическую заинтересованность России в решении Восточного вопроса, по причине высокой зависимости экономики страны от черноморской торговли. Он особо подчеркивал, что привилегированные сословия, «в первую очередь, дворянство, как хлебный экспортер были кровно заинтересованы в развитии черноморской торговли. Через проливы за границу шло 64% производимого в России хлеба... Не только хлеб, но и шерсть, пенька, сало, водка и многие другие сельскохозяйственные продукты юга России проходили ежегодно транзитом через Босфор и Дарданеллы»⁹.

Он подробно рассматривал международную ситуацию и сложившийся расклад сил в преддверии и начале нового кризиса 1839 г., позиции и задачи российской дипломатии, зафиксировал попытку Петербурга сблизиться с Великобританией для блокировки французской активности на Ближнем Востоке. Император Николай I в 1839 г. отказался от посылки новой военной экспедиции в Константинополь и заявил о дипломатической поддержке Турции. «Разногласия Англии и Франции в испанском, бельгийском и, в основном, в восточном вопросах подсказали самодержавию, что Великобритания может стать потенциальным союзником России на Востоке. Это был серьезный просчет царизма»¹⁰, — подчеркнул В.А. Георгиев.

В 1840 г. русское правительство пошло на уступки Лондону, попытавшись договориться с последним о возможном в будущем разделе Турции на сферы влияния, что привело к подписанию 1-й Лондонской конвенции и ослабило российское влияние в Стамбуле. Георгиев особо отметил, что «главным содержанием изменения политики России был отказ от Ункиар-Искелесийского договора, от двухсторонних взаимоотношений с Турцией и попытка перехода к коллективному режиму черноморских проливов. Главной задачей был раскол англо-французского союза — самой влиятельной политической силы на международной арене и изоляция Тюильрийского кабинета. Решение русского правительства добиваться союза с Великобританией для создания нового режима черноморских проливов и раздела Турции на сферы влияния означало, несомненно, ослабление влияния самодержавия в Константинополе»¹¹.

---

⁹ «Общая сумма этих операций достигала во 2-й четверти XIX в. 8–10 млн. руб. в год» (Георгиев В.А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х гг. XIX в. М., 1975. С. 11–12).

¹⁰ Там же. С. 94.

¹¹ Георгиев В.А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке ... Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. С. 11.

Исследователь, размышляя над смыслом Лондонской конвенции, выделил важные детали ее подписания, акцентируя внимание на дальнейших уступках британской стороне: «Однако смысл Лондонской конвенции выходил за узкие рамки территориального вопроса. Ее значение было гораздо шире не только для стран Ближнего Востока, но и для международных отношений той эпохи. Соглашение 1840 г. изолировало Францию и связало в дипломатическом отношении Россию. Направленное в целом против тюльрийского кабинета, оно в то же время исключило возможность сепаратных действий самодержавия и свело на нет Ункиар-Искелесийский договор. Принцип коллективной помощи Турции открыл новую эпоху в истории дипломатических отношений европейских держав с Османской империей. Одним из основных пунктов, имевших общеевропейское значение, было решение о закрытии проливов для военных кораблей всех держав. Эта статья, положившая начало оформлению нового режима проливов, поставила под вопрос безопасность русского черноморского побережья и значительно усилила позиции Великобритании на Ближнем Востоке»¹².

Осенью 1840 г. происходит дальнейшее ослабление позиций России как в Турции, так и на всем Ближнем Востоке. Явным просчетом можно считать безусловный отказ Петербурга от Ункиар-Искелесийского договора 1833 г. (раньше срока его окончания!). Россия в новом витке англо-французского противостояния опять встала на сторону Лондона, однако ответных уступок от него не получила. Ярким свидетельством чего стала Сирийская экспедиция, проведенная без участия России. Эта экспедиция, по справедливой оценке Георгиева, «привела к полной победе Великобритании на Ближнем Востоке. Египетский паша был разбит и вынужден был принять условия, навязанные ему союзниками. Передача Сирии под власть турецкого султана означала установление английского контроля над этой провинцией». Главный вывод очевиден: «Великобритании в ходе подготовки и проведения Сирийской экспедиции удалось значительно ослабить позиции как России, так и Франции на Ближнем Востоке и укрепить там свое влияние»¹³.

2-я Лондонская конвенция 1841 г. фактически подтвердила и зафиксировала окончательное падение российского влияния в Турции. К этому итогу нас постепенно подводит в своем исследовании Георгиев: «Босфор и Дарданеллы были изъяты из-под контроля Турции и поставлены под общеевропейский контроль. Это означало

---

¹² Там же. С. 12.

¹³ Там же. С. 13.

расширение коллективного вмешательства нечерноморских держав в правовой режим черноморских проливов и ущемление суверенных прав Турции. Подписание Лондонской конвенции 1841 г. отразило ослабление Османской империи, так как предоставляло широкие возможности для вмешательства западных держав в ее внутренние дела. Принцип закрытия проливов наносил ощутимый удар и по позиции России на Ближнем Востоке. Вторая Лондонская конвенция установила долгосрочную блокаду южного флота России, запертого в Черноморском бассейне. В то же время, по справедливому мнению историков, закрытие проливов для западно-европейских держав не могло обеспечить безопасность южного побережья России, что ущемляло национальные интересы государства. Англия и Франция, благодаря распространению принципа европейской гарантии на проливы, получили юридическое обоснование своего права вмешательства во внутренние дела стран Ближнего Востока и Причерноморья»¹⁴.

Подводя итог, Георгиев оценил российскую политику на восточном направлении в тот период как явный провал, а попытки Петербурга заигрывать с Великобританией и преждевременный отказ от такого выгодного двухстороннего соглашения с Турцией, как Унклар-Искелесийский договор 1833 г., как очевидные ошибки дипломатов во главе с графом К.В. Нессельроде. Исследователь также настаивал на вынужденном характере подписания Россией Лондонских конвенций 1840 и 1841 гг. (в особенности, второй). Ключевой вывод, сделанный Георгиевым в конце монографического исследования, вытекал из всего текста, демонстрировавшего постепенное ослабление позиций России на ближневосточном направлении: «Европейский кризис и Лондонские конвенции 40-х годов не смогли разрешить восточный вопрос, а лишь еще больше обострили противоречия великих держав... Усилия западноевропейской дипломатии были направлены на окончательное вытеснение России с Ближнего Востока и, что самое главное, на отстранение ее от контроля над проливами. Таким образом, новое обострение восточного вопроса было неизбежно. Крымская война уже содержалась в зародыше в конвенциях о проливах 1840–1841 гг.»¹⁵.

В середине 1970-х гг. после выпуска книги Владимир Анатольевич вошел в представительный авторский коллектив под руководством Н.С. Киняпиной, занимавшийся подготовкой коллективной монографии «Восточный вопрос во внешней политике России. Конец

¹⁴ Там же. С. 15.

¹⁵ Георгиев В.А. Внешняя политика России на Ближнем Востоке... М., 1975. С. 192.

XVIII — начало XX в.» (Н.С. Киняпина, В.А. Георгиев, М.Т. Панченкова и В.И. Шеремет). Данная работа вышла в 1978 г. в издательстве «Наука»¹⁶. Георгиеву было доверено писать важнейший «Историографический обзор» и первый раздел книги, охватывающий период с конца XVIII по середину XIX столетия. Он также готовил справочные разделы — «Библиографию» и «Именной указатель».

В этой обобщающей работе на широкой источниковой базе и с привлечением зарубежных исследований были рассмотрены практически все аспекты российской политики в Восточном вопросе. Эксклюзивность проекта подчеркивают и значительные, точнее говоря, максимально возможные хронологические рамки: от первого вовлечения России в Восточный вопрос еще в царствование Екатерины II до попыток его решения в ходе Первой мировой войны. Важно подчеркнуть, что впервые прописана четкая периодизация участия России в Восточном вопросе, педантично рассматривается его содержание как международной проблемы.

Данная работа получила высокие оценки и прекрасные отзывы в научном сообществе. Например, М.А. Чепелкин впоследствии писал: «Прекрасное знание литературы и источников позволило авторскому коллективу справиться с поставленной задачей. В монографии были выявлены главные тенденции российской политики на различных этапах развития восточного вопроса, определены последствия этой политики для самой России, ее отношения с другими государствами, для народов Балкан. Авторы систематизировали уже известные материалы и результаты предшествовавших исследований, а также продвинулись вперед в изучении ряда крупных проблем»¹⁷.

Выход в свет этой работы вслед за авторской монографией закрепил положение В.А. Георгиева в профессиональном цехе, утвердив его как авторитетного историка-международника, специалиста в области истории внешней политики России. Данный проект имел особенное значение для Владимира Анатольевича: он был главным мотором авторского коллектива, который включал близких ему людей — маму, блестящего специалиста по Франции и ее ближневосточной политике, и «научную маму» — Н.С. Киняпину. Как неоднократно рассказывал он сам, первоначально планировалось три автора, но Киняпина решила поддержать видного восто-

---

¹⁶ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. / Отв. ред. Н.С. Киняпина. М., 1978.

¹⁷ Чепелкин М.А. Мастерство ученого // Россия в XVIII–XX вв. Страницы истории: к 50-летию научной и педагогической деятельности в Московском университете заслуженного профессора Н.С. Киняпиной. М., 2000. С. 8.

коведа В.И. Шеремета, находившегося тогда в трудной жизненной ситуации, и предложила ему также принять участие в написании книги.

В этот период вышел и ряд статей Георгиева, представлявших собой обзор и анализ нового документального сборника по истории внешней политики России (знаменитое многотомное и многосерийное собрание документов по внешней политике России XIX — начала XX в., предпринятое МИД СССР: «Внешняя политика России XIX — начала XX в. Документы Российского министерства иностранных дел», серии 1-я и 2-я). Одну из подобных статей-рецензий под названием «Первая серия публикаций документов российского Министерства иностранных дел» он написал совместно со своим учителем профессором Н.С. Киняпиной¹⁸. И здесь особое внимание вызвала тема Восточного вопроса и политики России, Великобритании, Франции и Австрии по отношению к нему. Базируясь на опубликованных в сборнике документах, они, в частности, отмечали, что «особую активность проявляла Франция, стремившаяся подчинить Иран своему влиянию. Документы свидетельствуют, что Наполеон поддерживал и подогревал агрессивные намерения шаха, направленные на отторжение территории Закавказья от России»¹⁹.

Авторы рецензии отметили, что представленный столь значительный массив документов позволяет четко выделить основные этапы Восточного вопроса: «Отдельного рассмотрения требует огромный комплекс материалов, касающихся политики Англии, Франции и Австрии в Восточном вопросе и их взаимоотношений с Османской империей. Значение этих материалов уже отмечалось рецензентами. Документы дают широкое представление о внутреннем положении и внешней политике Турции в начале XIX в., позволяют проследить этапы развития Восточного вопроса. Первый, связанный с борьбой европейских держав и Турции против наполеоновской агрессии в Средиземноморье, продолжался до 1806 г. Второй этап, с 1807 по 1812 г., характеризовался усилением национально-освободительного движения на Балканах, с одной стороны, обострением борьбы великих держав за преобладающее влияние в Константинополе — с другой. К этому времени относится заключение первого англо-турецкого соглашения 1809 г., в котором содержалось решение проблемы режима черноморских Проливов (т. V, док. 170, 247,

---

¹⁸ Киняпина Н.С., Георгиев В.А. Первая серия публикаций документов российского Министерства иностранных дел // Новая и новейшая история. 1977. № 1. С. 143–151.

¹⁹ Там же. С. 150.

прим. 27). Документы показывают, что, вопреки мнению англо-американских историков о якобы незаинтересованности Англии в Османской империи, Ближний Восток прочно вошел в сферу ее интересов уже в начале XIX в. Третий этап начался после подписания Бухарестского мирного договора между Россией и Турцией в 1812 г.»²⁰. Киняпина и Георгиев подчеркивали, что «документы публикации имеют огромное значение для изучения политики России в Восточном вопросе. Они позволяют, в частности, опровергнуть фальсификаторскую концепцию западной историографии о непреодолимом стремлении царизма к разделу Османской империи, к аннексии Константинополя и зоны Проливов. На основе изданных материалов советские историки вносят коррективы в оценки политики России на Ближнем Востоке в начале XIX в.»²¹.

Начавший работать на историческом факультете в 1969 г. Владимир Георгиев стал первым и любимым учеником профессора Нины Степановны Киняпиной, основавшей вместе с ним целую школу по изучению внешней политики России и политики на национальных окраинах империи, в первую очередь на Кавказе и в Средней Азии²².

Отметим, что практически вся научная и педагогическая деятельность В.А. Георгиева была связана с родным факультетом и родной кафедрой истории России XIX — начала XX вв. (или как ее называли раньше — кафедрой истории СССР периода капитализма). Он преподавал на кафедре с небольшим перерывом более четырех десятилетий (с марта 1969 г., когда был зачислен молодым ассистентом, и до ухода на пенсию по собственному желанию в сентябре 2018 г.). Несколько лет (с 1974 по 1978 г.) Георгиев занимал пост заместителя заведующего кафедрой по учебной работе, помогая И.А. Федосову, одновременно участвовал в жизни главного факультетского журнала, будучи заместителем главного редактора исторической серии «Вестника Московского университета. Серия 8» и входил в редколлегия такого авторитетного профессионального издания, как «История СССР».

Временное сокращение и прекращение педагогической нагрузки в стенах университета было связано с его переходом на другую работу: почти десятилетие (с 1978 по 1988 г.) он являлся инструктором Отдела науки ЦК КПСС, откуда перешел на дипломатическую

---

²⁰ Там же. С. 150–151.

²¹ Там же. С. 151.

²² Подробнее о школе Н.С. Киняпиной и ее учениках см.: Муханов В.М. Научное наследие и школа профессора Н.С. Киняпиной (к 100-летию со дня рождения) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2020. № 6. С. 64–85.

службу в МИД (с 1988 г. по 1992 г. работал советником посольства СССР, а затем и РФ в Турции). При этом, работая в ЦК партии, он не прерывал полностью связей с университетом и по совместительству продолжил преподавать на родной кафедре. Только четыре года, с 1988 по 1992 гг., находясь в Турции, он вынужден был временно прекратить свое сотрудничество с МГУ.

Таким образом, у Владимира Анатольевича Георгиева было два долгих периода активного преподавания на родной кафедре — с 1969 по 1978 г. и с 1992 по 2018 г.

* * *

В 1992 г. он вернулся в Москву и на родной факультет, вновь став доцентом кафедры. Именно тогда он подключился к работе по развитию школы по изучению внешней политики России. Почти за 20-летний период под его руководством были подготовлены и успешно защищены 10 кандидатских диссертаций, кроме того, было написано свыше трех с половиной десятков дипломных работ. Некоторые его дипломники с радостью продолжили работать с Георгиевым на более высоком уровне и смогли порадовать его в дальнейшем защитой диссертационных исследований. Помимо исторического факультета он также вел семинарские занятия и читал общий курс лекций по российской истории XIX в. в Институте стран Азии и Африки (ИСАА МГУ).

Один из первых его учеников — блистательный лектор и преподаватель Московского университета Оганес Викторович Маринин (доцент факультета иностранных языков и регионоведения), защитивший диссертацию по теме «Дипломатическая деятельность России на завершающем этапе Крымской войны» (1987).

В 1990-е гг. именно В.А. Георгиев стоял у истоков специальной исследовательской группы по изучению российской политики на Кавказе в имперский период. Среди его учеников есть целый ряд историков-кавказоведов, которые либо продолжили заниматься научно-исследовательской деятельностью, либо перешли к практической деятельности, но остались на «кавказском направлении». Можно вспомнить Л.В. Шатохину, успешно защитившую в 2000 г. кандидатскую диссертацию («Политика России на Северо-Западном Кавказе в 20-х — 60-х гг. XIX в.») и уже несколько десятилетий работающую в системе МИД России, хорошо зарекомендовавшую себя в период работы в 4-м (Кавказском) департаменте СНГ. Под руководством Георгиева успешно защитили кандидатские диссертации Н.Ю. Силаев («Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-

правовые аспекты интеграции», 2003), ставший крупным специалистом по постсоветскому пространству, в первую очередь по Кавказу, О.М. Тупицын («МИД России и его зарубежные представительства в эпоху Николая I», 2003), автор данной статьи («Генерал-фельдмаршал А.И. Барятинский (жизненный путь, военно-административная и общественная деятельность)», 2005).

Ряд дипломников Георгиева также занимался кавказской проблематикой. Можно назвать интересные работы И. Гульнева и В. Русецкого, посвященные деятельности на Кавказе таких неординарных военных и государственных деятелей, как граф М.С. Воронцов и Н.И. Евдокимов. К сожалению, столь перспективные темы не были разработаны до уровня кандидатских диссертаций. Но это скорее вздох разочарования по поводу кардинальной смены жизненных приоритетов молодых исследователей, чем упрек в сторону Владимира Анатольевича, который переживал эту неудачу и в личном общении с автором этих строк неоднократно сожалел о том, что исследования на указанные темы не удалось продолжить под его руководством.

После ухода из жизни своего учителя Н.С. Киняпиной Георгиев подхватил и довел до защиты последних ее учеников, в частности, В.Е. Авдеева, который смог закончить диссертацию под названием «А.П. Извольский — министр иностранных дел России» (2008). Под руководством В.А. Георгиева также были успешно защищены диссертации по внешнеполитической проблематике: Н.М. Могилевского «Заграничный поход русской армии. 1813–1814 гг.» (2011), Эхтиари Чароймаги Масумех Али «Русско-английское политическое и экономическое противостояние на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в.» (2013), А.Ю. Лошакова «Граф В.Н. Ламздорф — государственный деятель и дипломат» (2016).

Среди работ Георгиева этого периода следует выделить его программную статью о Кавказской войне, которую он в соавторстве с Н.Г. Георгиевой выпустил в специальном томе Сборника РИО «Россия и Северный Кавказ»²³. Отметим, что Владимир Анатольевич являлся не просто автором, но и одним из составителей этого специализированного издания. Он задумывал концепцию и план издания, подбирал авторов и именно под этот том написал крайне интересный материал²⁴. Он не только систематизировал и упорядочил хронологию войны и подвел главные ее итоги, но и предложил

---

²³ Сборник Русского исторического общества. Т. 2 (150). Россия и Северный Кавказ. М., 2000.

²⁴ Георгиев В.А., Георгиева Н.Г. Кавказская война (1829–1864 гг.) // Сборник РИО. Т. 2 (150). С. 158–171.

новые хронологические рамки такого феномена, как Кавказская война. Предложение Георгиева о повышении нижней границы (начала) войны было услышано и понято рядом историков, в частности, об этом же в 1990-е гг. заговорили и такие корифеи кавказоведения, как М.М. Блиев и В.Г. Гаджиев (в ходе специальной дискуссии, организованной редакцией журнала «Родина»). Однако четко сформулировал обоснование и создал цельную картину именно Георгиев в своей статье.

Владимир Анатольевич настаивал, что «определяя причины складывания враждебного России государства на Северном Кавказе и самой Кавказской войны, следует учитывать не только внешний фактор (русскую экспансию), но и сложные социально-политические процессы, происходившие среди северокавказских народов в 20-х гг. XIX в. Это отвечает современному объективному пониманию сложности возникновения и развития Кавказской войны и во многом расходится со сложившимися ранее историографическими отечественными стереотипами, в значительной степени политизированными и зачастую лишенными глубокого научного обоснования»²⁵.

В связи с этим он обращал внимание на рубеж 1820-х — 1830-х гг., когда на Кавказе произошла смена власти в русской администрации (вместо А.П. Ермолова, попавшего в опалу при новом монархе, на Кавказ был отправлен И.Ф. Паскевич). Именно последний «в 1830 г. обратился со специальной “Прокламацией к населению Дагестана и кавказских гор”. В ней он обвинил имама в “возмущении спокойствия” и в ответ объявил ему войну. С этого момента Россия была прочно втянута во внутренние раздоры народов Северного Кавказа. Развернулась затяжная Кавказская война»²⁶. С другой стороны, «в годы своего правления (1829–1832) Кази-мулла ставил своей главной задачей не только борьбу против русских, но и создание на Северном Кавказе территории, полностью контролируемой имамом». Поэтому Георгиев и предложил передвинуть границы войны и зафиксировать их следующим образом: 1829/1830 г. — 1864 г.

Подчеркнем, что в этом томе ему удалось собрать целую команду единомышленников, которые с радостью откликнулись на его призыв поучаствовать в специально посвященном Кавказу издании. Вспомним блестящую статью профессора В.В. Дегоева, где он подводит промежуточные историографические итоги изучения Кавказской войны, материалы В.Б. Виноградова и Л.В. Шатохиной.

---

²⁵ Там же. С. 162.

²⁶ Там же.

Крайне интересную публикацию документов Кавказского комитета (из фондов РГИА) сделал тогда еще молодой аспирант Н.Ю. Силаев, готовивший как раз в те годы под руководством Георгиева диссертационное исследование. Данный том, ставший сегодня библиографической редкостью, является результатом плодотворной работы В.А. Георгиева как инициатора и одного из составителей.

Он также стал инициатором и одним из составителей другого знакового сборника, посвященного юбилею своего учителя, профессора Н.С. Киняпиной. Издание, подготовленное к 80-летию со дня ее рождения и 50-летию работы в Московском университете, объединило учеников Киняпиной разных поколений, однако первую скрипку в процессе его подготовки сыграли В.А. Георгиев и М.А. Чепелкин, статьи которых об учителе и открывали данный сборник²⁷.

Георгиев не ограничивался только работой со студентами и аспирантами родного факультета, он участвовал и в написании университетских учебников²⁸. Вместе с группой коллег по факультету он также стал заниматься популяризацией исторического знания и выпускать учебники, справочники и учебные пособия по общему курсу истории России (как для ВУЗов, так и для среднеобразовательных школ²⁹). Многие поколения гуманитариев, причем далеко не только историков, помнят его как одного из авторов чуть ли не самого известного учебника для абитуриентов (в соавторстве с А.С. Орловым, Н.Г. Георгиевой и Т.А. Сивохиной)³⁰. Отдельно несколькими тиражами вышли учебные пособия и справочники по российской истории³¹. Эти издания уже несколько десятилетий пользуются большой популярностью как среди абитуриентов (одновременно и среди молодых репетиторов!), так у студентов младших курсов. Однажды один из кафедральных коллег, проходя вместе с Владимиром Анатольевичем во время сессии по факультетскому коридору в 1-м гуманитарном корпусе, у стен которого стояли сту-

---

²⁷ Россия в XVIII–XX вв. Страницы истории: к 50-летию научной и педагогической деятельности в Московском университете заслуженного профессора Н.С. Киняпиной. М., 2000.

²⁸ Например, см.: История России XIX — начало XX в. Учебник для исторических факультетов университетов / Под ред. В.А. Федорова. М., 1998.

²⁹ Например, см.: *Георгиева Н.Г., Георгиев В.А.* История России: XIX — начало XX в. 8-й класс: Учебник. М., 2004.

³⁰ Первое издание этого учебника см.: *Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А.* История России. Учебник. М., 1997.

³¹ Например, см.: *Георгиева Н.Г., Георгиев В.А.* История России: учеб. пособие. М., 2006; *История России в схемах: учеб. пособие / А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина.* М., 2008.

денты, державшие в руках известный учебник «История России» с синим переплетом, язвительно и не без зависти произнес: «Факультет посинел».

В.А. Георгиев сотрудничал и с энциклопедическими изданиями, являясь автором статей в Советской военной энциклопедии (СВЭ) и Большой Российской энциклопедии (БРЭ). Его перу принадлежат как биографические статьи о российских дипломатах и государственных деятелях (например, о канцлере А.М. Горчакове), так и материалы по мирным соглашениям и знаковым переговорам (Бухарестский мир 1812 г., Босфорская экспедиция 1833 г., Берлинский трактат 1878 г. и др.).

На историческом факультете он читал целый ряд специальных курсов, и многие из будущих учеников знакомились с ним и его взглядами, именно приходя на эти лекции по истории внешней политики России, по Восточному вопросу, по Кавказу, Балканам и т.д.³² Владимир Анатольевич поражал своей эрудицией и начитанностью, всегда был открыт к дискуссии и мог оперативно проконсультить любого обратившегося к нему с вопросом.

Со многими учениками Георгиев сохранил дружеские отношения и после завершения их учебы и защиты диссертаций в университете. Он поддерживал своих учеников в непростых жизненных ситуациях, всегда радовался их профессиональным достижениям и личным успехам.

В.А. Георгиев был любознателен и крайне пытливым, его интересовали мнения и оценки коллег, как маститых, так и начинающих исследователей. Он давал высказаться в совместной работе, в ходе подготовки диссертационных исследований учеников, и всегда объяснял причину своих замечаний и необходимость исправлений. Неспешное, детальное обсуждение исследовательского текста традиционно входило в процесс работы с учениками, ты привыкал к этому ритму, и уже внутренне ожидал его, принося очередную часть диссертации на встречу с ним. Он объяснял все свои замечания и предложения, в случае необходимости мог подробнее остановиться на тех, которые вызвали непонимание.

Владимир Анатольевич щедро делился своими контактами в профессиональной среде, помогал ученикам в исследовательском поиске, всегда делился своими оценками и мнением, зачастую давая спокойные и рассудительные советы, многие из которых оказались

---

³² В разные годы он читал спецкурсы по темам: «Восточный вопрос во внешней политике России в первой половине XIX в.», «Внешняя политика России на Ближнем Востоке и Балканах в XIX в.», «Россия и народы Кавказа в первой половине XIX в.», «Источники по истории внешней политики России XIX — начало XX в.».

явно не лишними для молодых, еще неопытных исследователей. Можно сказать даже больше: он ввел ряд своих учеников в профессиональный цех, дав тем самым настоящую путевку в научную жизнь.

Автор этих строк с ностальгией вспоминает конец 1990-х гг., когда благодаря Георгиеву он познакомился с блистательным знатоком конфессиональной политики России, историком и востоковедом Д.Ю. Араповым, который долгие годы являлся профессором кафедры истории СССР периода феодализма. Владимир Анатольевич представил автора статьи профессору В.В. Дегоеву, авторитетному историку-кавказоведу, ставшему впоследствии многолетним руководителем Центра кавказских исследований МГИМО. Именно в команде последнего автор этих строк работал 15 лет в качестве сотрудника вышеуказанного Центра и научного редактора «Кавказского сборника». Владимир Анатольевич живо интересовался работой над очередным томом сборника, а после его выхода всегда ждал экземпляра, который он с большим воодушевлением обсуждал при личной встрече.

В.А. Георгиев был истинным хранителем университетских традиций, он культивировал общение между разными поколениями историков и старался собирать учеников и коллег как в своей московской квартире, так и в загородном доме в Подмоскowie. Нельзя вспомнить ни одного случая, чтобы Владимир Анатольевич свысока разговаривал со своими молодыми коллегами или учениками, он всегда выступал за равный диалог и был готов выслушать любое мнение, даже то, с которым не мог согласиться.

Старших учеников он знакомил с новыми поколениями студентов и аспирантов, создавая тем самым команду единомышленников (во многом сохраняя традиции научной школы Н.С. Киняпиной). Отрадno, что ученики Нины Степановны и Владимира Анатольевича из разных поколений не просто знакомы, но дружны и даже сделали несколько совместных проектов.

В.А. Георгиев был уважаем в профессиональном цехе, многие российские ученые знали его и гордились знакомством с ним. Он является неотъемлемой частью научной школы Н.С. Киняпиной, став одним из ее главных лиц.

References

Chepelkin M.A. *Masterstvo uchenogo* [Mastery of the Scholar] // *Rossiya v XVIII–XX vv. Stranitsy istorii: k 50-letiyu nauchnoy i pedagogicheskoy deyatel'nosti v Moskovskom universitete zaslužennogo professora N.S. Kinyapinoj* [Russia from the 18th through the 20th Century. Pages of History: To the 50th Anniversary of Scholarly

and Pedagogical Activity of Honoured Professor N.S. Kinyapina at Moscow University]. Moscow: Knizhnyy dom "Universitet", 2000. P. 5–15.

Georgiev V.A. *Anglo-amerikanskaya burzhuaznaya istoriografiya Vostochnogo voprosa* [Anglo-American Bourgeois Historiography of the Eastern Question] // *Voprosy istorii*. 1968. N 3. P. 172–181.

Georgiev V.A. *Gorchakov Aleksandr Mikhaylovich // Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya* [Larger Russian Encyclopedia]. Vol. 7. M.: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 2008. P. 494–495.

Georgiev V.A. *Materialy po russkoy istorii v Arkhive Ministerstva inostrannykh del Frantsii* [Materials on Russian History in the Archive of the Ministry of Foreign Affairs of France] // *Voprosy istorii*. 1974. N 10. P. 182–189.

Georgiev V.A. *Review: Degoyev V.V. Imam Shamil': prorok, vlastitel', voin* [Imam Shamil: Prophet, Ruler, Warrior] // *Otechestvennaya istoriya*. 2002. N 4. P. 186–189.

Georgiev V.A. *Review: Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala XX vv. Dokumenty rossiyskogo Ministerstva inostrannykh del. Seriya II (1815–1830). T. IX, X* [Foreign Policy of Russia in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries. Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs. Series II (1815–1830). Vol. IX, X] // *Voprosy istorii*. 1978. N 2. P. 154–158.

Georgiev V.A. *Review: Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala XX vv. Dokumenty rossiyskogo Ministerstva inostrannykh del. Seriya II. T. XI* [Foreign Policy of Russia in the 19th and Early 20th Centuries. Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs. Series II. Vol. XI] // *Novaya i noveyshaya istoriya*. 1983. N 6. P. 166–170.

Georgiev V.A. *Uchitel' i pedagog* [Teacher and Pedagogue] // *Rossiya v XVIII–XX vekakh. Stranitsy istorii: k 50-letiyu nauchnoy i pedagogicheskoy deyatel'nosti v Moskovskom universitete zaslužennogo professora N.S. Kinyapinoy* [Russia from the 18th through the 20th Century. Pages of History: To the 50th Anniversary of Scholarly and Pedagogical Activity of Honoured Professor N.S. Kinyapina at Moscow University]. Moscow: Knizhnyy dom "Universitet", 2000. P. 16–23.

Georgiev V.A. *Vneshnyaya politika Rossii na Blizhnem Vostoke v kontse 30-kh — nachale 40-kh gg. XIX v.: avtoreferat diss. ... kanidata istoricheskikh nauk* [Foreign Policy of Russia in the Middle East in the Late 1830s and Early 1840s: Abstract of the PhD Candidate Diss. in History]. Moscow: [s. n.], 1970. 16 p.

Georgiev V.A. *Vneshnyaya politika Rossii na Blizhnem Vostoke v kontse 30-kh — nachale 40-kh godov XIX v.* [Foreign Policy of Russia in the Middle East in the Late 1830s and Early 1840s]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1975. 200 p.

Georgiev V.A. *Vorontsov Mikhail Semenovich // Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya* [Larger Russian Encyclopedia]. Vol. 6. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 2007. P. 345–346.

Georgiev V.A., Chepelkin M.A., Chernov S.L. *Nina Stepanovna Kinyapina // Novaya i noveyshaya istoriya*. 2004. N 1. P. 252–254.

Georgiev V.A., Georgieva N.G. *"Letuny — glaza armii": k 100-letiyu nachala Pervoy mirovoy voyny* ["Flyers Are Eyes of the Army": To the 100th Anniversary of the Beginning of the First World War] // *Vestnik RUDN. Series "Istoriya Rossii"*. 2014. N 3. P. 237–263.

Georgiev V.A., Georgieva N.G. *Kavkazskaya voyna (1829–1864)* [Caucasian War (1829–1864)] // *Prepodavaniye istorii v shkole*. 1999. N 6. P. 21–30.

Georgiev V.A., Georgieva N.G. *Kavkazskaya voyna (1829–1864 gg.)* [Caucasian War (1829–1864)] // *Sbornik RIO. Vol. 2. Rossiya i Severnyy Kavkaz*. 2000. P. 158–171.

Georgiev V.A., Georgieva N.G. *M. T. Panchenkova kak istorik mezhdunarodnykh otnosheniy kontsa XVIII — nachala XX v.* [M. T. Panchenkova as a Historian of International Relations from the Late 18th through the Early 20th Century] // *Mezhdunarodnyye otnosheniya v issledovatel'skikh praktikakh i prepodavanii vseobshchey istorii* [International Relations in Research Practices and Teaching of General History.]. Moscow: Izdatel'skiy tsentr RGGU, 2006. P. 9–17.

Georgiev V.A., Georgieva N.G. “Pripasy”, iz kotorykh “pocherpat’ dolzhno izvestiya”: ponyatiye “istoricheskiy istochnik” v trudakh istorikov XVIII v. [“Supplies” “to Draw News”: The Concept of “Historical Source” in the Works of Historians of the 18th Century] // *Vestnik RUDN. Series “Istoriya Rossii”*. 2011. N 3. P. 127–140.

Georgiev V.A., Georgieva N.G. *Problema rezhima Chernomorskikh proliovov v 1830-kh — 1840-kh gg.* [The Black Sea Straits Regime in the 1830s–1840s] // *Zhizn' vo imya sozidaniya. K 90-letiyu professora A.S. Protopopova* [Life for the Sake of Creation. To the 90th Anniversary of Professor A.S. Protopopov]. Moscow: RUDN, 2012. P. 77–82.

Georgiev V.A., Georgieva N.G. *Volny sotsial'no-politicheskogo krizisa v Rossii v nachale XX veka* [Waves of Socio-Political Crisis in Russia in the Early 20th Century] // *Rossiyskaya revolyutsiya 1917 g.: istoriya i sovremennost'* [Russian Revolution of 1917: History and Modernity]. Moscow: RUDN, 2017. P. 3–19.

Georgiev V.A., Georgieva N.G. *Vozniknoveniye Vostochnogo voprosa v rossiyskoy vneshney politike (XVIII v.)* [Emergence of the Eastern Question in Russian Foreign Policy (18th Century)] // *Sluzheniye lyudyam i istorii: k 80-letiyu professora V.M. Koz'menko* [Serving People and History: To the 80th Anniversary of Professor V.M. Koz'menko]. Moscow: RUDN, 2021. P. 46–53.

Georgiev V.A., Georgieva N.G., Chepelkin M.A., Chernov S.L. N.S. *Kinyapina kak issledovatel' vneshney politiki Rossii XIX veka* [N.S. Kinyapina as a Researcher of Russia's Foreign Policy in the 19th Century] // *Voprosy istorii*. 2004. N 12. P. 147–153.

Georgiev V.A., Georgieva N.G., Sleptsova T.V. *Vostochnyy vopros v trudakh N.K. Schildera* [Eastern Question in N.K. Schilder's Works] // “Slova prinadlezhat veku, a mysli vekam”: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya N.M. Karamzina. *Materialy XVIII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh 2016 g.* [“Words Belong to the Century, but Thoughts to the Centuries”: To the 150th Anniversary of the Birth of N.M. Karamzin. Proceedings of the 18th All-Russian Scientific Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists 2016]. Moscow: RUDN, 2016. P. 3–10.

Georgieva N.G., Georgiev V.A. *Istoriya Rossii: XIX — nachalo XX v. 8-y klass: uchebnik* [History of Russia: The 19th and Early 20th Century. Grade 8: Textbook]. Moscow: Prospekt, 2004. 288 p.

Georgieva N.G., Georgiev V.A. *Istoriya Rossii: uchebnoye posobiye* [History of Russia: Textbook.]. Moscow: TK Velbi, 2006. 336 p.

Istoriya Rossii. XIX — nachalo XX v.: uchebnik dlya istoricheskikh fakul'tetov universitetov [History of Russia. The 19th and Early 20th Century: A Textbook for Faculties of History at Universities] / Ed. by V.A. Fedorov. Moscow: Zertsalo, 1998. 752 p.

Istoriya Rossii v skhemakh: uchebnoye posobiye [History of Russia in Schemes: Textbook] / A.S. Orlov, V.A. Georgiev, N.G. Georgieva, T.A. Sivokhina. Moscow: Prospekt, 2008. 304 p.

Itogi i zadachi izucheniya vneshney politiki Rossii: sovetskaya istoriografiya [The Results and Tasks of Studying the Foreign Policy of Russia: Soviet Historiography]. Moscow: Nauka, 1981. 388 p.

Kinyapina N.S., Georgiev V.A. *Pervaya seriya publikatsiy dokumentov rossiyskogo Ministerstva inostrannykh del* [The First Series of Publications of Documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs] // *Novaya i noveyshaya istoriya*. 1977. N 1. P. 143–151.

Kinyapina N.S., Georgiev V.A. *Review: Pintner W.M. Russian Economic Policy under Nicholas I (Pinter U.M. Ekonomicheskaya politika Rossii pri Nikolaye I)*. Ithaca: Cornell University Press, 1967. 291 p. // *Istoriya SSSR*. 1968. N 6. P. 194–197.

Klimenko A. Yu. *Istoriko-arkhivnyy: iz vospominaniy vypusknikov i prepodavateley IAI. 1940–1990-ye gody* [Institute for History and Archives: From the Memories of Graduates and Teachers of IHA. 1940–1990s.]. Moscow: AIRO-XXI, 2022. 336 p.

Mukhanov V.M. *Nauchnoye nasledie i shkola professora N.S. Kinyapinoy (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Scholarly Heritage and School of Professor N.S. Kinyapina (To the 100th Anniversary of Her Birth)] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2020. N 6. P. 64–85.

Orlov A.S., Georgiev V.A., Georgieva N.G., Sivokhina T.A. *Istoriya Rossii: uchebnyk* [History of Russia: Textbook.]. Moscow: Prospekt, 1997. 544 p.

Panchenkova M.T., Georgiev V.A. *Problemy vneshney politiki Rossii XIX v. v trudakh sovetskikh istorikov* [Issues of the Foreign Policy of Russia in the 19th Century in the Works of Soviet Historians] // *Voprosy istorii*. 1970. N 7. P. 138–147.

Panchenkova M.T., Georgiev V.A. *Review: Mosse W.E. The Rise and Fall of the Crimean System. 1855–1871 (Moss U. Vozniknoveniye i padeniye Krymskoy sistemy. 1855–1871)*. London: Macmillan; New York: Saint Martin's Press, 1963. 213 p. // *Voprosy istorii*. 1970. N 2. P. 175–177.

Rossiya v XVIII–XX vv. Stranitsy istorii: k 50-letiyu nauchnoy i pedagogicheskoy deyatel'nosti v Moskovskom universitete zaslužennogo professora N.S. Kinyapinoy [Russia from the 18th through the 20th Century. Pages of History: To the 50th Anniversary of Scholarly and Pedagogical Activity of Honoured Professor N.S. Kinyapina at Moscow University]. Moscow: Knizhnyy dom “Universitet”, 2000. 256 p.

Vostochnyy vopros vo vneshney politike Rossii. Konets XVIII — nachalo XX v. [The Eastern Question in Russian Foreign Policy. From the Late 18th through the Early 20th Century] / Ed. by N.S. Kinyapina. Moscow: Nauka, 1978. 434 p.

Поступила в редакцию
28 января 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-3-142-158

М.В. Кирчанов

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ АКАДЕМИЧЕСКИЕ АССОЦИАЦИИ
АМЕРИКАНСКИХ ИСТОРИКОВ КАК УЧАСТНИКИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В США**

M. V. Kyrchanov

**NATIONAL ACADEMIC ASSOCIATIONS OF AMERICAN
HISTORIANS AS PARTICIPANTS OF HISTORICAL
POLITICS IN THE USA**

Аннотация. Цель исследования — анализ деятельности профессиональных академических ассоциаций в США, которые близки к институтам памяти, существующим в Европе. Автор рассматривает роль профессиональных ассоциаций как институтов памяти в развитии мемориальной культуры через призму представленности прошлого в современной политике, его отражения в публичных и общественных пространствах американского общества. Новизна исследования состоит в сравнительной характеристике институций, которые определяют основные векторы и траектории исторической политики как политики памяти в США. В статье проанализированы проблемы деятельности институционализированных акторов политики коллективной памяти в США, включая Американскую историческую ассоциацию, Организацию американских историков и Южную историческую ассоциацию. Предполагается, что эти группы могут формировать версии коллективной памяти гражданского общества как альтернативы политически мотивированному использованию прошлого политическими элитами. В статье рассмотрены институциональные и формальные особенности исторической политики в США, участие исторических ассоциаций в мемориальных конфликтах и «войнах памяти», проблемы политизации истории и попытки академического сообщества сформировать канон коллективной исторической памяти, формально свободный от идеологических

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры международных отношений и регионоведения факультета международных отношений, доцент кафедры зарубежных стран и востоковедения исторического факультета Воронежского государственного университета.

Kyrchanov Maxim Valeryevich, Doctor in History, Associate Professor, Department of International Relations and Regional Studies, Faculty of International Relations, Department of Foreign History and Oriental Studies, Faculty of History, Voronezh State University
maksymkyrchanoff@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3819-3103

влияний. Предполагается, что деятельность профессиональных исторических ассоциаций стала фактором развития ревизионизма в интерпретации истории Американского Юга и Конфедеративных штатов Америки. Поэтому автор анализирует роль и ответственность американских историков как публичных интеллектуалов, которые формируют компромиссные версии мемориальной культуры, содействующие консолидации общества. В статье показан вклад профессиональных исторических ассоциаций как институтов памяти в развитие мнемонических пространств американского общества и его мемориальной культуры. Анализируются попытки американских историков сохранить «чистоту» академических исследований в контекстах растущей идеологизации и инструментализации истории правящими элитами. Результаты исследования позволяют предположить, что институты памяти являются важным фактором в развитии современных идентичностей в США в контекстах ревизии прошлого и формирования новых или альтернативных мемориальных канонов, связанных с американской политической культурой.

Ключевые слова: «институции» памяти, политика памяти, исторические ассоциации, академические сообщества, ревизия истории, мемориальный канон.

Abstract. The aim of the study is to examine the activities of professional academic associations in the U.S., which are close to the memory institutions in Europe. The author examines the role of professional associations as memory institutions in the development of memorial culture through the representation of the past in contemporary politics, its reflection in public and public spaces of American society. The novelty of the study lies in the comparison of institutions that determine the main vectors and trajectories of historical policy as memory policy in the United States. The article analyses the problems of the activities of institutionalized actors of collective memory policy in the U.S., including the American Historical Association, the Organization of American Historians and the Southern Historical Association. It hypothesizes that these groups can shape civil society versions of collective memory as alternatives to politically motivated use of the past by political elites. The article deals with the institutional and formal features of historical politics in the United States, the participation of historical associations in memorial conflicts and “memory wars”, issues of politicization of history and the academic community’s attempts at forming a canon of historical collective memory which is formally free from ideological influences. The activities of professional historical associations have supposedly been a factor in the development of revisionism in the interpretation of the history of the American South and the Confederate States of America. Therefore, the author considers the role and responsibility of American historians as public intellectuals who shaped compromise versions of memorial culture that contributed to the consolidation of society. The article highlights the contribution of professional historical associations as memory institutions to the development of mnemonic spaces of American society and its memorial culture. It analyses the attempts of American historians to preserve the “purity” of academic research in the context of the growing ideologization and instrumentalization of history by ruling elites. The research

results suggest that memory institutions are an important factor in the development of contemporary identities in the United States in the context of revision of the past and the formation of new or alternative memorial canons in American political culture.

Keywords: memory institutions, politics of memory, historical associations, academic communities, revision of history, memorial canon.

* * *

Введение. Историческая политика — универсальная форма контроля общества при помощи идеологически мотивированных манипуляций с прошлым. «Политика памяти столь же неизбежна, как и политизация истории, нет обществ, начиная с племенных, которые так или иначе не регулировали бы эту сферу»¹, — подчеркивает российский историк А. Миллер, комментируя подобные идеологически мотивированные манипуляции с прошлым. В современном мире существуют страны, где политика памяти не получила организованной институционализации и реализуется при помощи средств массовой информации или общественных организаций. Элиты в случае применения этой формы исторической политики могут вмешиваться в деятельность академического сообщества историков, определяя возможные и недопустимые темы исследований. Историческая политика отличается тем, что в ее реализацию вовлечено несколько разноуровневых акторов — от СМИ до музеев, от академических институций до профессиональных ассоциаций. Именно в такой форме политика памяти реализуется в мемориальной культуре США.

Целью данной статьи является анализ организационных уровней политики памяти в США, представленных профессиональными академическими историческими ассоциациями. Задачи автора ограничены изучением общей институционализированной структуры исторической политики, анализом активностей ее академических участников и особенности стратегии формально «научных» версий «проработок прошлого», определяющих развитие мемориальной культуры американского общества.

Историческая память и ее институционализированные носители стали предметом изучения². Современная историография памяти отличается определенным тематическим разнообразием³, но в актуальных мемориальных штудиях присутствуют лакуны, связанные с меньшим интересом со стороны историков к проблемам исто-

---

¹ Миллер А. Россия: власть и история // Pro et contra. 2009. Май–август. С. 7.

² Memory Cultures: Memory, Subjectivity and Recognition / Ed. S. Leydesdorff. London; New York, 2017.

³ Danilova N. The Politics of War Commemoration in the UK and Russia. London; New York, 2016.

рической политики в США⁴, так как в этой стране манипуляции с историей не институционализированы формально и не содействуют фрагментации и поляризации общества, сравнимой с аналогичными процессами в Европе.

Для значительной части работ, сфокусированных на исторической политике, характерна ее редукция до определенных географических (как правило, восточноевропейских) границ или локализация проблем памяти в интеллектуальной истории⁵. Большинство исследований исторической политики ограничивается конкретными национальными версиями или теми проблемами прошлого⁶, которые актуальны для того или иного общества. Если европейская и восточная политика памяти изучается регулярно⁷, то проблемы мемориальной культуры США в ее институционализированном проявлении изучены в меньшей степени.

Институциональные особенности политики памяти в США.

Американская версия политики памяти имеет свои институциональные особенности, отличающие ее от европейского опыта, подчеркивая множественный характер участников, формирующих культуру памяти, основанную на интерпретациях коллективного опыта США через призму его восприятия в различных формах памяти.

Историческая политика в США на организационном уровне не контролируется элитами и государством, реализуется не только активистами памяти, нацеленными на ревизию истории, но и проводится академическими участниками, среди которых особое место принадлежит профессиональным ассоциациям историков. В условиях «отсутствия общественных институтов», аналогичных по своим функциям европейским «институтам памяти», которые «могли стать форумом для обсуждения болезненных конфликтов»⁸, связанных с восприятием прошлого в различных мемориальных культурах, аналогичные роли вынуждено играть профессиональное академическое сообщество.

В США действует ряд таких организаций, включая Американскую историческую ассоциацию (АИА), Организацию американских историков (ОАИ) и Южную историческую ассоциацию (ЮИА). Эти

---

⁴ *Landsberg A. Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture. New York., 2004.*

⁵ *Kaplonski Ch. Truth, History and Politics in Mongolia: Memory of Heroes. London; New York, 2004.*

⁶ *Cohen A.J. War Monuments, Public Patriotism, and Bereavement in Russia, 1905–2015. Lanham, Maryland, 2020.*

⁷ *Radstone S. Memory, History, Nation: Contested Pasts. London; New York, 2017.*

⁸ *Асупов А. Эстония: политическая борьба за место в истории // Pro et contra. 2009. Май–август. С. 110.*

объединения представляют собой академические организации, призванные консолидировать профессиональных историков, защищая научную этику, развивая издательские, премиальные и стипендиальные программы. Именно такие академические сообщества ответственны за развитие исторической памяти как «многоуровневой информационной системы, в структуру которой входит не только феномен индивидуальной памяти, но и структуры надындивидуальной памяти»⁹, функции которой могут представлять объединения интеллектуалов, представленные профессиональными историками. Политика памяти, по мнению Н. Копосова, предполагает «идеологизацию и инструментализацию истории»¹⁰, чем отчасти занимаются и рассматриваемые в представленной статье профессиональные ассоциации американских историков.

Профессиональные ассоциации американский историков не могут игнорировать мемориальный поворот в международной и междисциплинарной историографии памяти. В первой половине 2000-х гг. Д. Блайт констатировал, что «уже более десяти лет историки изучают прошлое через призму “памяти”. Некоторые говорят, что мы отклонились от нашего обучения и предмета, “перешли на сторону врага” постструктурализма, но другие почувствовали тягу к исследованию того, как общества помнят, к исследованию “мифов”, определяющих культуры, переходя в область общественного, коллективного исторического сознания во всех его проявлениях»¹¹. Именно такой парадигме восприятия коллективной исторической памяти стремятся следовать профессиональные академические ассоциации, хотя склонность дистанцироваться от политики памяти содействует их добровольной самоизоляции и игнорированию актуальной идеологической повестки дня, чем пользуются элиты, отстраняя историков от формирования мемориальной культуры.

Историки, тем не менее, как полагает украинская исследовательница И. Колэсник, «всегда находятся в силовом поле политики и власти. Одни историки сознательно обслуживают потребности власти, как официальные историографы правителей, династий, стран, даже выступают архитекторами новых государств. Другие не демонстрируют открыто свои политические предпочтения и взгляды. Некоторые сознательно отстраняются от власти и государственных инсти-

---

⁹ Макаров А.И. Историческая память: конструкция или реконструкция? // Историческая экспертиза. 2014. № 1. С. 8.

¹⁰ Копосов Н. Исторические понятия в мире без будущего // Как мы пишем историю / Отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М., 2013. С. 69–70.

¹¹ Blight D.W. Historians and “memory” // *Commonplace. The Journal of Early American Life*. 2002. Vol. 2. N 3. — URL: <http://commonplace.online/article/historians-and-memory/> (дата обращения 07.11.2022)

тутов, ведь настоящий интеллеktуал всегда находится в оппозиции к власти и существующему режиму»¹². Профессиональные ассоциации американских историков в начале XXI в. пытались лавировать между подобными крайними поведенческими моделями, но уже с середины 2010-х гг. они все более активно оказывались втянутыми в политику памяти.

Несмотря на констатацию исследователями процесса «неуклонного ослабления институциональной памяти»¹³, деятельность ряда исторических обществ в США указывает, наоборот, на вовлеченность в вопросы развития мемориальной культуры. Активность профессиональных ассоциаций американских историков не ограничивается аспектами, связанными с функционированием исторических исследований. Подобные институции, профессионально вовлеченные в изучение истории, определяемые как «институты памяти»¹⁴, существенно влияют на развитие мемориальных культур общества, в рамках которого функционируют. В первой четверти XXI в. профессиональные объединения историков оказались втянуты в политически и идеологически мотивированное использование истории элитами и ее применение другими группами, интересы которых не могут быть определены как академические. Исторические ассоциации стали вынужденными акторами политики памяти, реагируя на политизацию и идеологизацию истории, ее применение для решения политических задач. Вовлеченность в политику памяти для таких объединений не является приоритетной, имея вторичный характер в их деятельности, что не позволяет их исключать из числа формализованных акторов исторической политики в США при условии отсутствия в этой стране государственно контролируемых институтов памяти.

Академические ассоциации и политика памяти. Участие академических ассоциаций в политике памяти в США разнообразно. Формой вовлеченности академического сообщества в политику памяти следует признать попытки ассоциаций участвовать в защите наследия и большей представленности исторического знания в публичных пространствах. Инициативы АИА в этом направлении разнообразны. Особую роль играет написание и публикация откры-

---

¹² Колесник І. Український історик і влада: від примусу до партнерства // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. 2017. Вип. 9. С. 9.

¹³ Corbett J. Institutional Memory: we need a more dynamic understanding of the way institutions remember // London School of Economics. 2018. February 22. — URL: <https://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/institutional-memory-dynamic-approach/> (дата обращения 07.11.2022)

¹⁴ Byrne A. Institutional memory and memory institutions // The Australian Library Journal. 2015. Vol. 64. N 4. P. 259–269.

тых писем, направленных на недопущение политизации истории и защиту исторической памяти, представленной материальным и нематериальным наследием. Выражение позиции АИА в отношении исторического образования, по мнению С. Скотт, отражает неформальный консенсус, возникший в среде американских историков относительно того, что именно «образование формирует национальную историческую память и оказывает мощное влияние на то, как воспринимаются права и обязанности в свете новой волны консервативных усилий, направленных на цензурирование и контроль исторического образования, которые не только ошибочны, но и могут привести к пагубным последствиям»¹⁵.

Опасаясь именно такого негативного эффекта, в 2014 г. АИА выступила против инициативы администрации округа Джэфферсон (Колорадо) пересмотреть учебные программы по истории. Руководство АИА в связи с этим указывало на то, что требования школьной администрации, согласно которым учебные «материалы должны пропагандировать гражданственность, патриотизм, основы и преимущества системы свободного предпринимательства, уважение к власти и уважение прав личности... должны представлять положительные аспекты Соединенных Штатов и их наследия»¹⁶, направлены на цензурирование исторической памяти. 16 июня 2015 г. президент АИА Вики Л. Руис и исполнительный директор Джэймс Гроссман направили губернатору штата Айова Тэрри Бранстаду письмо с протестом против сокращения финансирования деятельности Исторического общества штата¹⁷. В 2015 г. АИА выступила против закрытия Музея штата Иллинойс, инициированного региональными властями¹⁸.

В 2015 г. АИА указала на опасность фрагментации исторической памяти в США, увидев в решении властей штата Джорджия

---

¹⁵ Scott S. The Battle for Historical Memory // Harvard Political Review. 2021. July 21. — URL: <https://harvardpolitics.com/battle-for-historical-memory/> (дата обращения 07.11.2022)

¹⁶ Letter to the Board of education for Jefferson County Colorado public schools // Perspectives on History. 2014. October 2. — URL: <https://www.historians.org/research-and-publications/perspectives-on-history/october-2014/letter-to-the-board-of-education-for-jefferson-county-colorado-public-schools> (дата обращения 07.11.2022)

¹⁷ AHA sends letter of concern regarding funding cuts for the State Historical Society of Iowa // Perspectives on History. 2015. June 17. — URL: <https://www.historians.org/research-and-publications/perspectives-on-history/summer-2015/aha-sends-letter-of-concern-regarding-funding-cuts-for-the-state-historical-society-of-iowa> (дата обращения 07.11.2022)

¹⁸ Letter of concern regarding the possible closure of the Illinois State Museum // Perspectives on History. 2015. June 25. — URL: <https://www.historians.org/research-and-publications/perspectives-on-history/summer-2015/letter-of-concern-regarding-the-possible-closure-of-the-illinois-state-museum> (дата обращения 07.11.2022)

ограничить возможности для посещения университетов и архивов для мигрантов¹⁹ опасность не только фрагментации мемориальной культуры, но и появления альтернативных вариантов контрпамяти, которые будут отсечены от национального мнемонического пространства. В 2016 г. АИА впервые открыто вступила в конфликт с проводниками исторической политики в Польше²⁰, осудив деятельность Института национальной памяти в связи с возможным судебным преследованием польского историка Я. Гросса за его исследование Холокоста, вскрывавшими участие в нем поляков.

Четырьмя годами ранее, в 2012 г., АИА выступила против попыток создания институций, аналогичных европейским институтам памяти, указав на то, что «академическая свобода является важным компонентом образовательной миссии, необходимым для продвижения знания, ученые должны иметь возможность преподавать и проводить исследования с уверенностью в том, что они могут выражать свои взгляды, не опасаясь репрессий»²¹. В 2017 г. АИА оказалась втянутой в «войну с памятниками», выступив против уничтожения исторического наследия, подчеркнув, что излишняя идеологизация истории и попытки использования прошлого в политических целях «вызвали споры о месте памятников Конфедерации в общественных местах, а также связанные с этим разговоры о роли конфедератов, неонацистов и сторонников превосходства белой расы в американской политической культуре»²².

ЮИА, наоборот, стремится избежать втягивания в конфликты памяти, настаивая, что «призвана продвигать “исследовательский, а не мемориальный подход” к южной истории, развивать историческое мышление на юге Америки, содействовать изучению и преподаванию истории Юга на всех уровнях образования, поощрять сбор

---

¹⁹ АНА opposes Georgia policy to deny higher ed access to undocumented students // Perspectives on History. 2015. June 22. — URL: <https://www.historians.org/research-and-publications/perspectives-on-history/summer-2015/aha-opposes-georgia-policy-to-deny-higher-ed-access-to-undocumented-students> (дата обращения 07.11.2022)

²⁰ Letter of concern to Polish government regarding treatment of historian Jan Gross // Perspectives on History. 2016. November 14. — URL: <https://www.historians.org/research-and-publications/perspectives-on-history/november-2016/letter-of-concern-to-polish-government-regarding-treatment-of-historian-jan-gross> (дата обращения 07.11.2022)

²¹ АНА Council endorses academic freedom decision // Perspectives on History. 2012. December 6. — URL: <https://www.historians.org/research-and-publications/perspectives-on-history/december-2012/aha-council-endorses-academic-freedom-decision> (дата обращения 07.11.2022)

²² АНА statement on Confederate monuments // Perspectives on History. 2017. August 29. — URL: <https://www.historians.org/research-and-publications/perspectives-on-history/summer-2017/aha-statement-on-confederate-monuments> (дата обращения 07.11.2022)

и сохранение исторических источников на юге Америки, и поддерживать государственные и местные исторические общества, музеи и образовательные организации на американском Юге»²³. Несмотря на столь демонстративное отрицание мемориальности, ЮИА, как и другие исторические ассоциации в США, фактически оказалась вынужденным участником политики памяти и формирования мемориальной культуры.

Реагируя во второй половине 2010-х гг. на растущую политизацию истории, АИА призвала к консолидации мемориальной культуры, указав на необходимость и важность «понимания исторического контекста при любом рассмотрении вопроса об удалении или реконтекстуализации памятников или переименовании общественных мест»²⁴, что стало признанием гетерогенного характера исторической коллективной памяти. Таким образом, академическая историческая наука на ее институциональном уровне «может существовать в условиях конфликта между интересами исследования и требования текущей политики»²⁵, которые вынуждают историков становиться участниками политики памяти. Поэтому начиная с середины 2010-х гг. АИА запустила программу, направленную на повышение «видимости» исторической памяти в публичных пространствах. С 2013 г. члены АИА совместно с Конгрессом разработали комплекс мер по «повышению исторической осведомленности», для чего планировалось организовывать «лекции известных историков и политиков, чтобы представить исторический контекст и точку зрения на текущие и прошлые проблемы», а также ежегодно вручать награду Конгресса за «сохранение прошлого»²⁶.

К концу 2010-х гг. в рамках АИА сложилось консолидированное мнение о недопущении политизации истории. Критикуя тенденции идеологизации истории, АИА подчеркивала, что историки «осознают свою ответственность, которую несут, будучи частью институциональной матрицы гражданского общества, будучи учи-

---

²³ Southern Historical Association. Mission. — URL: <https://www.thesha.org/about> (дата обращения 07.11.2022)

²⁴ AHA statement on Confederate monuments // Perspectives on History. 2017. August 29. — URL: <https://www.historians.org/research-and-publications/perspectives-on-history/summer-2017/aha-statement-on-confederate-monuments> (дата обращения 07.11.2022)

²⁵ Lindner R. New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka's Belarus // Nationalities Papers. 1999. Vol. 27. N 4. P. P. 631.

²⁶ Support history, urge your representative to join the Congressional History Caucus today // Perspectives on History. 2015. July 14. — URL: <https://www.historians.org/research-and-publications/perspectives-on-history/summer-2015/support-history-urge-your-representative-to-join-the-congressional-history-caucus-today> (дата обращения 07.11.2022)

телями, исследователями и гражданами, привносящими в гражданскую культуру ценности взаимного уважения и многообразия»²⁷. Осознавая сложности в развитии исторического образования в США и понимая то, что «сумеречная зона между живой памятью и письменной историей легко может стать питательной средой для мифологии»²⁸, профессиональные исторические ассоциации все больше втягиваются в политику памяти, становясь ее вынужденными активными участниками. Поэтому АИА негативно восприняла попытки использовать прошлое «в интересах фанатизма, насилия и разделения общества», признав одновременное сосуществование нескольких версий исторической памяти, «составляющих неоспоримую часть нашего коллективного прошлого, негативные аспекты которого следует выявлять и преодолевать, а не игнорировать или прославлять»²⁹.

Признавая то, что коллективная память неизбежно актуализирует травматический опыт, АИА стремится преодолеть национальные границы мемориальной культуры, основанной на примате группы или расы³⁰, интегрируя культуру исторической памяти США в более широкие, глобальные контексты³¹. В этом контексте профессиональные ассоциации американских историков фактически актуализируют противоречия в «отношениях между опытом, памятью, репрезентацией, историей, авторитетом и институтами»³², формирующими мемориальную культуру. Поэтому АИА, постоянно указывающая на важность академического, а не политизированного изучения истории³³, позиционирует себя «на переднем крае конф-

---

²⁷ Statement from the AHA on domestic terrorism, bigotry, and history // Perspectives on History. 2019. August 26. — URL: <https://www.historians.org/research-and-publications/perspectives-on-history/september-2019/statement-from-the-aha-on-domestic-terrorism-bigotry-and-history> (дата обращения 07.11.2022)

²⁸ *Kamman M.* Mystic Chords of Memory: The Transformation of Tradition in American Culture. New York, 1993. P. 31.

²⁹ Statement from the AHA on domestic terrorism, bigotry, and history // Perspectives on History. 2019. August 26. — URL: <https://www.historians.org/research-and-publications/perspectives-on-history/september-2019/statement-from-the-aha-on-domestic-terrorism-bigotry-and-history> (дата обращения 07.11.2022)

³⁰ *Linn-Tynen E.* Reclaiming the past as a matter of social justice: African American heritage, representation and identity in the United States // *Critical Perspectives on Cultural Memory and Heritage: Construction, Transformation and Destruction* / Ed. V. Apaydin. London, 2020. P. 255–268.

³¹ Globalizing the US History Survey. — URL: <https://www.historians.org/teaching-and-learning/globalizing-the-us-history-survey> (дата обращения 07.11.2022)

³² *Dempsey L.* Memory institutions redux: pluralizing memories and a stay against forgetting // *Lorcan Dempsey*. 2018. December 7. — URL: <https://www.lorcandempsey.net/memory-institutions-redux/> (дата обращения 07.11.2022)

³³ Why Study History? — URL: <https://www.historians.org/teaching-and-learning/why-study-history> (дата обращения 07.11.2022)

ликта из-за прошлого Америки, противостоя оппонентам, которые активно продвигают невежество в угоду вводящим в заблуждение представлениям о единстве»: вместо такого политизированного восприятия прошлого, основанного на гипертрофированной политической корректности, АИА стремится найти компромисс в «спорах о преподавании американского прошлого»³⁴.

Несмотря на то что «в некоторых случаях забвение может быть более полезным в контекстах страданий, разрушений, боли, смерти и многого другого, вдохновляемого воспоминаниями»³⁵, американские исторические ассоциации последовательны в своей рефлексии относительного болезненного коллективного опыта, отвергая потенциал социальной и культурной амнезии. В такой ситуации центральным моментом в этих дискуссиях, как правило, оказывается история афроамериканцев³⁶. С аналогичными проблемами сталкиваются историки, изучающие американо-азиатское прошлое³⁷, так как оно стало объектом исторической политики и идеологически мотивированных спекуляций. Вместо последних ОАИ предлагает консолидировать мемориальный канон путем академизации знания и локализации в исторической памяти США всех акторов истории вне зависимости от расовой принадлежности или политических предпочтений³⁸. По мнению некоторых историков, в профессиональном сообществе «существует восхищение исследованием коллективного и индивидуального “прошлого”, которое используется для конструирования и поддержания идентичностей в новых политиках памяти»³⁹, но само участие интеллектуалов в ревизии и формировании новых мемориальных культур оказывается чрезвычайно болезненным, так как стимулирует процессы одновременного и параллельного соразвития памятей и контрпамятей.

Подобные настроения в рядах профессиональных ассоциаций американских историков начиная с середины 2010-х гг. актуализи-

---

³⁴ *Confronting Controversies about America's Past.* — URL: <https://www.historians.org/news-and-advocacy/teaching-history-with-integrity> (дата обращения 07.11.2022)

³⁵ *Ugarte M.* In Praise of Forgetting and the Historical Memory of the Spanish Civil War // *Historiografías.* 2017. No 13. P. 146.

³⁶ *The Future of the African American Past.* — URL: <https://www.historians.org/teaching-and-learning/future-of-the-african-american-past> (дата обращения 07.11.2022)

³⁷ *Lee E.* The Necessity of Teaching Asian American History. — URL: <https://www.oah.org/tah/issues/2022/asian-american-and-pacific-islander-history/the-necessity-of-teaching-asian-american-history/> (дата обращения 07.11.2022)

³⁸ *Cadava G.L.* How Should Historians Remember the 1965 Immigration and Nationality Act? — URL: <https://www.oah.org/tah/issues/2015/august/how-should-historians-remember-the-1965-immigration-and-nationality-act/> (дата обращения 07.11.2022)

³⁹ *Айтүэйт Ы, Рэй Л.* Мадэрнасць, памяць і посткамунізм // Палітычная сфера. 2006. № 6. С. 29.

руются «возвращением» наследия Конфедеративных Штатов Америки (КША) в американскую мемориальную политику, хотя память о сецессии всегда была важным элементом идентичности южных штатов, актуализируя проблемы коллективной исторической травмы⁴⁰, полученной как Югом, так и Севером в результате гражданской войны. Логика развития общества, по мнению историков, «конструируется через историческую память»⁴¹. В случае с США подобная логика была редуцирована до состояния мемориального конфликта. В связи с этим историки проявляют обеспокоенность идеологической инструментализацией памяти о КША и интеграции ее символов, например знамен⁴², в современные политические процессы, что фрагментирует американскую культуру памяти. Джэйсон Уорд полагает, что «кампания по снятию флага КША с правительственных зданий и удалению изображения с санкционированных и выдаваемых государством номерных знаков»⁴³ поместила историю гражданской войны в центр политических дебатов, стимулируя войны памяти⁴⁴, гетерогенизацию мемориальной культуры и выдвигание радикальных контрпамятей.

Комментируя ситуацию, которая сложилась в США с вовлеченностью профессиональных исторических ассоциаций в проведении политики памяти, С. Скотт констатирует тенденции фрагментации интеллектуальных сообществ, так как «признание ошибок и сложностей в американской истории стало не только самым патриотичным способом выразить отношение к прошлому. Вместе с тем, нет ничего проще прославления национального нарратива и восхищения им, но гораздо важнее выражать верность идеалам свободы и равенства, признавая, что страна не всегда им соответствовала. Поэтому цель истории — не породить ура-патриотизм и заставить граждан чувствовать себя хорошо в отношении каждого аспекта прошлого. Историю следует преподавать не как упражнение в патриотическом самовосхвалении, а наоборот, как критический ана-

---

⁴⁰ Trauma and Trigger Warnings in the History Classroom: A Roundtable Discussion. — URL: <https://www.oah.org/tah/issues/2015/may/trauma-and-trigger-warnings-in-the-history-classroom/> (дата обращения 07.11.2022)

⁴¹ Ocasio W., Mauskapf M., Steele Ch. History, society, and institutions: the role of collective memory in the emergence and evolution of societal logics // *Academy of Management Review*. 2016. Vol. 41. N 4. P. 676–699.

⁴² Callahan S., Ledgerwood A. On the Psychological Function of Flags and Logos: Group Identity Symbols Increase Perceived Entitativity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2016. Vol. 110. N 4. P. 528–550.

⁴³ Ward J. The Cause Was Never Lost. — URL: <https://www.oah.org/tah/issues/2015/november/the-cause-was-never-lost/> (дата обращения 07.11.2022)

⁴⁴ Cook R.J. *Civil War Memories: Contesting the Past in the United States since 1865*. Baltimore, 2017.

лиз того, как прошлое создало общество, в котором мы живем сегодня»⁴⁵.

Подобные инициативы академического сообщества породили разные реакции со стороны общества. С одной стороны, часть историков, склонных к академическим штудиям, разделяет такую позицию. С другой — адепты радикальной политической культурности заметили консервативные устремления, граничащие с расизмом, в склонности конструировать исторический нарратив в контексте научной эпистемологии. В целом же, попытки историков остаться в рамках научной парадигмы, а не политической и идеологической повестки дня содействовали одновременно как большей фрагментации американского профессионального сообщества историков, так и углублению политизации и идеологизации исторической памяти, что стимулировало расколы в обществе и проведение новых разделительных линий, лежащих в плоскости отношения к истории и восприятия общего коллективного прошлого.

Механизмы генерирования исторической памяти, предлагаемые, например, Обществом историков гражданской войны, действующим под эгидой ЮИА, кажутся чрезмерно консервативными. Общество, декларируя свое «стремление продвигать изучение эпохи гражданской войны и привносить большую согласованность в эту область, поощряя интеграцию социальной, военной, политической и других форм истории»⁴⁶, явно не в состоянии успешно конкурировать с теми участниками исторической политики, которые склонны актуализировать сервиллистскую роль прошлого, используя его как ресурс мобилизации.

В целом, профессиональные ассоциации крайне критически относятся к инициативам властей штатов⁴⁷, которые стремятся, по их мнению, цензурировать изучение и преподавание истории, что чревато еще большей фрагментацией американской мемориальной культуры и формированием контрпамяти, основанной не на знании прошлого, но на его политически мотивированной мифологизации. С критикой растущего цензурирования памяти выступает ОАИ⁴⁸,

---

⁴⁵ Scott S. The Battle for Historical Memory // Harvard Political Review. 2021. July 21. — URL: <https://harvardpolitics.com/battle-for-historical-memory/> (дата обращения 07.11.2022).

⁴⁶ About the SCWH. — URL: <https://scwh.memberclicks.net/> (дата обращения 07.11.2022)

⁴⁷ Teaching History with Integrity: Historians Speak. — URL: <https://www.historians.org/about-aha-and-membership> (дата обращения 07.11.2022)

⁴⁸ Academic Freedom Guidelines and Best Practices. — URL: <https://www.oah.org/about/governance/policies/academic-freedom-guidelines-and-best-practices/> (дата обращения 07.11.2022)

подчеркивая, что академическая свобода имеет системное значение для изучения прошлого и достижения компромисса между различными версиями исторической памяти, существующими в США.

Стремясь преодолеть наследие политических и идеологических противоречий, американские участники политики памяти продвигают просветительские проекты, направленные на выработку нового мемориального канона, основанного на признании взаимного, белого и черного, вклада в историю США и коллективную память. Poleмизуя со сторонниками унификации мемориальной культуры, АИА обвиняет их в уничтожении «свободного изучения истории», так как «во многих штатах законодатели внесли законопроекты о “разделяющих концепциях”, которые стремятся ограничить преподавание истории таким образом, чтобы учителя практически не могли помочь учащимся вдумчиво рассмотреть рабство и расизм в историческом развитии»: поэтому вместо цензурирования исторической памяти АИА настаивает на необходимости продвижения в публичном пространстве «честного преподавания истории»⁴⁹.

Что касается ОАИ, то она настаивает на возможности возвращения к компромиссной мемориальной культуре, если профессиональные ассоциации историков трансформируются в «сообщества для широкого круга людей, которые в настоящее время интерпретируют прошлое страны, а также станут центрами, генерирующими образы американской истории»⁵⁰. Таким образом, в политике памяти США формально академические институты стремятся играть большую роль, так как опасаются не только конкуренции со стороны идеологически мотивированных акторов, но и генезиса и продвижения с их участием альтернативных мемориальных контркультур, основанных не на знании, но на инструментализации прошлого для достижения политических целей.

Выводы. Общественные организации и научные академические группы и ассоциации стали в США структурами, которые по степени своей вовлеченности в реализацию исторической политики, формирование и развитие мемориальной культуры, сохранение и поддержание канона коллективной памяти, сопоставимы с формализованными институтами, существующими в странах Европы.

Несмотря на формальную общность решаемых задач, история возникновения и последующее развитие акторов исторической по-

---

⁴⁹ Freedom to Learn. — URL: <https://www.historians.org/news-and-advocacy/teaching-history-with-integrity/freedom-to-learn> (дата обращения 07.11.2022)

⁵⁰ OAH24: strategic plan, 2020-2024. — URL: <https://www.oah.org/about/strategic-plan/> (дата обращения 07.11.2022)

литики в США радикально отличается от европейских мемориальных структур. Значительная часть американских участников исторической политики имеет более продолжительную историю, чем их европейские аналоги. В отличие от Европы, где основным заказчиком мемориального канона, ответственным за формирование культуры памяти, является государство, в США аналогичные функции выполняют различные группы и профессиональные ассоциации, представляющие гражданское общество.

Деятельность американских академических организаций, которые по своим функциям близки европейским институтам памяти, приводит к различным результатам. Активность акторов исторической политики содействует политизации и идеологизации истории, превращая из чисто академической дисциплины в пространство актуализации идеологических предпочтений. Политические процессы в США указывают на растущие тенденции политизации истории, ее идеологизации и последовательной инструментализации, что ведет к превращению памяти в важный политический ресурс.

Исторические ассоциации национального и регионального уровня не являются единственными институционализированными участниками подобного плана современной политики памяти в США. Современная американская мемориальная культура и формирующие ее каноны памяти представлены другими акторами, которые включают в себя протестантские деноминации, различные религиозные группы и национальные сообщества, которые сформировали свои собственные идентичности, укорененные, в том числе, в уникальном историческом опыте, связанном с коллективной памятью. Эти сообщества активно формируют свои версии исторической памяти, внося тем самым вклад в развитие и функционирования американской мнемонической культуры, будучи также вынужденными или добровольными участниками исторической политики, вовлеченность в которую варьируется от ревизии истории и «проработок прошлого» до войн памяти и мемориальных конфликтов.

Таким образом, гетерогенный состав участников исторической политики, их различные предпочтения, возникшие в результате генезиса и противоречий функционирования подобных структур в публичных пространствах на протяжении, как минимум, двух столетий, склонность элит активно использовать прошлое для реализации собственных целей, наличие непреодоленных коллективных травм и взаимоисключающих мемориальных культур — все эти факторы свидетельствуют о том, что тенденции к перемещению истории в центр политических дискуссий будут сохраняться, содействуя тому,

что политика памяти, проводимая как правящими кругами США, так и гражданским обществом в лице профессиональных исторических ассоциаций, будет оставаться важным элементом политического процесса.

References

Astrov A. *Estoniya: politicheskaya bor'ba za mesto v istorii* [Estonia: Political Struggle for a Place in History] // *Pro et contra*. 2009. May–August. P. 109–124.

Blight D.W. *Historians and “Memory”* // *Commonplace. The Journal of Early American Life*. 2002. Vol. 2. N 3. — URL: <http://commonplace.online/article/historians-and-memory/>

Byrne A. *Institutional Memory and Memory Institutions* // *The Australian Library Journal*. 2015. Vol. 64. N 4. P. 259–269.

Cadava G.L. *How Should Historians Remember the 1965 Immigration and Nationality Act?* — URL: <https://www.oah.org/tah/issues/2015/august/how-should-historians-remember-the-1965-immigration-and-nationality-act/>

Callahan S., Ledgerwood A. *On the Psychological Function of Flags and Logos: Group Identity Symbols Increase Perceived Entitativity* // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2016. Vol. 110. N 4. P. 528–550.

Cohen A.J. *War Monuments, Public Patriotism, and Bereavement in Russia, 1905–2015*. Lanham, Maryland: Lexington Books, 2020. 271 p.

Cook R.J. *Civil War Memories: Contesting the Past in the United States since 1865*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2017. 288 p.

Corbett J. *Institutional Memory: We Need a More Dynamic Understanding of the Way Institutions Remember* // *London School of Economics*. 2018. February 22. — URL: <https://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/institutional-memory-dynamic-approach/>

Danilova N. *The Politics of War Commemoration in the UK and Russia*. London; New York: Palgrave Macmillan, 2016. 272 p.

Dempsey L. *Memory Institutions Redux: Pluralizing Memories and a Stay against Forgetting* // *Lorcan Dempsey*. 2018. December 7. — URL: <https://www.lorcandempsey.net/memory-institutions-redux/>

Kamman M. *Mystic Chords of Memory: The Transformation of Tradition in American Culture*. New York: Vintage Press, 1993. 880 p.

Kaplonski Ch. *Truth, History and Politics in Mongolia: Memory of Heroes*. London; New York: Routledge, 2004. 250 p.

Kolesnyk I. *Ukrayins'kyi istoryk i vlada: vid prymusu do partnerstva* [Ukrainian Historian and Power: From Coercion to Partnership] // *Eidos. Al'manakh teoriiyi ta istoriyi istorichnoyi nauky*. 2017. Issue 9. P. 9–24.

Koposov N. *Istoricheskiye ponyatiya v mire bez budushchego* [Historical Concepts in a World without a Future] // *Kak my pishem istoriyu* [How We Write History] / Ed. by G. Garreta, G. Dufaud, L. Pimenova. Moscow: ROSSPEN, 2013. P. 57–93.

Landsberg A. *Prosthetic Memory: The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture*. New York: Columbia University Press, 2004. 240 p.

Lee E. *The Necessity of Teaching Asian American History*. — URL: <https://www.oah.org/tah/issues/2022/asian-american-and-pacific-islander-history/the-necessity-of-teaching-asian-american-history/>

Lindner R. *New Directions in Belarusian Studies Besieged Past: National and Court Historians in Lukashenka's Belarus* // *Nationalities Papers*. 1999. Vol. 27. N 4. P. 631–647.

Linn-Tynen E. *Reclaiming the Past as a Matter of Social Justice: African American Heritage, Representation and Identity in the United States* // *Critical Perspectives on Cultural Memory and Heritage: Construction, Transformation and Destruction* / Ed. by V. Apaydin. London: UCL Press, 2020. P. 255–268.

Makarov A.I. *Istoricheskaya pamyat': konstruksiya ili rekonstruksiya?* [Historical Memory: Construction or Reconstruction?] // *Istoricheskaya ekspertiza*. 2014. N 1. P. 4–10.

Memory Cultures: Memory, Subjectivity and Recognition / Ed. by S. Leydesdorff. London; New York: Routledge, 2017. 240 p.

Miller A. *Rossiya: vlast' i istoriya* [Russia: Power and History] // *Pro et contra*. 2009. May–August. P. 6–4.

Ocasio W., Mauskapf M., Steele Ch. *History, Society, and Institutions: The Role of Collective Memory in the Emergence and Evolution of Societal Logics* // *Academy of Management Review*. 2016. Vol. 41. N 4. P. 676–699.

Outhwaite W., Ray L. *Madernasć, pamiać i postkamunizm* [Modernity, Memory and Post-Communism] // *Palityčnaja sfera*. 2006. N 6. P. 27–43.

Radstone S. *Memory, History, Nation: Contested Pasts*. London; New York: Routledge, 2017. 282 p.

Scott S. *The Battle for Historical Memory* // *Harvard Political Review*. 2021. July 21. — URL: <https://harvardpolitics.com/battle-for-historical-memory/>

Ugarte M. *In Praise of Forgetting and the Historical Memory of the Spanish Civil War* // *Historiografias*. 2017. N 13. P. 146–155.

Ward J. *The Cause Was Never Lost*. — URL: <https://www.oah.org/tah/issues/2015/november/the-cause-was-never-lost/>

Поступила в редакцию
10 ноября 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-3-159-173

Е.К. Столярова

ВИТРАЖНЫЕ СТЕКЛА XIII ВЕКА ИЗ ЯРОСЛАВЛЯ: СОСТАВ СТЕКЛА И ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

E.K. Stolyarova

13th CENTURY STAINED GLASSES FROM YAROSLAVL: CHEMICAL COMPOSITION OF GLASS AND ISSUES RELATED TO ITS ORIGIN

Аннотация. Общеизвестной является точка зрения, что в древнерусском культовом зодчестве витражей не было. Основой этого положения, несомненно, служит факт отсутствия витражных композиций в сохранившихся до наших дней храмах Древней Руси. Собранные же автором статьи сведения, напротив, говорят об использовании витражей в архитектуре Руси. Одним из таких свидетельств является находка в кремле Ярославля, в слоях первой половины XIII в., трех витражных стекол. Для установления места производства было проведено их изучение с помощью оптико-эмиссионной спектрографии. Анализ во всех трех случаях показал единый состав — свинцовое стекло на древесной золе. Такое стекло для Руси является импортным, оно хорошо известно в витражных стеклах XII–XV вв. на территориях современных Германии и Австрии. Дополнительным аргументом неместного происхождения ярославских находок является использование технологических приемов литья и раскатки для их изготовления. Сделанное исследование позволяет расширить географию распространения стекол указанного состава, которая до недавнего времени в основном ограничивалась пределами Центральной Европы. Единство всех характеристик витражных находок говорит об их принадлежности к единому комплексу витражей. Вероятнее всего, они были использованы в Успенском соборе — единственной в домонгольский период каменной постройке Ярославля, заложенной, согласно летописным сведениям, в 1215 г. ростовским князем Константином Всеволодовичем. Помогло ответить на вопрос, каким образом витражи из немецкоязычных стран оказались в Ярославле, искусство-

---

Столярова Екатерина Карленовна, кандидат исторических наук, доцент, старший преподаватель кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Stolyarova Ekaterina Karlenovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Senior Lecturer, Department of Archaeology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

kath.stoliarova@gmail.com

ORCID: 0009-0001-9963-717X

ведческое исследование Вл.В. Седова, который установил, что заложенный тем же князем Константином Всеволодовичем в 1213 г. Успенский собор в столице княжества, Ростове, был построен при участии романских — по всей видимости, немецких — мастеров, выполнявших работу по созданию декора здания. Это позволяет предположить, что немецкие мастера принимали участие и в украшении ярославского собора, для чего на Русь ими были привезены стекла будущих витражных композиций.

Ключевые слова: Древняя Русь, домонгольский период, Успенский собор Ярославля, витражи, стеклоделие, химический состав стекла, оптико-эмиссионная (дуговая) спектрография, свинцовые стекла на древесной золе.

Abstract. According to the generally accepted view there were no stained-glass windows in ancient Russian religious architecture. This opinion is undoubtedly based on the absence of stained-glass sets in the then-existing temples that have survived to this day. The information collected by the author of the article, on the contrary, testifies to the use of stained-glass windows in the architecture of Ancient Rus. One of such testimonies is the discovery of three stained-glass windows in the Yaroslavl' Kremlin, in the cultural layers of the first half of the 13th century. To establish the place of production, the windows were studied using optical emission spectrography. The analysis in all three cases showed the same chemical composition — wood-ash lead glass.. This type of glass was imported to Rus', and is well known in stained glass windows of the twelfth–fifteenth centuries proceeding from what is now Germany and Austria. An additional argument for the non-local origin of the Yaroslavl' finds is the use of casting and rolling techniques in the manufacture of glass. The present study makes it possible to expand the geography of the distribution of glass with the indicated composition, which, until recently, was mainly limited to the area of Central Europe. The uniformity of all the characteristics of the stained-glass finds indicates that they belong to a single set of stained-glass windows. Most likely, they were used in the Assumption Cathedral, the only stone building that existed in Yaroslavl' in the pre-Mongolian period. It was founded, according to chronicles, in 1215 by the Rostov prince Konstantin Vsevolodovich. The question of how stained-glass windows from German-speaking countries ended up in Yaroslavl' was resolved owing to the art history research by V.V. Sedov, who established that the Assumption Cathedral in the capital of the principality, Rostov, was founded by the same prince Konstantin Vsevolodovich in 1213 and built with the participation of Romanesque — apparently German — craftsmen who worked on creating the decor of the building. This suggests that the German craftsmen also took part in the decoration of the Yaroslavl' Cathedral, and this was why the material for future stained-glass compositions was brought to Rus'.

Keywords: Ancient Rus', pre-Mongolian period, Assumption Cathedral of Yaroslavl', stained-glass windows, glassmaking, chemical composition of glass, optical emission (arc) spectrography, wood-ash lead glass.

* * *

С середины прошлого века в отечественной историографии не подвергался сомнению факт, что витражи в строительной практике Древней Руси были скорее исключением, чем правилом. Имеющи-

еся в распоряжении археологов данные о витражных стеклах в древнерусских городских слоях в каждом конкретном случае рассматривались как редкие и случайные¹. Однако сведения о таких находках, собранные нами в совокупности, позволяют говорить об обратном: витражные стекла украшали архитектурные сооружения практически на всей территории Руси. Они встречены как минимум в 13 древнерусских городах, большинство из которых являлись столицами земель, княжеств или уделов².

Одной из таких находок являются три витражных стекла (рис. 1, 2), открытых в Ярославле в ходе археологических работ Института археологии РАН (начальник Ярославской археологической экспедиции — А.В. Энговатова)³. Одно из них, прямоугольной формы (рис. 1), было обнаружено в 2005 г. в юго-восточной части кремля, где во второй половине XVII в. был построен Успенский собор (рис. 3). Здесь витражное стекло было найдено в заглубленной постройке, представлявшей собой подклет или отдельно стоящую постройку с пониженным уровнем пола, о хозяй-

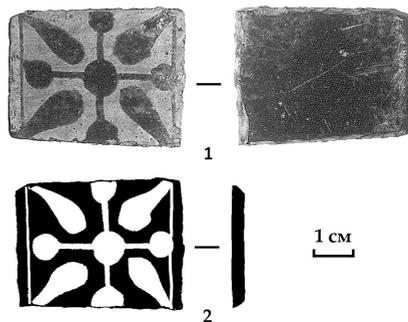

Рис. 1. Прямоугольное витражное стекло из Ярославля

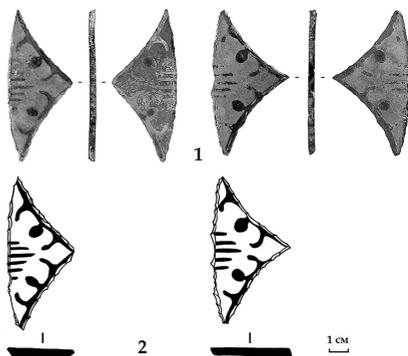

Рис. 2. Витражные стекла в форме сектора с вогнутыми сторонами из Ярославля

¹ Арциховский А.В. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде // Советская археология. 1958. № 2. С. 231.

² Столярова Е.К., Энговатова А.В. Витражи Древней Руси: новые данные // Стекло в архитектуре. Архитектура в стекле. Сборник докладов науч.-практ. конференции (Санкт-Петербург, 17 марта 2014) / Ред. Ю.В. Спиридонова, сост. Е.И. Бекетова, Н.В. Никитина. Т. 1. СПб., 2014. С. 3–7. Рис. II; Столярова Е.К. Витражи Древней Руси: историографические традиции и археологические реалии // Современная российская керамика. Взаимодействие направлений декоративного искусства: керамика и стекло. Художественная идентичность и интернациональный контекст. М., 2020. С. 175–179. Рис. 4.

³ Столярова Е.К., Энговатова А.В. Находки витражных стекол из Ярославля // Археология Подмосковья. Материалы науч. семинара. Вып. 11. М., 2015. С. 210, 211. Рис. 1, 2.

ственным назначении которой свидетельствовали, например, большое количество сгоревшего зерна (рожь, овес, пшеница, ячмень), два жернова, железный широколезвийный рабочий топор, железные цилиндрические замки (один со сломанным ключом), ключи, обломки амфоры, шиферное пряслице и другие находки. Постройка погибла от пожара, после которого она была использована в качестве вместилища для коллективного захоронения 97 человек. Это захоронение являлось результатом трагических событий февраля 1238 г., в ходе которых произошел захват Ярославля монголами. При разборке заполнения сооружения в составе грунта, которым в мае — начале июня 1238 г. были засыпаны погребенные, и было обнаружено витражное стекло. Это говорит о том, что витраж мог попасть в культурный слой в 1238 г. или раньше. Кроме него в составе засыпки были найдены часть железной конской упряжи, железные кресало и пряжка, бронзовые перстнеобразные проволочные височные кольца, фрагмент каменного четырехконечного креста-тельника, костяная шахматная фигурка, обломки стеклянных браслетов, стеклянные бусы, бракованная фигурная керамическая плитка без поливы для наборных полов. Керамическая коллекция, полученная при разборке данного комплекса, представлена главным образом древнерусской круговой керамикой начала XIII в.⁴

Два других витражных стекла, имеющих форму сектора с вогнутыми сторонами (рис. 2), были найдены в 2008 г. в слоях первой половины XIII в. в западной, наиболее древней части кремля (рис. 3). В XI в. здесь располагался вал с внутривальными деревянными конструкциями и ров. В конце XII в. ров потерял свое оборонительное значение, и его территорию начали использовать для жилой застройки. Витражные стекла были найдены в слое, в котором преобладала древнерусская керамика начала XIII в. (97,7 %) ⁵.

Во всех трех случаях витражные стекла найдены целыми. Их края обработаны ретушью. Толщина во всех случаях составляет 0,35 см. Высота прямоугольного стекла 3–3,4 см, ширина 4,2–4,3 см. Диаметр круга, частью которого являются стекла в форме сектора, 27 см. Изготовлены витражи из стекла желто-зеленого цвета

---

⁴ Осипов Д.О., Яганов А.В., Рузаева Е.И. Охранные архитектурно-археологические исследования на месте воссоздания Успенского собора в г. Ярославле в 2005 г. Т. 1. М., 2006. Архив ИА РАН. Р-1. № 26946. Л. 198, 201; *Энговатова А.В. и др.* Массовое средневековое захоронение в Ярославле: анализ археологических и антропологических источников // *Российская археология*. 2009. № 2. С. 68, 69, 71.

⁵ *Энговатова А.В.* Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу: квартал, ограниченный площадью Челюскинцев и Которосльской набережной, 1 (на участке строительства) (Рубленный Город II–2008 г.). М., 2009. Архив ИА РАН. Р-1. № 44211. Л. 240.

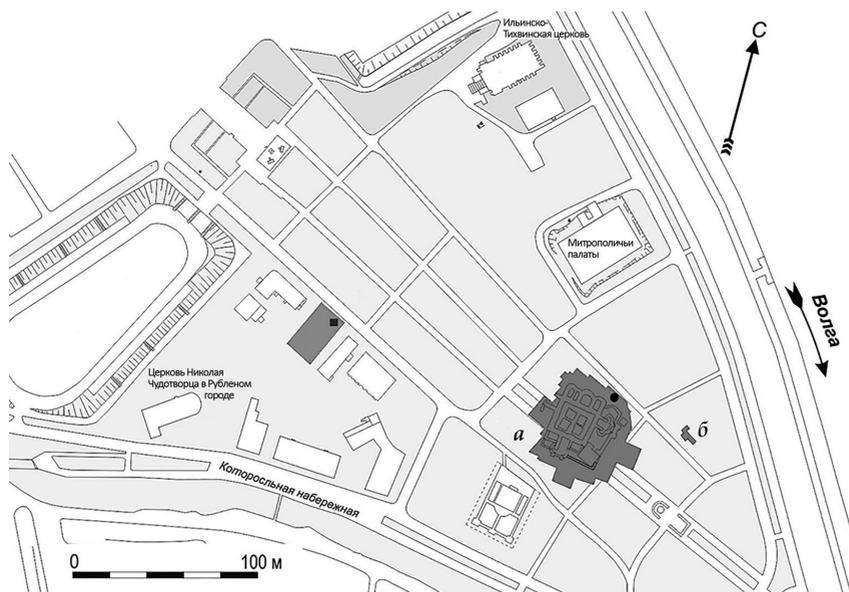

Рис. 3. Схема кремля г. Ярославля

● — место находки прямоугольного витража; ■ — место находки витражей в форме сектора; **а** — фундаменты Успенского собора 1660-х гг.; **б** — предполагаемое местоположение собора начала XIII в.; темно-серым цветом показаны раскопы и шурфы ИА РАН (2005–2008 гг.)

и расписаны темно-коричневой краской, по-видимому, шварцлотом⁶.

На прямоугольном витраже помещено выполненное в технике негативной росписи⁷ изображение равноконечного креста с круглым средокрестием и круглыми завершениями ветвей, между которыми наклонно размещены четыре овала с заостренными концами (стилизованнные листья?). Вдоль двух коротких сторон прямоугольника изображены линии, которые, вероятно, имели продолжение на соседних витражных стеклах и образовывали рамку. На двух других ярославских витражных стеклах в центре помещены ряды параллельных линий, а края отделаны бордюрами из растительных элементов.

Характер изображений на стеклах, а также наличие рамки на прямоугольном стекле позволяет предположить, что все три витражных стекла, вероятно, могли быть предназначены для орнаменталь-

⁶ Шварцлот (от нем. *Schwartzloth*) — коричневая краска из легкоплавкого свинцовосодержащего стекла, окрашенная оксидами железа и меди.

⁷ Негативная роспись — силуэтное изображение на фоне, покрытом краской.

ных обрамлений каких-то изображений прямоугольной и круглой формы соответственно.

Для определения химического состава ярославских витражей была использована оптико-эмиссионная (дуговая) спектрография (далее: ОЭС), выполненная аналитиком А.Н. Егорьковым в Лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург) (табл. 1, ан. 791–36, 839–34, 35).

Таблица 1

Результаты оптико-эмиссионной спектрографии витражных стекол из Ярославля и бусины из поселения Усть-Шексна

Шифр лаборатории	791–36	839–34	839–35	755–53
Предмет	Витраж	Витраж	Витраж	Бусина
Форма	Прямоугольный	Сектор	Сектор	Округлая
Цвет	Желто-зеленый	Желто-зеленый	Желто-зеленый	Белый
SiO ₂		основа	основа	основа
Na ₂ O	1,0	0,3	0,3	1,2
K ₂ O	9,0	4,0	3,3	3,9
CaO	11	10	9,3	10
MgO	2,4	2,0	1,6	5
Al ₂ O ₃	2,2	2,0	1,8	0,2
Fe ₂ O ₃	0,4	0,2	0,2	0,2
MnO	0,6	0,3	0,3	0,3
TiO ₂	0,1	0,1	0,1	0,05
PbO	63	15	26	32
SnO ₂	–	–	0,01	–
CuO	1,7	1,8	2,2	–
CoO	–	–	–	–
Sb ₂ O ₅	–	–	–	0,04
Ag ₂ O	–	–	–	0,01
NiO	–	–	–	–

Согласно методике анализа, разработанной В.А. Галибиным⁸, стандартный вес образца при сжигании составляет 10 мг. Анализ

⁸ Галибин В.А. Состав стекла как археологический источник. *Arts vitraria experimentalis*. СПб., 2001. (Труды ИИМК РАН. Т. 4). С. 59.

сопровождается фотофиксацией спектра проб и эталонов, среди которых эталоны Музея стекла в Корнинге. Точность ОЭС низка, и зачастую этот метод рассматривается как полуколичественный. По этой причине для концентраций ниже 1% приводится только одна значащая цифра, выше — две. Достижимая чувствительность по K_2O составляет около 1%, а предел обнаружения серебра — около 0,001%. Содержание SiO_2 не определяется, в том случае, если сумма остальных компонентов не превышает 50%, оно является основой. В целом этот анализ дает среднюю относительную ошибку 10–15%⁹. Результат анализа показал, что витражные стекла изготовлены из щелочного свинцового стекла класса $K_2O-CaO-PbO-SiO_2$. Это стекло сложного состава, изготовленного из песка, древесной золы, известняков и свинца.

Этот рецепт упомянут Теофилом в последней главе второй книги его «Трактата о различных искусствах», датированного 1120 г. Для его изготовления автор манускрипта рекомендует смешать песок, золу, соль, медный порошок и свинец¹⁰.

Древесную золу традиционно использовали в стеклоделии Европы к северу от Альп начиная с конца I тыс. н. э.¹¹ На территории Руси стекло варили не на древесной золе, а на поташе — специально очищенной золе, к которой добавляли только песок и свинец¹². Это тоже щелочное свинцовое стекло, но относится оно к другому химическому классу — $K_2O-PbO-SiO_2$.

Для различения этих двух классов щелочных свинцовых стекол ($K_2O-CaO-PbO-SiO_2$ и $K_2O-PbO-SiO_2$) О. Мекинг предлагает использовать соотношение оксидов кальция и калия (CaO/K_2O). У свинцового стекла на древесной золе этот показатель колеблется между 0,53 и 2,1, у поташно-свинцовых стекол он не должен превышать 0,33¹³. У прямоугольного витража из Ярославля это соотношение составляет 1,2 (11/9), что полностью соответствует первому правилу. Однако у витражей в форме сектора оно превышает рубеж

⁹ Egor'kov A.N. On Cobalt in the Old Russian Lead Glass // Recent Trends in Chemical and Material Sciences. Vol. 8. 2022. P. 2, 3.

¹⁰ Манускрипт Теофила «Записка о разных искусствах» // Сообщения Всесоюзной Центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных художественных ценностей (ВЦНИЛКР). Вып. 7. М., 1963. С. 115.

¹¹ Verità M. Analyses of Early Enamelled Venetian Glass. A Comparison with Islamic Glass // Gilded and Enamelled Glass from the Middle East / Ed. R. Ward. London, 1998. P. 131; Wedepohl K.H. Glassmaking in Europe between A.D. 500 and 1500 // Whitehouse D. Medieval Glass for Popes, Princes, and Peasants. Corning, NY, 2010. P. 66.

¹² Безбородов М.А. Стеклоделие в Древней Руси. Минск, 1956. С. 263; Щанова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972. С. 185.

¹³ Mecking O. Medieval Lead Glass in Central Europe // Archaeometry. Vol. 55. N 4. 2013. P. 651, 652.

в 2,1 и равно 2,5 (10/4) и 2,8 (9,3/3,3). Разница в этих показателях у прямоугольного витража и у витражей в форме сектора обусловлена разной концентрацией оксида калия, которое у витражей в форме сектора более чем в два раза ниже, чем у прямоугольного витража. При этом содержание оксида кальция у всех трех ярославских стекол одинаковое. Вероятно, заниженное содержание оксида калия у витражных стекол в форме сектора может объясняться более высокой степенью коррозии стекла, чем у прямоугольного витража. О. Мекинг выделяет и другие признаки свинцовых стекол на древесной золе — невысокие содержания оксидов алюминия, железа и бария¹⁴; этим признакам все три ярославских стекла соответствуют полностью.

Свинцовые стекла на древесной золе представляли на территории Руси большую редкость. Помимо рассматриваемых витражных стекол нам известен только один предмет из стекла этого состава. Это бусина из белого непрозрачного стекла, украшенная накладными пятнами из сине-зеленого прозрачного стекла, происходящая из депаспортизованных материалов средневекового поселения Усть-Шексна Ярославской области¹⁵. Состав бусины схож с составом витражей: в ней такое же, как и у трех ярославских стекол, содержание оксида кальция, низкие содержания оксидов алюминия и железа и заниженная концентрация оксида калия, как и у витражей в форме сектора (табл. 1, ан. 755–53).

При поиске аналогий оказалось, что в большинстве случаев такой химический состав обнаруживается в европейских витражных стеклах, относящихся к XII–XV вв.¹⁶ (Обратим внимание на совпадение нижней даты таких стекол и датировки письменного источника, упоминающего этот рецепт¹⁷.) К XII в. относятся вит-

¹⁴ Ibid. P. 651.

¹⁵ *Столярова Е.К.* Стекланные украшения средневековой Усть-Шексны // Археология: история и перспективы: Вторая межрегиональная конференция. Ярославль, 2006. С. 318.

¹⁶ *Brill R.H.* Chemical Analyses of Early Glasses. Vol. 1. Catalogue of Samples. Corning, NY, 1999. P. 127, 129, 130. XI AJ.2300, XI AK.2095, XI AQ; *Brill R.H.* Chemical Analyses of Early Glasses. Vol. 2. Tables of Analyses. Corning, NY, 1999. P. 298, 299, 307, 308. XI AJ.2300, XI AK.2095; XI AQ; *Mecking O.* Op. cit. P. 651, 652.

¹⁷ Ю.Л. Щапова указывала на асинхронность текста Теофила и археологических находок рассматриваемого состава (см.: *Щапова Ю.Л.* Трактат Теофила и производство стекла в средневековой Европе // Новое в археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию А.В. Арциховского / Под ред. В.Л. Янина. М., 1972. С. 196; *Она же.* Некоторые страницы трактата Теофила в свете археологических находок на территории Древней Руси // Естественно-научные представления Древней Руси / Отв. ред. Р.А. Симонов. М., 1988. С. 15, 16), к которым она относила перстни из непрозрачного стекла, бытующие на территории Руси и Волжской Булгарии в золотоордынский период (см.: *Щапова Ю.Л.* Стекланные изделия древнего Новгорода //

ражные стекла из кафедрального собора в Аугсбурге и церкви св. Патрокла в Зосте (Германия), к концу XIII в. — стекло из Леобена (Австрия). Сюда также следует добавить одно оконное стекло из Пражского замка с широкой датой XI–XIII вв.¹⁸ К XIII–XIV вв. относятся витражные стекла из Коройнена (Финляндия)¹⁹. XIV веком датируются витражи из кафедральных соборов Аугсбурга, Эрфурта, Кельна (Германия); церкви св. Михаила в Вахау, городской церкви в Штайре, Лихкирхе в Граце и Санкт-Леонарде (Австрия), XV веком — стекла из кафедрального собора Хальберштадта (Германия) и Гратвайна (Австрия). К названным пунктам можно добавить витражные стекла подобного состава из кафедрального собора Магдебурга (дата витража неизвестна) и Йерихова. Стекло аналогичного состава зафиксировано и в других изделиях, обнаруженных в немецких Падерборне, монастыре Бруншаузена, аббатстве Корвей, Гданьске (Польша), а также в стекольной мастерской XII в. в окрестностях Падерборна. Таким образом, ареал стекла этого типа в целом ограничен немецкоговорящими странами. Исключением являются только два места, выходящие за пределы этой зоны: это Гданьск (Польша) и Коройнен (Финляндия)²⁰.

Витражи из Ярославля изготовлены, по-видимому, не выдуванием, традиционным способом получения оконных и витражных стекол в эпоху Средневековья, а литьем на плоскость, так как стекло, использованное для изготовления ярославских находок, имеет высокое содержание свинца и потому плохо поддается выдуванию. В пользу этой версии говорит также и довольно большая толщина стекол — 0,35 см, что не характерно для выдувных изделий, обычно имеющих толщину не более 0,2 см. Способ литья для получения оконных стекол использовали в первые века нашей эры на террито-

---

Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции / Под ред. А.В. Арциховского и Б.А. Колчина. Т. 3. М., 1963. (МИА. № 117). С. 115, 148, 149). В действительности такие перстни изготовлены из стекла другого состава — $\text{Na}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{PbO}-\text{SiO}_2$ (см.: *Столярова Е.К.* Химический состав средневековых стеклянных перстней Москвы // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 220. 2006. С. 152, 158; *Она же.* Стекло средневековой Москвы: XII–XIV вв. М., 2016. С. 180, 221, 222). По той же причине можно снять и второе названное ею противоречие — наличие оксида олова в перстнях и отсутствие ее в рецепте Теофила, поскольку в известных нам изделиях класса $\text{K}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{PbO}-\text{SiO}_2$ глушитель действительно не применялся (см. табл. 1, сноски 16 и 18).

¹⁸ Černá E., Tomková K. On the Road from the Early to High Middle Ages: Glass of the 9th–13th centuries in Bohemia // *Archaeologia Polona*. Vol. 55. 2017. P. 200, 204. Tab. 1: 479.

¹⁹ Kuisma-Kursula P., Räsänen J. Scanning Electron Microscopy — Energy Dispersive Spectrometry and Proton Induced X-ray Emission Analyses of Medieval Glass from Koroinen (Finland) // *Archaeometry*. Vol. 41. N 1. 1999. P. 71, 75, 77.

²⁰ Mecking O. *Op. cit.* P. 651, 652.

рии Римской империи²¹. В позднеримское время произошел переход на метод выдувания, видимо, уменьшивший, но не отменивший совсем использование литья при изготовлении оконниц в последующие эпохи. Например, некоторые из стекол V–VI вв., обнаруженные в Швейцарии во время раскопок церкви в Сьоне (долина р. Роны)²², а также стекла, найденные в англо-саксонской Британии в церкви св. Вистана VIII в. в Рептоне (графство Дербишир)²³, предположительно сделаны литьем. Таким же способом, вероятно, изготовлены два витражных стекла из раскопок Билярского городища (Волжская Булгария), датированные второй четвертью X — первой половиной XI в.²⁴

Для получения литых оконных и витражных стекол расплавленное стекло, согласно исследованиям, выливалось на каменную, металлическую или деревянную поверхность. Последняя предварительно посыпалась песком. Следующим этапом при использовании литья была раскатка стекла деревянным валиком, поэтому в англоязычной литературе такой способ получил еще и название *roller-moulding technique*²⁵. Если стекломасса имела высокую вязкость, то заготовка приобретала круглую форму. Прямоугольные заготовки, согласно реконструкции, предложенной английскими исследователями М. Тэйлором и Д. Хиллом, изготавливались вытягиванием щипцами после повторного нагревания отливки²⁶.

Мы не обнаружили на ярославских стеклах следов песка, что указывает на использование при литье, вероятнее всего, каменной поверхности. Применяли ли к ярославским отливкам вытягивание, сказать трудно. Однако высокое содержание свинца, обнаруженное в ярославских стеклах, снижало вязкость стекла и, возможно, облегчало раскатку стекла сразу в прямоугольный лист. Затем из плоского стекла в соответствии с эскизом были в холодную вырезаны куски определенной формы, края которых были в холодную подправлены ретушью. Следует отметить, что сколы на краях нанесены бессистемно, в некоторых случаях в шахматном порядке. Как отмечают ис-

---

²¹ Harden D. Roman Windowpanes from Jerash, and Later Parallels // Iraq. Vol. 6. Is. 1. 1939. P. 91; Шанова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М., 1983. С. 150.

²² Wolf S. et al. The Composition and Manufacture of Early Medieval Coloured Window Glass from Sion (Valais, Switzerland) — a Roman Glass-making Tradition or Innovative Craftsmanship // Archaeometry. Vol. 47. N 2. 2005. P. 374.

²³ Цит. по: Шишкин И.В. История листового стекла. М., 2014. С. 66.

²⁴ Валиулина С.И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань, 2005. С. 59, 60, 66.

²⁵ Wolf S. et al. Op. cit. P. 373, 374.

²⁶ Taylor M., Hill D. An Experiment in the Manufacture of Roman Window // The Bulletin of the Association for Roman Archaeology. Is. 13. 2002. P. 19.

следователи, это, вероятно, говорит о том, что ретушь сначала наносилась с одной, а затем с другой стороны²⁷. Заключительным этапом было нанесение на поверхность росписи и закрепление ее обжигом.

Что касается древнерусских оконных стекол, то они выполнялись так называемым лунным способом, в основе которого лежит выдувание. Прием литья в древнерусском стеклоделии практически не использовался, за исключением изготовления смальт и вставок в украшения²⁸.

Таким образом, очевидно, что витражные стекла, обнаруженные в Ярославле, являются импортами. Видимо, они были доставлены сюда с территории современных Германии или Австрии, где этому химическому составу нашлись весьма точные аналогии. Обнаруженные в Ярославле находки витражных стекол позволяют расширить географию распространения свинцовых стекол на древесной золе, которые до недавнего времени в целом не выходили за пределы Центральной Европы.

Для чего же витражные стекла были привезены в Северо-Восточную Русь? Единство морфологических, технологических и стилистических характеристик ярославских находок позволяет предполагать их принадлежность к единому комплексу витражей. Несомненно, что они были использованы в некоей культовой постройке, скорее всего, каменной. В домонгольский период в Ярославле единственным каменным строением был Успенский собор, заложенный согласно летописным сведениям в 1215 г. ростовским князем Константином Всеволодовичем²⁹. Храм не сохранился до наших дней и его точное местонахождение до недавнего времени было неизвестно³⁰. В 2008 г. на юго-восточной оконечности кремля, вблизи волжского берега, при исследованиях, проводимых Институтом археологии РАН, было обнаружено большое количество домонгольской плинфы, в том числе бракованной и не использованной в кладке, крупные блоки плинфяной кладки с раствором, многочисленные фрагменты плинфы со следами отделки, фрагменты белокаменной резьбы с обмазкой и следами покраски, плитки пола с коричневой, желтой и зеленой поливой со следами использования. Все эти фрагменты архитектурных деталей и строительных элементов являлись, по мнению авторов раскопок, следами строительства собора начала XIII в. и его разборки в начале

---

²⁷ *Wolf S. et al.* Op. cit. P. 375.

²⁸ *Безбородов М.А.* Указ. соч. С. 229; *Он же.* Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969. С. 146; *Щапова Ю.Л.* Стекло Киевской Руси. С. 98, 67.

²⁹ *Энговатова А.В., Яганов А.В.* Новые данные об Успенском соборе XIII–XVI веков в Рубленном городе Ярославля // *Российская археология.* 2011. № 3. С. 141.

³⁰ Сохранившийся до 1930-х гг. Успенский собор, построенный в 1660-е гг., находился на другом месте (рис. 3).

XVI в. в связи со строительством нового храма (рис. 3)³¹. Вероятно, найденные витражные стекла могли быть связаны с домонгольским храмом. Заметим, что витраж прямоугольной формы был найден в непосредственной близости от этой территории.

Двумя годами ранее тот же князь Константин Всеволодович заложил каменный Успенский собор в столице княжества — Ростове. Храм также не сохранился до наших дней, однако его местонахождение известно: он стоял на том же месте, что и предшествующий ему собор 1161–1162 гг. и существующий ныне собор начала XVI в.³² Проведенные в нем и вокруг него в 1990-е гг. раскопки выявили блоки и целые части стен храма начала XIII в., среди которых встретились большой фрагмент стены средней и южной абсид и часть северной стены. Частично сохранились элементы декора стен (аркатурно-колончатых поясов). Изучение Вл.В. Седовым этих находок привело его к выводу об участии в сооружении собора романских, по всей видимости, немецких мастеров, приход которых на территорию Владимиро-Суздальской Руси исследователь связывает с четвертой волной романского влияния на русскую архитектуру. По его мнению, романские мастера выполняли работу только по созданию декора здания, в результате чего позднероманские формы, колонки и арочки, были перенесены во Владимиро-Суздальскую Русь из таких мест Германии, как, например, Регенсбург, Бамберг, Ротенбург, Эбрах, Наумбург, Магдебург, Хальберштадт³³. Напомним, что в двух последних пунктах были обнаружены витражные стекла рассматриваемого состава.

По-видимому, в начале XIII в. князья Ростовского княжества, а возможно, и всей Северо-Восточной Руси имели контакты с западными немецкоязычными землями, что давало им возможность приглашать и принимать позднероманских мастеров в городах этой русской земли. Возможно, немецкие мастера принимали участие и в украшении ярославского собора. С учетом того, что строительство продолжалось несколько лет, а в 1218 г. после смерти Константина Всеволодовича Ярославль становится стольным городом нового княжества, появление там витражных стекол состава, характерного для немецкоязычных территорий, выглядит вполне реалистичным. Вероятнее всего, стекла для создания в окнах собора витражных композиций были привезены мастерами с собой. Предположение об

---

³¹ *Энговатова А.В., Яганов А.В.* Указ. соч. С. 145–149.

³² *Седов Вл.В.* Аркатурно-колончатые пояса Успенского собора в Ростове начала XIII века и проблема новой волны романского влияния // Звучат лишь Письмена. К юбилею А.А. Медынцевой. М., 2019. С. 409.

³³ Там же. С. 410, 411, 427.

организации рядом с местом строительства стекольной мастерской кажется нам маловероятным, поскольку археологические исследования на территории кремля не обнаружили никаких следов такого производства. Кроме того, косвенно в пользу версии доставки готовых стекол на Русь говорит тот факт, что на найденных витражных стеклах отсутствуют следы крепления в свинцовый переплет. Это в совокупности с их полной сохранностью указывает, на наш взгляд, на то, что витражные стекла не были использованы по своему прямому назначению. Вероятно, найденные в Ярославле стекла были запасными или, может быть, оказались лишними при сборке витражей в определенные оконные проемы, имевшие меньшие размеры или иные формы, чем предполагали изготовители витражных композиций.

References

Artsikhovskiy A.V. *Raskopki 1956 i 1957 gg. v Novgorode* [1956 and 1957 Excavations in Novgorod] // *Sovetskaya arkheologiya*. 1958. N 2. P. 227–242.

Bezborodov M.A. *Khimiya i tekhnologiya drevnikh i srednevekovykh stekol* [Chemistry and Technology of Ancient and Medieval Glass]. Minsk: Nauka i tekhnika, 1969. 276 p.

Bezborodov M.A. *Steklodeliye v Drevney Rusi* [Glassmaking in Ancient Rus]. Minsk: Izdatel'stvo Akademii nauk BSSR, 1956. 306 p.

Brill R.H. *Chemical Analyses of Early Glasses*. Vol. 1. Catalogue of Samples. Corning, NY: The Corning Museum of Glass, 1999. 335 p.

Brill R.H. *Chemical Analyses of Early Glasses*. Vol. 2. Tables of Analyses. Corning, NY: The Corning Museum of Glass, 1999. 553 p.

Černá E., Tomková K. *On the Road from the Early to High Middle Ages: Glass of the 9th–13th Centuries in Bohemia* // *Archaeologia Polona*. Vol. 55. 2017. P. 189–210.

Egor'kov A.N. *On Cobalt in the Old Russian Lead Glass* // *Recent Trends in Chemical and Material Sciences*. Vol. 8. 2022. P. 1–7.

Engovatova A.V. *Otchet ob okhrannykh arkheologicheskikh raskopkakh v g. Yaroslavle po adresu: kvartal, ogranichennyy ploshchad'yu Chelyuskintsev i Kotorosl'skoy naberezhnoy, 1 (na uchastke stroitel'stva) (Rublenny Gorod II–2008 g.)* [A Report on Rescue Archaeological Excavations in the City of Yaroslavl' Located at the Address: A Block Limited by Chelyuskintsev Square and Kotorosl'skaya Embankment, 1 (At the Construction Site) (Rublenny Gorod II–2008)]. Moscow, 2009 // *Arkhiv Instituta arkheologii RAN*. R-1. N 44211.

Engovatova A.V., Osipov D.O., Faradzheva N.N., Goncharova N.N., Buzhilova A.P. *Massovoye srednevekovoye zakhoroneniye v Yaroslavle: analiz arkheologicheskikh i antropologicheskikh istochnikov* [Mass Medieval Burial in Yaroslavl': An Analysis of Archaeological and Anthropological Sources] // *Rossiyskaya arkheologiya*. 2009. N 2. P. 68–78.

Engovatova A.V., Yaganov A.V. *Novyye dannyye ob Uspenskom sobore XIII–XVI vekov v Rublenom gorode Yaroslavlya* [New Data on the Assumption Cathedral in the Rublenny Gorod of Yaroslavl' from the 13th through the 16th Century] // *Rossiyskaya arkheologiya*. 2011. N 3. P. 141–150.

Galibin V.A. *Sostav stekla kak arkheologicheskii istochnik. Ars vitraria experimentalis* [The Composition of Glass as an Archaeological Source. *Ars Vitraria Experimentalis*] / *Trudy IIMK RAN* [Proceedings of IHMC RAS]. Vol. 4. Saint Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 2001. 216 p.

Harden D. *Roman Windowpanes from Jerash, and Later Parallels* // *Iraq*. Vol. 6. Issue 1. 1939. P. 91.

Kuisma-Kursula P., Räisänen J. *Scanning Electron Microscopy — Energy Dispersive Spectrometry and Proton Induced X-Ray Emission Analyses of Medieval Glass from Koroinen (Finland)* // *Archaeometry*. Vol. 41. N 1. 1999. P. 71–79.

Manuskript Teofila “Zapiska o raznykh iskusstvakh” [Theophilus’s Manuscript “A Note on Various Arts”] // *Soobshcheniya Vsesoyuznoy Tsentral’noy nauchno-issledovatel’skoy laboratorii po konservatsii i restavratsii muzeynykh khudozhestvennykh tsennostey (VTSNILKR)* [Bulletin of the All-Union Central Research Laboratory for the Conservation and Restoration of Museum Artistic Treasures (VTSNILKR)]. Issue 7. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1963. P. 66–184.

Mecking O. *Medieval Lead Glass in Central Europe* // *Archaeometry*. Vol. 55. N 4. 2013. P. 640–662.

Osipov D.O., Yaganov A.V., Ruzayeva E.I. *Okhrannyye arkhitekturno-arkheologicheskiye issledovaniya na meste vossozdaniya Uspenskogo sobora v g. Yaroslavle v 2005 g.* [Architectural and Archaeological Rescue Research at the Site of the Reconstruction of the Assumption Cathedral in Yaroslavl in 2005]. Vol. 1. Moscow, 2006 // *Arkhiv Instituta arkheologii RAN*. R-1. N 26946.

Sedov V.I. *Arkaturno-kolonchatyye poyasa Uspenskogo sobora v Rostove nachala XIII veka i problema novoy volny romanskogo vliyaniya* [Arcature-Columnar Belts of the Assumption Cathedral in Rostov in the Early 13th Century and the Problem of a New Wave of Romanesque Influence] // *Zvuchat lish pis’mena. K yubileyu A.A. Medyantsevoy* [Only Writings Keep Voicing. To A.A. Medyantseva’s Anniversary]. Moscow: Institut arkheologii RAN, 2019. P. 409–430.

Shchapova Yu.L. *Nekotoryye stranitsy traktata Teofila v svete arkheologicheskikh nakhodok na territorii Drevney Rusi* [Some Pages of Theophilus’s Treatise in the Light of Archaeological Finds on the Territory of Ancient Rus’] // *Yestestvennonauchnyye predstavleniya Drevney Rusi* [Ideas about Natural Science in Ancient Rus’] / Ed. by R.A. Simonov. Moscow: Nauka, 1988. P. 12–16.

Shchapova Yu.L. *Ocherki istorii drevnego steklodeliya (po materialam doliny Nila, Blizhnego Vostoka i Yevropy)* [Essays on the History of Ancient Glassmaking (Based on Materials from the Nile Valley, the Middle East and Europe)]. Moscow: Izdatel’stvo MGU, 1983. 200 p.

Shchapova Yu.L. *Steklo Kiyevskoy Rusi* [Glass of Kievan Rus’]. Moscow: Izdatel’stvo MGU, 1972. 215 p.

Shchapova Yu.L. *Steklyannyye izdeliya Drevnego Novgoroda* [Glass Products of Ancient Novgorod] // *Novyye metody v arkheologii. Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition] / Ed. by A.V. Artsikhovskiy and B.A. Kolchin. Vol. 3 / MIA. N 117. Moscow: AN SSSR, 1963. P. 104–163.

Shchapova Yu.L. *Traktat Teofila i proizvodstvo stekla v srednevekovoy Yevrope* [Treatise of Theophilus and Glass Production in Medieval Europe] // *Novoye v arkheologii. Sbornik statey, posvyashchennyy 70-letiyu A.V. Artsikhovskogo* [New Developments in Archeology. A Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of A.V. Artsikhovskiy] / Ed. by V.L. Yanin. Moscow: Izdatel’stvo MGU, 1972. P. 191–197.

- Shishkin I.V. *Istoriya listovogo stekla* [The History of Sheet Glass]. Moscow: Librokom, 2014. 392 p.
- Stolyarova E.K. *Khimicheskiy sostav srednevekovykh steklyannykh perstney Moskvy* [Chemical Composition of Medieval Glass Rings in Moscow] // *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*. 2006. Issue 220. P. 151–163.
- Stolyarova E.K. *Steklo srednevekovoy Moskvy: XII–XIV vv.* [Glass of Medieval Moscow: From 12th through the 14th Century]. Moscow: RGGU, 2016. 692 p.
- Stolyarova E.K. *Steklyannyye ukrasheniya srednevekovoy Ust'-Sheksny* [Glass Decorations of Medieval Ust-Sheksna] // *Arkheologiya: istoriya i perspektivy. Vtoraya mezhregional'naya konferentsiya* [Archeology: History and Perspectives. Second Inter-regional Conference]. Yaroslavl: Yaroslavskiy muzey-zapovednik; Muzey-zapovednik "Rostovskiy Kreml'", 2006. P. 306–331.
- Stolyarova E.K. *Vitrazhi Drevney Rusi: istoriograficheskiye traditsii i arkheologicheskiye realii* [Stained-Glass Windows of Ancient Rus': Historiographical Traditions and Archaeological Realities] // *Sovremennaya rossiyskaya keramika. Vzaimodeystviye napravleniy dekorativnogo iskusstva: keramika i steklo. Khudozhestvennaya identichnost' i internatsional'nyy kontekst* [Modern Russian Ceramics. The Interplay between Directions of Decorative Art: Ceramics and Glass. Artistic Identity and International Context]. Moscow: MGKHPA imeni S.G. Stroganova, 2020. P. 174–183.
- Stolyarova E.K., Engovatova A.V. *Nakhodki vitrazhnykh stekol iz Yaroslavl'ya* [Finds of Stained Glass from Yaroslavl'] // *Arkheologiya Podmoskov'ya. Materialy nauchnogo seminara* [Archeology of the Moscow Region. Materials of a Scientific Seminar]. Issue 11. Moscow: Institut arkheologii RAN, 2015. P. 210–226.
- Stolyarova E.K., Engovatova A.V. *Vitrazhi Drevney Rusi: novyye dannyye* [Stained-Glass Windows of Ancient Rus': New Data] // *Steklo v arkhitekture. Arkhitektura v stekle. Sbornik dokladov nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Glass in Architecture. Architecture in Glass. A Collection of Papers of the Scientific and Practical Conference] / Ed. by Yu.V. Spiridonova, comp. by E.I. Beketova, N.V. Nikitina. Vol. 1. Saint Petersburg: Lema, 2014. P. 3–13.
- Taylor M., Hill D. *An Experiment in the Manufacture of Roman Window* // *The Bulletin of the Association for Roman Archaeology*. Issue 13. 2002. P. 19.
- Valiulina S.I. *Steklo Volzhskoy Bulgarii (po materialam Bilyarskogo gorodishcha)* [Volga Bulgaria Glass (Based on the Materials of the Bilyar Settlement)]. Kazan': Kazanskiy gosudarstvennyy universitet, 2005. 280 p.
- Verità M. *Analyses of Early Enamelled Venetian Glass. A Comparison with Islamic Glass* // *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East* / Ed. by R. Ward. London: British Museum Press, 1998. P. 129–134.
- Wedepohl K.H. *Glassmaking in Europe between A.D. 500 and 1500* // Whitehouse D. *Medieval Glass for Popes, Princes, and Peasants*. Corning, NY: The Corning Museum of Glass, 2010. P. 63–69.
- Wolf S., Kessler C., Stern W., Gerber Y. *The Composition and Manufacture of Early Medieval Coloured Window Glass from Sion (Valais, Switzerland) — a Roman Glass-Making Tradition or Innovative Craftsmanship* // *Archaeometry*. Vol. 47. N 2. 2005. P. 361–380.

Поступила в редакцию
10 января 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-3-174-193

М.А. Лопухова

**«АЛЛЕГОРИЯ МУЗЫКИ» ФИЛИППИНО ЛИППИ.
ГЕНЕАЛОГИЯ ОБРАЗА**

M.A. Lopukhova

**THE “ALLEGORY OF MUSIC” BY FILIPPINO LIPPI.
GENEALOGY OF IMAGE**

Аннотация. Женский образ, представленный на небольшой картине Филиппино Липпи «Аллегория Музыки» (Берлин, Картинная галерея), скорее всего, связан с сюжетом театрализованного действия, разыгранного в 1475 г. в Пезаро по случаю свадьбы Костанцо Сфорца и Камиллы Арагонской. На сходство атрибутов героини с атрибутами музы Эрато, приоткрывавшей новобрачных, указывал еще А. Варбург, разместив два изображения — доску Филиппино и иллюстрацию из ватиканской рукописи, содержащей текст свадебного представления, — рядом в своем атласе «Мнемосина». Обосновать эту версию документально нельзя, но флорентийский художник, который в формальном отношении решает сюжет не так, как анонимный североитальянский миниатюрист, мог быть знаком с описанием торжества, известным не только по иллюстрированным спискам, но и по печатным брошюрам. Появление «Аллегории Музыки» традиционно связывают со свадебным заказом — по случаю бракосочетания Джованни Веспуччи и Намичины Нерли в 1500 г., который как считается, также включал парные спаллиеры «История Лукреции» и «История Виргинии» Сандро Боттичелли и панно Пьеро ди Козимо с изображением вакханалий. В статье приведены

Лопухова Марина Александровна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры всеобщей истории искусств исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Lopukhova Marina Aleksandrovna, PhD Candidate in Art History and Criticism, Associate Professor, Department of General History of Art, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

marina.lopukhova@gmail.com

ORCID 0000-0002-1889-946X

В основе статьи лежит доклад, прочитанный автором на научной конференции «Даниловские чтения. Античность — Средневековье — Ренессанс» в 2022 г. Исследование выполнено в рамках Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Благодарю моих дорогих коллег Ольгу Назарову и Елизавету Титову за ценные подсказки, данные во время работы над этим текстом, который я посвящаю памяти моего учителя Наталии Михайловны Никулиной (1938–2023).

аргументы в пользу этой версии, которые основаны на других эпизодах сотрудничества Боттичелли и Филиппино Липпи как между собой, так и с двумя породнившимися флорентийскими семействами. Рассматриваемая картина содержит элементы, которые могут указывать на ее связь со свадебным ритуалом. Установить, как все перечисленные панно располагались в интерьере, невозможно. Однако в целом этот предполагаемый ансамбль, решенный во вкусе *all'antica*, мог мыслиться как прославление возвышенной и целомудренной любви. Тема, традиционная для убранства супружеской спальни, раскрывается одновременно в brutальных сюжетах из римской истории, которые во флорентийской художественной культуре обладают выраженным республиканским подтекстом, и в небольшой мифологической «поэзии», которая смягчает политические акценты и к тому же может ассоциироваться с пышной княжеской свадьбой, прославляя благородство новобрачных.

Ключевые слова: флорентийская школа живописи, мифологические сюжеты в искусстве, свадебный ритуал в искусстве, искусство итальянского Возрождения, Леонардо да Винчи, Сандро Боттичелли.

Abstract. The female image presented in the small painting “Allegory of Music” by Filippino Lippi (Gemaeldegalerie, Berlin) is most likely associated with the plot of a theatrical performance played out in 1475 in Pesaro on the occasion of the wedding of Costanzo Sforza and Camilla of Aragon. The similarity of the attributes of the heroine with the attributes of the muse Erato, who greeted the newlyweds, was pointed out by A. Warburg, who placed two images, the Filippino board and an illustration from the Vatican manuscript containing the text of the wedding performance, next to each other in his “Mnemosine Atlas”. It is impossible to substantiate this version with documents, but the Florentine artist, who nominally interprets the plot differently from the anonymous northern Italian miniaturist, could be familiar with the description of the celebration, known not only from illustrated lists, but also from printed brochures. The origins of the “Allegory of Music” are traditionally traced to a wedding commission — on the occasion of the marriage of Giovanni Vespucci and Namicina Nerli in 1500 — which also included paired spalliers depicting “History of Lucretia” and “History of Virginia” by Sandro Botticelli and a panel by Piero di Cosimo displaying bacchanalia. The present article advances arguments in favor of this version, building on other episodes of cooperation between Botticelli and Filippino Lippi, both between the two of them and with the two intermarried Florentine families. The painting in question contains elements that may indicate its connection with the wedding ritual. It is impossible to establish how all the listed panels were arranged in the interior. However, on the whole, this alleged ensemble, designed in the *all'antica* style, could be thought of as a glorification of sublime and chaste love. The theme, traditional for the decoration of the matrimonial bedroom, is elaborated simultaneously in brutal scenes from Roman history, which in Florentine artistic culture were laden with explicit republican connotations, as well as in small-scale mythological “poetry”, that softens political accents and, moreover, can be associated with a magnificent princely wedding, glorifying the nobility of the newlyweds.

Keywords: Florentine school of painting, mythological scenes in art, wedding ritual in art, art of the Italian Renaissance, Leonardo da Vinci, Sandro Botticelli.

Небольшая доска из Картинной галереи в Берлине принадлежит к поздним работам Филиппино Липпи (рис. 1). Сегодня ее принято относить к 1500 г., хотя в литературе ее датировка колебалась между 1500 и 1503 гг. На первый взгляд не вызывает сомнений, что она написана на мифологический сюжет, поскольку образ трактован последовательно во вкусе *all'antica*. На островке, в тени ветвей миртового дерева героиня в развевающихся античных одеждах — светло-пурпурном хитоне и лиловом гиматии — и увенчанная миртовым же венком, набрасывает драгоценный пояс на лебедя, с которым играют два крылатых путто. За ее спиной лежат лира, сделанная из оленьей головы, и две флейты; в воде плещутся еще три птицы.

Рис. 1. Филиппино Липпи. Эрато. 1500 г. Берлин, Картинная галерея

Археологические источники Филиппино угадываются безошибочно, поскольку пластическое решение главной фигуры и другие детали обнаруживают несомненную связь с античной скульптурой. Пластическое решение фигуры Эрато отсылает к классической скульптуре. Винтообразная поза музы, по-видимому, была навеяна двумя античными мраморами — статуей Эрота, натягивающего тетиву (Рим, Капитолийские музеи), восходящей к греческому оригиналу Лисиппа, и одной из фигур с саркофага из коллекции Джустиниани (Вена, Музей истории искусства). Она была разработана Филиппино в графике (Британский музей, Лондон, инв. 1946-7-13-1258), однако в картине резкий контрапост, присущий антикам, смягчен широкой моделировкой одежд. Мотив развевающихся на ветру одежд восходит к рельефам с изображением Ор или пляшущих вакханок, которые повсеместно служили мастерам Ренессанса образцом для моделировки «летающих» драпировок. Поза путто, обнимающего крыло лебедя, напоминает фигуру играющего на флейте амура с античной камеи с изображением Гермафродита (И в., Национальный археологический музей, Неаполь).

Неоднократно подчеркивалась и связь, которая существует между этой доской и «Ледой» Леонардо да Винчи¹. Многочисленные рисунки Леонардо, относящиеся к работе над «Ледой», датируются первой половиной 1500-х гг., а живописные варианты, выполненные его учениками, относят к 1505–1520 гг. (рис. 2). Собственно, с дискуссией по поводу этой связи сопряжены разночтения в датировке берлинского панно. Фигура, написанная Филиппино, гораздо ближе к античным образцам, чем постановка Леды у Леонардо, что выдает в нем прямоту мышления, свойственную художникам раннего Ренессанса. При этом, как отмечал М. Кемп, Филиппино жертвует пластикой человеческой фигуры в пользу экспрессии драпировок², в то время как Леонардо интересуется в первую очередь именно поза героини, которую он представляет то стоящей, то присевшей на корточки. Дж. Нельсон следом за М. Кемпом не без восторга предполагал, что Леонардо, которого занимала отнюдь не мифологическая тема, а мотив спирально закручивающегося тела, мог подсмотреть его решение одновременно в античной скульптуре³ и у Филиппино.

¹ Nelson J.K. Leonardo e la reinvenzione della figura femminile: Leda, Lisa e Maria. Firenze, 2007. P. 21.

² Kemp M. Leonardo da Vinci: the marvellous works of nature and man. Cambridge, Mass., 1981. P. 273.

³ Об археологических источниках Леонардо см.: Testaferrata E. La Leda di Leonardo: compendio di un'invenzione // Leonardo e il mito di Leda: modelli, memorie e metamorfosi di un'invenzione / A cura di G. Dalli Regoli. Cinisello Balsamo, 2001. P. 65–71.

Рис. 2. Франческо Мельци. Леда. 1508–1515 гг. Флоренция, Уффици

Леонардо, действительно, упоминает Липпи в своих записях 1503–1505 гг. Гипотетически два художника, младший из которых предыдущие 20 лет завершал за старшим практически все его оставленные флорентийские заказы, могли общаться и обмениваться идеями, в том числе, по поводу изображения человеческой фигуры в контра-

Заметим, что изображения младенцев в живописных вариантах «Леды», созданных учениками Леонардо, гораздо ближе к эллинистическим и римским мраморным путо, чем на его подлинных рисунках, разрабатывающих эту тему.

посте. У Леонардо этот интерес наблюдался уже в начале 1480-х гг. в «Святом Иерониме» (Ватикан, Пинакотека), позу которого А. Натали связывает с будущей «Ледой» и к которому не остался равнодушным Филиппино, исполняя взамен неоконченной картины Леонардо другую на тот же сюжет (Флоренция, Галерея Уффици)⁴. Тем не менее, говорить о зависимости «Аллегии Музыки» от рисунков Леонардо, по-видимому, не стоит.

Еще одна деталь берлинской картины, которая сближает два имени, отсылает к их общему увлечению музыкой⁵. Лютня упомянута среди вещей Филиппино в посмертной инвентарной описи его дома⁶, а музыкальные инструменты разной степени правдоподобности он часто изображал в своих работах. Глядя на лиру, сделанную из головы оленя, на берлинском панно, трудно не вспомнить рассказ Вазари о музыкальных способностях Леонардо и о серебряной лире в форме конской головы, отвезенной им Лудовико Моро в Милан в качестве дипломатического подарка⁷. Именно с присутствием лиры и флейт связано одно из названий берлинской картины — «Аллегория Музыки». Вторым и более точным мы обязаны Аби Варбургу.

В таблице № 53 атласа «Мнемозина» Варбург сопоставил героиню панно с изображением музы Эрато на одной из 32 анонимных миниатюр 1480 г., иллюстрирующих описание представления, которое было разыграно в честь бракосочетания Костанцо Сфорца и Камиллы Арагонской в 1475 г. в Пезаро (Ватикан, Апостолическая библиотека, Urb.lat.899, fol. 59r⁸). Празднество длилось два дня. В первый день состоялся триумфальный въезд невесты в сопровождении олимпийских божеств в Пезаро, во второй — явление планетарных божеств на свадебном пиру. Здесь, в части, посвященной «святой Венере», богиня любви призывала музу Эрато как музу супружеского согласия, и та появлялась в драгоценном платье, с лирой в руках, в венке из мирта, плюща и лавра, в сопровождении серебристого

---

⁴ Другим наглядным примером является «Поклонение волхвов» для монастыря Сан Донато в Скопето (ок. 1496 г., Флоренция, Уффици), где Филиппино отчасти опирается на неоконченную работу Леонардо, но есть и другие точки соприкосновения. Подробнее см.: *Natali A. Le pose di Leda // Leonardo e il mito di Leda: modelli, memorie e metamorfosi di un'invenzione / A cura di G. Dalli Regoli. Cinisello Balsamo, 2001. P. 48–51; Nelson J.K. Leonardo e la reinvenzione ... P. 21–24.*

⁵ *Zambrano P., Nelson J.K. Filippino Lippi. Milano, 2004. P. 49.*

⁶ *Carl D. Das Inventar der Werkstatt von Filippino Lippi aus dem Jahre 1504 // Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz. 1987. Bd. 31. P. 388, n. 220.*

⁷ *Vasari G. Le vite de' più eccellenti architetti, pittori, et scultori italiani / Ed. G. Milanesi. Vol. 4. Firenze, 1906. P. 28.*

⁸ Цифровую версию кодекса см.: https://spotlight.vatlib.it/selected-manuscripts-from-the-polonsky-foundation-digitization-project/catalog/Urb_lat_899 (дата обращения 15.03.2023).

лебеда, которого она вела на золотом поясе с надписью CESTUM (лат. пояс). Опутавший птицу, он символизировал брачный пояс, который служил знаком целомудрия и воздержания: «...одетая в белоснежное платье, затканное золотыми звездами, с распущенными волосами, в венке из плюща, лавра и мирта, в золотых башмачках *all'antica*. <...> В руке ее была лира, изготовленная из посеребренной черепахи, с лапами и хвостом; хвост посредине был перехвачен золотым кольцом с алмазами. И как знак она вела лебеда, всего в серебре, который держал ветку мирта, привязанную к его шее, на золотом поясе, именуемом брачным, что есть пояс целомудрия и воздержания»⁹.

Э. Барфуччи, приведя фрагмент ватиканской рукописи в своей книге о художественном окружении Лоренцо Великолепного, даже датировал картину 1475 г., полагая, что она была написана по случаю бракосочетания в Пезаро. Этому совершенно противоречит стиль живописи, никак не соотносимый с ранней манерой Филиппино. Исторически картина, написанная в 1500-е гг. во Флоренции, тоже едва ли могла быть связана с прославленным празднеством в Пезаро 1475 г. Но с текстом его «сценария», несмотря на некоторые различия (вид и местоположение лиры, цвет одежд героини), она согласуется настолько очевидным образом, что оспорить эту связь невозможно.

К миниатюрам из ватиканского кодекса берлинская «Эрато» имеет гораздо меньшее отношение, чем к его тексту — как и само свадебное действо, при всём его антикварном флёре, имело гораздо меньше общего с классической образностью, чем со средневековой космогонией и куртуазной поэтикой Северной Италии. Безымянный ломбардский миниатюрист действовал, как назвал бы это Варбург, *alla francese*, сохраняя за планетарными божествами следы их средневекового переосмысления. Для Филиппино же знание античной пластики подкрепляло «подлинность» того изображения *all'antica*, которое он мог создать и без опоры на миниатюры. Текст, их сопровождавший, художнику вполне мог быть знаком, поскольку сразу после бракосочетания он был напечатан, и именно печатная версия легла в основу последующих рукописных списков, драгоценного ватиканского и двух других, хранящихся в Пезаро и во Флоренции¹⁰. Похожие пышные празднества с мифологическими «живыми

⁹ Перевод наш по тексту: *Barfucci E. Lorenzo de' Medici e la società artistica del suo tempo. Firenze, 1964. P. 161. См. также: Zambrano P., Nelson J.K. Op. cit. P. 493.*

¹⁰ Подробную дискуссию, в том числе ссылки на сравнительные текстологические исследования, см.: *Passera C. "In questo piccolo libretto". Descrizioni di feste e di spettacoli per le nozze dei signori italiani del Rinascimento. Firenze, 2021. P. 21–37. О празднестве в Пезаро, в том числе полный перевод эпиграмм и описания представ-*

картинами» разыгрывались и по случаю других княжеских свадеб, оставляя зрителей под сильным впечатлением. Благодаря свидетельствам очевидцев и печатным *libretti* известны детали этих торжеств¹¹, и ясно, что их мифопоэтический язык был общим. Так, планетарные божества приветствовали новобрачных Джан Галеаццо Сфорца и Изабеллу Арагонскую в 1490 г. в миланском «Рае» Леонардо¹². Принципиальное изменение, внесенное художником в фигуру Эрато по сравнению с текстом и упростившее композицию, заключается в том, что Муза держит в руках только пояс, которым опутывает лебедя.

Образ Музыка, олицетворяющей гармонию небесных сфер, тем более был широко распространен и в аллегорической литературе, и в визуальной культуре XV в. Не прослеживая его эволюцию целиком, отметим только, что любопытную иконографическую параллель ватиканской рукописи и берлинскому панно составляет миниатюра с изображением Музыка в «Нравоучительной книге о шахматах любви», иллюминированной Робине Тестаром в 1496–1498 гг. (Париж, Национальная библиотека Франции, Département des Manuscrits. Français 143, fol. 65v; рис. 3), которая иллюстрирует ключевой раздел книги¹³ и, как предполагают, основана на гравюре «Музыка» из так называемых «Таро Мантеньи»¹⁴ (карта С 26; рис. 4). Во всех четырех случаях атрибутами Музыка служат лебедь и музыкальные инструменты, но только в двух — в *tarocchi* и у Филиппино — образу придано отчетливо гуманистическое звучание.

ления, см.: *Bridgeman J.A. Renaissance wedding: the celebrations at Pesaro for the marriage of Costanzo Sforza & Camilla Marzano D'Aragona, 26–30 May 1475. London, 2013.*

¹¹ Хорошо документировано торжество в Болонье по случаю свадьбы Аннибале Бендивольо и Лукреции д'Эсте 1487 г. См.: *Passera C. Op. cit.; Pyle C.M. Per un'iconologia dello spettacolo: dalle nozze sforzesche del 1489 alle favole mitologiche // Arte Lombarda. 1993. Vol. 105/107 (2–4). P. 84–87; Maurizzi A. Bologna, 27 gennaio/2 febbraio 1487: il corteo trionfale e la fabula mitologica nelle nozze tra Annibale Bentivoglio e Lucrezia d'Este // Engramma. N 86. Dicembre 2010. — URL: http://www.egramma.it/eOS/index.php?id_articolo=579 (дата обращения 15.03.2023)*

¹² *Angiolillo M. Leonardo: feste e teatri. Napoli, 1979. P. 47.*

¹³ *Margolis N. "Où celestiel chimphonie chante...": voyage encyclopédique d'un terme musical devenu moral de Macrobe à Christine de Pizan // Cahiers de recherches médiévales. 1999. Vol. 6. P. 36. — URL: <http://journals.openedition.org/crm/935> (дата обращения 15.03.2023).*

¹⁴ Две серии гравюр, которые появились на севере Италии между 1465 и 1485 гг. и содержат, в том числе, изображения аллегорий Свободных искусств с устоявшимися к тому времени атрибутами, иногда рассматриваются исследователями как своего рода иконографический справочник для изображения абстрактных понятий и мифологических образов (см.: *Suite d'estampes de la Renaissance italienne dite Tarots de Mantegna ou Jeu du gouvernement du monde au Quattrocento vers 1465. Vol. 1 / Ed. F. Trojani. Postf. aux estampes L. Beaumont-Maillet; Prés. d'histoire de l'art G. Lambert. Garches, 1985. P. 42–43).*

Et ar de vng seul soy ouyr: De
 plusieurs mesmes en vng con-
 sonance se poueroit confor-
 mance faire sicomme dit boec. L'autre
 que ces sons soient no obstru-
 leur diuersite bien aduenans
 et bien sans ensemble ou

regard de souer et de ce scyent
 il que la conforance en la-
 quelle les deux extremités soit
 plus diuerses et mixtes sans
 ensemble doit par nature et
 aussi par raison la plus doul-
 ce estre et la meillie de toutes

De n'est il nuyt doute que
 ces deux choses sont en d'ua-
 son mixtes ordonnees et par
 meilleur mesure que en nul-
 le autre. Et se nous consi-
 derons les deux extremités
 ou les deux sons qui font
 ceste conforance nous trou-
 uerons premierement vne

diuersite grant et notable
 pour ce qu'ils sont entre eulx
 de proportion double et par ai-
 si ils sont moult grandement
 distans et estloignes l'un de
 l'autre et par consequent moult
 diuers. Et pour ce dit aristote
 que ceste conforance est effi-
 caulx et forte pour la diuinité

Рис. 3. Робине Тестар. Музыка. «Нравоучительная книга о шахматах любви», 1496–1498 гг. Париж, Национальная библиотека Франции, Département des Manuscrits. Français 143, fol. 65v.

Соответствующий литературный источник для берлинской картины предлагал А. Шастель, включив его в круг памятников, навеянных философией неоплатонизма. Он отмечал, что в языке гуманистической поэзии лебедь олицетворял поэтический полет, и сопоставлял ее с эклогой Лоренцо Великолепного «Аполлон и Пан»¹⁵. От этого текста панно, однако, отстоит гораздо дальше, чем от описания праздника в Пезаро, и гипотезу вряд ли можно считать состоятель-

¹⁵ Шастель А. Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. Очерки об искусстве Ренессанса и неоплатоническом гуманизме. М.: СПб., 2001. С. 395.

Рис. 4. Ганс Ладеншпельдер. Музыка.
Копия с «Таро Мантеньи». 1530–1561 гг. Лондон,
Британский музей

ной (не исключая, правда, возможности, что образ, воспринятый из придворной культуры Северной Италии, во Флоренции мог быть наделен дополнительными философскими аллюзиями)¹⁶.

¹⁶ В сторону проблематики флорентийского платонизма увело бы и искушение соотнести картину с общепринятым в эпоху раннего Возрождения аллегорическим прочтением образов Муз и Свободных искусств: мотив возвышения души и обретения добродетели через знание — устойчивый мотив итальянских студиоло и мемориальных ансамблей XV в. Искушение это тем более сильно, что пластически «Эрато» восходит к тем же античным прототипам, что и одновременные фрески Филиппино в капелле Строцци, в программе которой отчетливо звучит эта тема (см.: Лопухова М.А. *Sacris superis initiati canunt*: идея избранности в декорации капеллы Строцци в церкви Санта Мария Новелла во Флоренции // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2012. Вып. 2. С. 241–246). Но по этому пути, к счастью, не пустился ни один исследователь, хотя в атласе «Мнемозина» ватиканская миниатюра 1480 г., берлинская картина Филиппино и его же Аллегория Музыки с алтарной стены капеллы Строцци приколоты на планшет бок о бок (см.: Warburg A. *Mnemosyne. L'Atlante della memoria di Aby Warburg / Materiali a cura di I. Spinelli, R. Venuti*. Roma: Artemide Ed., 1998, Tav. 53, fig. 1–3).

Брачные коннотации этого образа, напротив, вполне убедительны, и не только в контексте прославленного торжества 1475 г. Драгоценный пояс в руках Эрато — традиционный аксессуар ренессансной невесты, входивший в комплект свадебных подарков¹⁷. Более того, на празднестве в Пезаро кроме Венеры и музыки Эрато, которая набрасывала на лебедя пояс, напоминающий настоящий *chiavasciopa* невесты (рис. 5), будто демонстрируя другие общепринятые атрибуты брачного ритуала, появлялись Гименей, который на миниатюре 1480 г. изображен рядом с гиперболизированным обручальным кольцом (fol. 56v), и Геба с кубком, напоминающим настоящие *corpe di nozze* (fol. 66r). Все эти атрибуты находят аналогии в современном прикладном искусстве¹⁸, а сами предметы могли украшаться сюжетами, сходными со сценарием торжества в Пезаро: таков, например, кубок из собрания Британского музея с изображением триумфа Венеры и Гименей¹⁹. Наконец, нравственно-аллегорическое истолкование образа музыки и лебедя как олицетворения любви «святой, а не похотливой» прекрасно вписывается в содержание тех *exempla*, которыми наполнялось живописное убранство брачного покоя.

Исходя из жанра берлинского панно, характера его героини и очевидного любовно-нравственного подтекста, его стало принято соотносить с неким живописным ансамблем, созданным, как и его литературный прототип, по случаю бракосочетания. Осталось, как гласит старая флорентийская искусствоведческая шутка, найти свадьбу.

Основная и единственная гипотеза на этот счет принадлежит ведущему специалисту по творчеству Филиппино Дж. К. Нельсону: он связывает «Эрато» с комплектом предметов, которые предназначались для брачных покоев Джованни Веспуччи и Намичины ди Бенедетто ди Танаи Нерли, чья свадьба состоялась в 1500 г.²⁰ Гипотеза основана на том, что среди работ, оставшихся в мастерской после смерти художника, согласно описи, находилось незавершенное большое тондо, предназначавшееся для Джованни Веспуччи²¹. Тондо, как правило, с изображением Богоматери с младенцем или жизнеутверждающего евангельского сюжета традиционно заказывали

¹⁷ *Musacchio J.M.* Art, marriage, & family in the Florentine renaissance palace. New Haven, 2008. P. 168–174.

¹⁸ *Art and Love in Renaissance Italy. Exhibition catalogue / Ed. A. Bayer.* New York: Metropolitan Museum of Art, 2008. Cat. 32a (кольцо), Cat. 36a (пояс невесты).

¹⁹ *Ibid.*, fig. 60.

²⁰ *Zambrano P., Nelson J.K.* Filippino Lippi. Milano, 2004. P. 602.

²¹ «...uno tomdo grande chominciato, di Giovanni Vespucci» (*Carl D.* Das Inventar der Werkstatt von Filippino Lippi aus dem Jahre 1504 // *Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz.* 1987. Bd. 31. P. 386 n. 79).

Рис. 5. Эрато. «Бракосочетание Костанцо Сфорца и Камиллы Арагонской». 1480 г. Ватикан, Апостолическая библиотека, Urb. lat. 899, fol. 59r

валось по случаю бракосочетания или — и даже чаще, как показала Р. Олсон²² — рождения ребенка.

Эта версия, неоднократно повторенная в литературе последних двадцати лет без пояснений, требует, на наш взгляд, комментария, особенно учитывая тот факт, что с женитьбой Джованни Веспуччи на Намичине Нерли традиционно связывают еще один, более значительный, живописный комплекс — спаллиеры Сандро Боттичелли «История Виргинии» (Бергамо, Академия Каррара) и «История Лукреции» (Бостон, Музей Изабеллы Стюарт-Гарднер), на этом основании датируемые годом свадьбы²³, хотя существуют и альтерна-

²² Olson R.J.M. The Florentine tondo. Oxford, 2000.

²³ Virtù d'amore: pittura nuziale nel Quattrocento fiorentino / Ed. C. Paolini. Firenze, 2010. Cat. 21.

тивные суждения. Это отождествление — не более, чем допущение, ставшее конвенциональным, которое, в свою очередь, основано на известном, но весьма туманном пассаже Вазари²⁴. В этом случае берлинская «Эрато» превращается в часть вполне конкретного живописного ансамбля и многоуровневой смысловой конструкции, которая требует не только прояснения обстоятельств заказа, но и иконологического обоснования.

Некоторое сомнение вызывает ее формат. «Аллегория Музыки» (ее размер 61×51 см) существенно, на 25 см, меньше в высоту, чем доски Боттичелли. В этом контексте нельзя не упомянуть, что на рубеже XV–XVI вв. уже существовали малоформатные картины на аллегорические и мифологические темы, которые иногда сохраняли прикладную функцию²⁵, а иногда обретали статус самостоятельных «кабинетных» картин. Учитывая сходство размеров панно Филиппино с некоторыми версиями «Леды», вдвойне любопытно, чем мыслил свою мифологическую картину Леонардо, но ответить на этот вопрос едва ли удастся²⁶. Ближайший аналог берлинской картины в творчестве самого Липпи, «Раненый кентавр» (сер. 1490-х гг., Оксфорд, Картинная галерея Крайст-черч), который создан немногим ранее и относительно близок ей по формату (77×68 см), — и подавно двухстороннее панно. На нем изображен беспрецедентный в ренессансной живописи эпизод из «Мифологической библиотеки» Апол-

---

²⁴ «На Виа деи Серви, в доме Джованни Веспуччи, ныне принадлежащем Пьетро Сальвиати, он выполнил вокруг одной из комнат много картин в ореховых рамах в виде бордюра и шпалер, со многими весьма живыми и прекрасными фигурами» (*Vasari G. Le vite de' più eccellenti architetti, pittori, et scultori italiani / Ed. G. Milanesi. Vol. 3. Firenze, 1878. P. 312.*)

²⁵ Так, известная серия аллегорий Джованни Беллини (ок. 1490 г., Венеция, Галерея Академии) служила дверцами бюро.

²⁶ Предметный разговор о «Леде» в этом ключе практически невозможен. Б.Х. Мейер, проанализировав все упоминающие о ней источники, пришла к выводу, что ученики Леонардо при создании своих версий пользовались только идеями и рисунками учителя, а законченная им картина едва ли существовала (см.: *Meyer B.H. Leonardo's Hypothetical Painting of «Leda and the Swan» // Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz. 1990. Bd. 34. S. 279–294.*) При этом нельзя не отметить разницу в размерах этих версий. Так, вариант Франческо Мельци (131×78, 1508–1515 гг., Флоренция, Уффици) — это большое панно, которое косвенно может свидетельствовать о том, что «Леда», с ее ботанико-аллегорическим, как показала так же Мейер, подтекстом, задумывалась для некоего развернутого живописного ансамбля (см.: *Meyer B.H., Wilson Glover A. Botany and Art in Leonardo's Leda and the Swan // The MIT Press. 1989. Vol. 22. P. 75–82.*) По мнению Р. Нанни, она могла предназначаться для мантуанского студиоло Изабеллы д'Эсте (см.: *Nanni R. Leonardo nella tradizione di Leda // Leonardo e il mito di Leda: modelli, memorie e metamorfosi di un'invenzione / A cura di G. Dalli Regoli. Cinisello Balsamo, 2001. P. 40–44.*) В то же время, одна из реплик кисти Чезаре да Сесто (69,5×73,7, 1505–1510 гг., Лондон, Уилтон-Хаус) по формату близка рассматриваемым картинам Филиппино.

лодора (II, 5:4)²⁷. Добродушный кентавр Фол, принимавший в гостях Геракла, после пирушки, которая закончилась кровавой стычкой с другими кентаврами, с любопытством разглядывает колчан и отравленные стрелы и нечаянно ранит себя в ногу одной из них. Фигурка спящего Амура за его спиной, однако, намекает, что смертоносное оружие принадлежит вовсе не Гераклу, а богу любви, так что этот образ представляет собой предостерегающую любовную аллегорю. На обороте намечена многофигурная композиция, которую определяли и как сцену рождения Венеры²⁸, и как задуманную в духе стойков аллегорю Доблести и Верности²⁹. Первая версия представляется убедительной: хотя эта композиция не связана, как можно было бы ожидать, с самым известным флорентийским живописным произведением на этот сюжет — «Рождением Венеры» Боттичелли, она обнаруживает созвучие с картой «Венера» из уже упомянутых выше «Таро Мантеньи» (серия E, A 43)³⁰ и, соответственно, с известными мифографами³¹.

Будь оборот закончен, можно было бы выдвинуть стройную версию интерпретации, согласно которой богиня любви мыслилась виновницей гибели доверчивого кентавра. Далее следовало бы предположить, что обе стороны панно должны были быть доступны зрителю, т.е. картину легко можно было снять со стены, или она служила дверцей шкафчика. Но не стоит исключать, что оборот был попросту признан творческой неудачей, два сюжета не связаны между собой, и панно было вмонтировано в обшивку стены намертво без потери аллегорического смысла. Иными словами, не имея твердого представления о бытовании этих картин и только самые общие — об их размещении в интерьере³², мы вольны (или вынуждены) руководствоваться при реконструкции «свадебных заказов» аргументами другого порядка.

В случае берлинской «Эрато» они есть и выглядят довольно убедительными. Далеко не все записи о неоконченных работах Липпи в описи имущества, опубликованной Д. Карл, снабжены указанием

---

²⁷ *Lloyd-Jones H. Filippino Lippi's Wounded Centaur // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1969. Vol. 32. P. 390.*

²⁸ *Byam Shaw J. Paintings by Old Masters at Christ Church Oxford. London, 1967. Cat. 41.*

²⁹ *Del Bravo C. Filippino e lo stoicismo / Del Bravo C. Intese sull'arte. Firenze, 2008. P. 53–54.*

³⁰ *Suite d'estampes de la Renaissance italienne... P. 60–62.*

³¹ *Ibid. P. 55–56.*

³² Суждения на этот счет (с библиографией) см.: *Nelson J.K. Filippino nei ruoli di discepolo, collaboratore e concorrente del Botticelli // Botticelli e Filippino: l'inquietudine e la grazia nella pittura fiorentina del Quattrocento / A cura di D. Arasse, P. De Vecchi, J.K. Nelson. Milano, 2004. P. 7, note 11.*

на имя заказчика. Факт, что Джованни Веспуччи в ней упомянут, безукоризненно свидетельствует о том, что его имя было известно нотариусу или ближайшему окружению художника, возможно, фигурировало в расписках и т.п. Следовательно, он сам или его семья действительно могли сотрудничать с Филиппино неоднократно и доверить ему прежде загадочного «большого тондо» (которое, вероятно, было заказано уже по случаю пополнения семейства) оформление брачного покоя, т.е. комплект расписных досок, с которым берлинская «Эрато», учитывая ее матримониальные коннотации, вполне соотносима.

Что касается двух поздних панно Боттичелли, то их связь со свадьбой Джованни Веспуччи и Намичины Нерли периодически оспаривается в литературе в связи с их политическим подтекстом. Как известно, сюжеты, связанные с гибелью доблестных римлянок, матроны и девы, имели во флорентийской живописи двойственное прочтение. Безусловно, они соответствовали общему содержанию наставлений, адресуемых ренессансной невесте, и воспевали женскую добродетель — покорность воле родственников-мужчин, девическое целомудрие, супружескую верность и борьбу за неизбежность фамильной чести. Но во Флоренции их восприятие имело отчетливую политическую окраску и было связано с гражданственным, республиканским звучанием обоих образов, поскольку обе семейные драмы повлекли за собой свержение тиранической (или олигархической) власти в Древнем Риме. Первый всплеск интереса к этим сюжетам возник в конце треченто на волне восстания чомпи, второй — в конце кватроченто на волне антимакедонской риторики.

В картине Сандро, иллюстрирующей историю Лукреции, политическая подоплека очевидна. В центре изображено извятие Давида на колонне, а на рельефе, помещенном слева на триумфальной арке, представлена Юдифь с головой Олоферна, которую легко соотнести с «Юдифью» Донателло, перенесенной на площадь Синьории в 1495 г. в знак избавления от «тирании» Медичи. И Давид, и Юдифь были старыми символами флорентийского республиканства, и их появление, тем более в триумфальном контексте, намекало на конкретное историческое событие. О доминировании смыслов политических свидетельствуют и фигуры обнаживших оружие воинов, обступивших тело Лукреции и готовых выступить против рода Тарквиниев, и введенная в «Историю Виргинии» сцена восстания плебса против децемвиров. Таким образом, в живописи Боттичелли декларировались не столько семейные, сколько государственные, гражданские идеалы.

Гвидантонио Веспуччи, отец жениха и вероятный заказчик живописных композиций для комнаты новобрачных, по одной версии, находился в оппозиции к Пьеро ди Лоренцо деи Медичи, и в этом случае республиканская риторика была более чем уместна. Согласно противоположному суждению, он, наоборот, поддерживал Пьеро деи Медичи и союз Флоренции с Миланом, а после изгнания правящего семейства был поборником олигархического правления и противником Савонаролы. К аристократическому роду, некогда возвращенному Козимо Медичи из ссылки, принадлежала и невеста, Намичина Нерли. Впрочем, — и к 1500 г. это было очевидно — противостояния 1490-х гг., хотя и обошлись Флоренции дорого, всё же привели к восстановлению республики, которая теперь уже казалась неизбежной, и проявить к ней лояльность было бы политически дальновидным шагом³³.

Остается вопрос, зачем в этом ансамбле могло появиться маленькое панно с изображением добродетельной музы. Здесь важно вспомнить, что Филиппино, в отличие от Боттичелли, в целом мало занимался росписями кассоне и спаллиер. Многочастная «История Есфири», выполненная совместно с Сандро еще в 1470-е гг., и парные «История Виргинии» и «История Лукреции», датируемые около 1480 г., — единичные примеры его обращения к этому жанру в юности. К поздним годам относятся панно на сюжеты из истории Моисея (ок. 1500–1502 г., Национальная галерея, Лондон) и две малоформатные картины на мифологические темы — обсуждаемая нами берлинская «Эрато» и загадочный «Раненый кентавр».

Если верить Дж. Вазари, Филиппино не испытывал интереса к этому жанру: однажды он наотрез отказался повторить некую «историю с малыми фигурами», написанную по заказу Пьеро дель Пульезе, для другого гражданина Флоренции, восхищенного его работой³⁴. Востребованный как мастер монументальной живописи и больших алтарных картин, он, очевидно, работал в этом жанре нечасто. К «особым случаям», по-видимому, относилось сотрудничество с постоянными покровителями, будь то Пьеро дель Пульезе или Танаи деи Нерли, по заказу которого Липпи исполнил два алтаря во

---

³³ О вариантах истолкования политического подтекста этих спаллиер Боттичелли см.: Botticelli: de Laurent le Magnifique à Savonarole. Catalogue / Sous la dir. de D. Arasse. Milan, 2003. P. 152; Великие живописцы Ренессанса из Академии Каррара в Бергамо. М., 2014. С. 108.

³⁴ «...а для Пьеро дель Пульезе, своего друга, написал историю с малыми фигурами, выполненными с таким искусством и тщательностью, что, когда другой гражданин пожелал получить подобную же, он отказал ему в этом, заявив, что сделать это невозможно» (Vasari G. Le vite de' più eccellenti architetti, pittori, et scultori italiani. Vol. 3. P. 467).

флорентийских фамильных капеллах. Один до сих пор находится в церкви Санто Спирито, второй, для церкви Сан Сальваторе аль Монте, не идентифицирован. Собственно, его внучка Намичина (возможно, та самая девочка, с которой Танаи, отправляясь в посольство ко французскому двору³⁵, прощается на пороге семейного дворца на дальнем плане алтарной картины из Санто Спирито) и выходила замуж в семью Веспуччи в 1500 г.

Здесь стоит задуматься: какое же прелестное панно «с малыми фигурами», созданное для Пьеро дель Пульезе, Филиппино не захотел повторять по просьбе господина, оставшегося Вазари неизвестным, если, конечно, весь пересказанный им эпизод — не анекдот и не очередная попытка воздать хвалу художнику? Не исключено, что подразумевалась под ним одна из созданных около 1480 г. историй доблестных римлянок, Лукреции (Флоренция, Палаццо Питти) или Виргинии (Париж, Лувр). Подобное предположение правомерно не только потому, что, как мы уже пояснили, выбор был невелик, но и потому, что эти юношеские работы Липпи действительно пользовались популярностью. В частности, они послужили образцом для Якопо Селлайо (Эдинбург, частное собрание), который, специализируясь на свадебных росписях, часто воспроизводил мотивы, восходящие к мастерским Боттичелли и Липпи, или работал по их рисункам³⁶. В пользу этой версии говорит факт, что Пьеро дель Пульезе был ярым республиканцем и наверняка симпатизировал обоим сюжетам.

Отдельная дискуссия развернулась о том, были ли панно молодого Липпи, посвященные Лукреции и Виргинии, его самостоятельным изобретением или восходят к утраченному прототипу или картону Боттичелли³⁷; вторая версия вероятна, в таком случае панно 1500 г. были не первым обращением Сандро к этим сюжетам. Так или иначе, в поздних панно Боттичелли ход повествования организован иначе, чем в юношеских работах Филиппино, и отчетливее тираноборческое послание. В то же время, сюжеты, характер их инсценировки и общая композиционная интенция совпадают, что может косвенно говорить о сознательном желании Боттичелли — или его

---

³⁵ *Bridgeman J.* Filippino Lippi's Nerli altarpiece a new date // *The Burlington Magazine*. 1988. N 9 P. 668; *Nelson J.K.* The place of woman in Filippino Lippi's Nerli altarpiece // *Italian history & culture*. 1995. Vol. 1. P. 73.

³⁶ Об этом см.: *Лопухова М. А.* Una storia di figure piccole, condotte con tanta arte e diligenza: «История Орфея» Якопо дель Селлайо и несколько рисунков Филиппино Липпи и мастерской из собрания галереи Уффици // *Актуальные проблемы теории и истории искусства*. 2017. Вып. 7. С. 532–541.

³⁷ *Zambrano P., Nelson J.K.* Op. cit. P. 162–163.

заказчика — повторить, хотя бы и с вариациями, прототип 1480 г., какому бы из двух художников он ни принадлежал.

Факт, что в 1500 г. имена Боттичелли и Липпи вновь оказались рядом, тоже не удивителен. Дж. К. Нельсон убедительно доказал на примере раннего свадебного ансамбля, «Истории Есфири», созданного мастерами совместно в конце 1470-х гг., что Филиппино даже в пору своего пребывания в мастерской Сандро был скорее его сотрудником, чем учеником³⁸. Вернуться к сотрудничеству они могли и спустя два десятилетия. Занятой, не питавший приязни к домашней живописи и не желавший повторять однажды сделанное Филиппино и его бывший наставник, менее востребованный в эти годы, вполне могли разделить между собой заказ, поступивший от дружественных им обоим семейств (Боттичелли, напомним, работал для семейства Веспуччи в 1480-е гг.). Оставляя за скобками гипотезу, что в этот цикл, целиком выдержанный в антикварном вкусе, входили еще и вакхические сценки, написанные Пьеро ди Козимо³⁹, заключим, что Сандро досталась экзальтированная «прокламационная» часть ансамбля, а Филиппино — маленький поэтический образ. Мифологическая картина *all'antica*, апеллируя не только к общим местам свадебного ритуала, но и к аристократической, княжеской величальной риторике, позволяла немного сбавить патетические гражданственные интонации и сместить акцент на тему любви и женского целомудрия — которым, впрочем, не были обделены и две другие героини этого ансамбля, если это и вправду был ансамбль, созданный по случаю свадьбы Джованни Веспуччи и Намичины Нерли в 1500 г.

References

Angiolillo M. *Leonardo: feste e teatri*. Napoli: Società Editrice Napoletana, 1979. 117 p.

Art and Love in Renaissance Italy. Exhibition Catalogue / Ed. by A. Bayer. New York: Metropolitan Museum of Art, 2008. 376 p.

Barfucci E. *Lorenzo de' Medici e la società artistica del suo tempo*. Firenze: Gonnelli, 1964. 289 p.

Botticelli: de Laurent le Magnifique à Savonarole. Catalogue / Sous la dir. de D. Arasse. Milan: Skira, 2003. 248 p.

---

³⁸ См.: Nelson J.K. *Filippino nei ruoli di discepolo, collaboratore e concorrente del Botticelli // Botticelli e Filippino: l' inquietudine e la grazia nella pittura fiorentina del Quattrocento / a cura di D. Arasse, P. De Vecchi, J.K. Nelson*. Milano: Skira, 2004. P. 85–99; Nelson J.K. 'Botticelli' or 'Filippino'? How to Define Authorship in a Renaissance Workshop // *Sandro Botticelli and Herbert Horne: New Research / ed. R. Hatfield*. Florence, 2009. P. 137–150.

³⁹ Zambrano P, Nelson J.K. Op. cit. P.602.

- Bridgeman J.A. *Filippino Lippi's Nerli Altarpiece a New Date* // *The Burlington Magazine*. 1988. N 9. P. 668–671.
- Bridgeman J.A. *Renaissance Wedding: The Celebrations at Pesaro for the Marriage of Costanzo Sforza & Camilla Marzano D'Aragona, 26–30 May 1475*. London [et al.]: Miller, 2013. 198 p.
- Byam Shaw J. *Paintings by Old Masters at Christ Church, Oxford*. London: Phaidon, 1967. 308 p.
- Carl D. *Das Inventar der Werkstatt von Filippino Lippi aus dem Jahre 1504* // *Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz*. 1987. Bd. 31. S. 373–391.
- Chastel A. *Iskusstvo i gumanizm vo Florentsii vremen Lorenzo Velikolepnogo. Ocherki ob iskusstve Rennanssa i neoplatonicheskom gumanizme* [Art et Humanisme à Florence au temps de Laurent le Magnifique. Études sur la Renaissance et l'humanisme platonicien]. Moscow; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga, 2001. 621 p.
- Del Bravo C. *Filippino e lo stoicismo* // Del Bravo C. *Intese sull'arte*. Firenze: Le lettere, 2008. P. 47–58.
- Kemp M. *Leonardo da Vinci: The Marvellous Works of Nature and Man*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981. 384 p.
- Lloyd-Jones H. *Filippino Lippi's Wounded Centaur* // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1969. Vol. 32. P. 390.
- Lopukhova M.A. *Sacris superis initiati canunt: ideya izbrannosti v dekoratsii kapelly Strozzi v tserkvi Santa Maria Novella vo Florentsii* [Sacris Superis Initiati Canunt: The Idea of Chosenness in the Decoration of the Strozzi Chapel in the Church of Santa Maria Novella in Florence] // *Aktual'nyye problemy teorii i istorii iskusstva*. 2012. Issue. 2. P. 241–246.
- Lopukhova M.A. *Una storia di figure piccole, condotte con tanta arte e diligenza: "Istoriya Orfeya" Yakopo del' Sellaio i neskol'ko risunkov Filippino Lippi i masterskoy iz sobraniya galerei Uffitsi* [Una Storia di Figure Piccole, Condotte con Tanta Arte e Diligenza: "The Story of Orpheus" by Jacopo del Sellaio and Several Drawings by Filippino Lippi and the Workshop from the Collection of the Uffizi Gallery] // *Aktual'nyye problemy teorii i istorii iskusstva*. 2017. Issue 7. P. 532–541.
- Margolis N. "Où celestiel chimphonie chante...": *voyage encyclopédique d'un terme musical devenu moral de Macrobe à Christine de Pizan* // *Cahiers de recherches médiévales*. 1999. Vol. 6. — URL: <http://journals.openedition.org/crm/935>
- Maurizzi A. *Bologna, 27 gennaio/2 febbraio 1487: il corteo trionfale e la fabula mitologica nelle nozze tra Annibale Bentivoglio e Lucrezia d'Este* // *Engramma*. N 86. Dicembre 2010. — URL: http://www.egramma.it/eOS/index.php?id_articolo=579
- Meyer B.H. *Leonardo's Hypothetical Painting of "Leda and the Swan"* // *Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz*. 1990. Bd. 34. P. 279–294.
- Meyer B.H., Wilson Glover A. *Botany and Art in Leonardo's Leda and the Swan* // *The MIT Press*. 1989. Vol. 22. P. 75–82.
- Musacchio J.M. *Art, Marriage, & Family in the Florentine Renaissance Palace*. New Haven: Yale University Press, 2008. 344 p.
- Nanni R. *Leonardo nella tradizione di Leda* // *Leonardo e il mito di Leda: modelli, memorie e metamorfosi di un'invenzione* / A cura di G. Dalli Regoli. Cinisello Balsamo: Silvana Ed., 2001. P. 23–44.
- Natali A. *Le pose di Leda* // *Leonardo e il mito di Leda: modelli, memorie e metamorfosi di un'invenzione* / A cura di G. Dalli Regoli. Cinisello Balsamo: Silvana Ed., 2001. P. 48–51.

Nelson J.K. "Botticelli" or "Filippino"? How to Define Authorship in a Renaissance Workshop // *Sandro Botticelli and Herbert Horne: New Research* / Ed. by R. Hatfield. Florence: SUF, 2009. P. 137–150.

Nelson J.K. *Filippino nei ruoli di discepolo, collaboratore e concorrente del Botticelli* // *Botticelli e Filippino: l'inquietudine e la grazia nella pittura fiorentina del Quattrocento* / A cura di D. Arasse, P. De Vecchi, J.K. Nelson. Milano: Skira, 2004. P. 85–99.

Nelson J.K. *Leonardo e la reinvenzione della figura femminile: Leda, Lisa e Maria*. Firenze: Giunti, 2007. 24 p.

Nelson J.K. *The Place of Woman in Filippino Lippi's Nerli Altarpiece* // *Italian History & Culture*. 1995. Vol. 1. P. 65–80.

Olson R.J.M. *The Florentine Tondo*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 376 p.

Passera C. "In questo piccolo libretto". *Descrizioni di feste e di spettacoli per le nozze dei signori italiani del Rinascimento*. Firenze: Firenze University Press, 2021. 294 p.

Pyle C.M. *Per un'iconologia dello spettacolo: dalle nozze sforzesche del 1489 alle favole mitologiche* // *Arte Lombarda*. 1993. Vol. 105/107 (2–4). P. 84–87.

Suite d'estampes de la Renaissance italienne dite Tarots de Mantegna ou Jeu du gouvernement du monde au Quattrocento vers 1465. Vol. 1 / Ed. F. Trojani; postf. aux estampes L. Beaumont-Maillet; prés. d'histoire de l'art G. Lambert. Garches: Seuroux, 1985. 70 p.

Testaferrata E. *La Leda di Leonardo: compendio di un'invenzione* // *Leonardo e il mito di Leda: modelli, memorie e metamorfosi di un'invenzione* / A cura di G. Dall'i Regoli. Cinisello Balsamo: Silvana Ed., 2001. P. 65–71.

Velikiye zhivopistsy Renessansa iz Akademii Carrara v Bergamo [The Great Painters of the Renaissance from the Accademia Carrara in Bergamo]. Moscow: Art-Volkhonka, 2014. 224 p.

Virtù d'amore: pittura nuziale nel Quattrocento fiorentino / Ed. C. Paolini. Firenze: Giunti, 2010. 287 p.

Warburg A. *Mnemosyne. L'Atlante della memoria di Aby Warburg* / Materiali a cura di I. Spinelli, R. Venuti. Roma: Artemide Ed., 1998. 96 p.

Zambrano P., Nelson J.K. *Filippino Lippi*. Milano: Electa, 2004. 671 p.

Поступила в редакцию
18 февраля 2023 г.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» публикует статьи и материалы по отечественной и всеобщей истории, истории искусства, источниковедению, историографии и вспомогательным историческим дисциплинам, этнологии, археологии, архивные документы с научными комментариями, информацию о научных мероприятиях с участием сотрудников исторического факультета МГУ.

Страницы журнала открыты для дискуссий, поэтому его содержание может не отражать точку зрения учредителей и редакционной коллегии. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных, географических названий, статистических и иных сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» выходит один раз в два месяца. При перепечатке материалов журнала в другом издании ссылка на первую публикацию обязательна.

Требования к оформлению статей:

- текстовый редактор: Microsoft Word;
- шрифт: Times New Roman (Times New Roman Cyrillic), 12 кегль;
- полуторный междустрочный интервал (как в тексте, так и в сносках);
- сноски: нумерация сквозная, расположение постраничное, шрифт — 10 кегль, фамилии авторов выделяются курсивом.

Текст представляется в редакцию по электронной почте (scobo_chka2@mail.ru) или на usb-накопителе без компьютерных вирусов. Объем статьи — не более 32 тыс. знаков с пробелами для аспирантов, не более 60 тыс. знаков с пробелами — для преподавателей и научных сотрудников. Схемы, рисунки, фотографии и другие изобразительные материалы — в отдельных файлах.

Статья должна содержать:

- аннотацию объемом не менее 250 слов;
- 6–8 ключевых слов или словосочетаний (в словосочетании не должно быть более трех слов);
- сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, адрес электронной почты автора, ORCID;
- список литературы, т.е. перечень всех исследований, процитированных и упомянутых в статье, с указанием издательства и количества страниц.

Предлагаемую для публикации статью аспирантам и преподавателям исторического факультета МГУ нужно сопроводить выпиской из протокола заседания кафедры с рекомендацией ее к печати. Редакция организует для всех полученных ею статей двойное «слепое» рецензирование.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич (главный редактор) — доктор исторических наук, академик РАО, профессор; **АНДРЕЕВ Дмитрий Александрович** (заместитель главного редактора) — кандидат исторических наук; **БОРИСЁНОК Юрий Аркадьевич** (заместитель главного редактора) — кандидат исторических наук; **БОРИСОВ Николай Сергеевич** — доктор исторических наук, профессор; **БОРОДАЕВ Владимир Алексеевич** (ответственный секретарь) — доктор исторических наук, профессор; **БОРОДКИН Леонид Иосифович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ВАНЕЯН Степан Сергеевич** — доктор искусствоведения; **ГОЛИКОВ Андрей Георгиевич** (заместитель главного редактора) — доктор исторических наук, профессор; **ДЕВЯТОВ Сергей Викторович** — доктор исторических наук, профессор; **КАНТОРОВИЧ Анатолий Робертович** — доктор исторических наук; **КАРЕВ Андрей Александрович** — доктор искусствоведения, профессор; **КАРПОВ Сергей Павлович** — доктор исторических наук, академик РАН, профессор; **КОШЕЛЕВА Галина Владимировна** (редактор); **КОШМАН Лидия Васильевна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник; **ЛИТВИНА Наталья Викторовна** — старший научный сотрудник; **МАТВЕЕВ Геннадий Филиппович** — доктор исторических наук, профессор; **МИРОНЕНКО Сергей Владимирович** — доктор исторических наук, профессор; **ОРЛОВ Степан Владимирович** — кандидат экономических наук; **ПИВОВАР Ефим Иосифович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ПОДОСИНОВ Александр Васильевич** — доктор исторических наук; **РАЕВСКАЯ Ольга Владимировна** — доктор филологических наук, профессор; **РОГУЛЕВ Юрий Николаевич** — кандидат исторических наук; **САПРЫКИН Сергей Юрьевич** — доктор исторических наук; **СЕДОВ Владимир Валентинович** — доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, профессор; **СИМОНОВ Вениамин Владимирович** — доктор экономических наук, профессор; **СОЛОПОВА Оксана Вячеславовна** — кандидат исторических наук; **ТАЛЫЗИНА Анна Аркадьевна** — кандидат исторических наук; **ФУНК Дмитрий Анатольевич** — доктор исторических наук, профессор

Адрес редакции:

119992, Москва, Ленинские горы, исторический факультет, Е-124

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1554 от 14 февраля 1991 г.

Подписано в печать 08.09.2023. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 11,39. Тираж 120 экз. Изд. № 12308. Заказ №

Издательство Московского университета.
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.
E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru